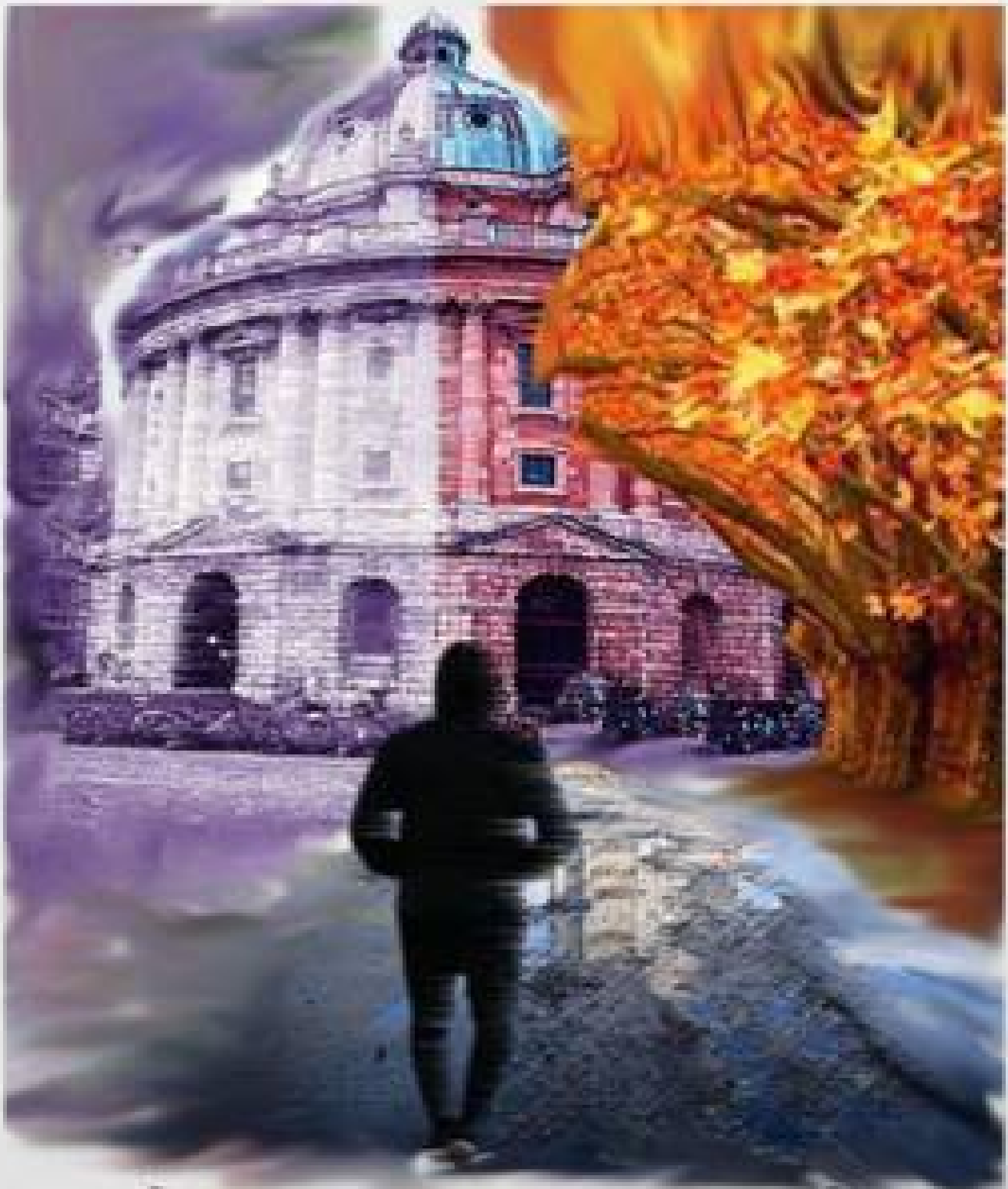

СВІТКІ СЕРАФІМА

Убагма Осуноба

1995 год. Алексей приехал в провинциальный городок, чтобы собрать материал для научной работы, а заодно выполнить поручение любимого деда. Разве что-нибудь могло пойти не так, как планировал молодой историк? Как скоро Алексей поймёт, что с каждой минутой, проведённой в чужом городе, он всё больше погружается в странные и опасные тайны далёкого прошлого? Случайность или чей-то продуманный план?

«Лишь точка в потоке времени...» Нечёткие контуры деревьев, мелькавшие в холодных осенних сумерках, сменились на частные домики. Они расплывались за окнами поезда: малопонятные, нечёткие постройки, постепенно обрастающие более весомыми признаками городской черты. До прибытия оставалось минут двадцать, но картина, открывающаяся из окна купе, была такой монотонной, что веки сами собой наливались свинцом. Музыка в наушниках уплывала мимо сознания, отзывалась отдельными тактами, сохраняя лишь ритмический рисунок.

Алексею показалось, что он закрыл глаза всего на минуту, а чья-то настойчивая рука уже заставила исчезнуть надвигающийся сон, безжалостно трясла за узкое плечо железными пальцами. Он вскинул голову, встретившись с внимательным и по-мальчишески озорным взглядом карих глаз. Добродушное лицо никак не вязалось с грубоватыми словами.

— Вставай! Приехали. Твои вещи за тебя никто таскать не будет.

Сосед по купе улыбнулся, небрежным движением закинул огромную спортивную сумку на плечо и направился к выходу. Алексей протёр глаза и с сожалением осмотрел багаж: немалых объёмов сумка, да ещё чемодан. Зачем дед перед отъездом сунул в руки выцветший, когда-то чёрный чемодан, было непонятно. Алексей и не знал, что лежит внутри.

К грузу прилагалась инструкция, которую он выучил наизусть. Мысленно Алексей повторил:

«Пойти от вокзала по центральной улице, свернуть возле библиотеки направо в проулок и войти в зелёную дверь».

Там жила дальняя родственница деда, которой и надо было передать чемодан.

— Выходим, выходим.

Краснолицый, заспанный проводник безлико прокричал в купе истёртую от частого использования фразу и скрылся в конце вагона.

Подхватив ценный груз, Алексей поплёлся к выходу. Чемодан нещадно бил по ногам.

— Давай помогу, что ли.

Смешливый парень протянул руку, чтобы подхватить чемодан и тащить его на перрон. Вместе они отлично справились, и Алексей спрыгнул с последней ступеньки на землю.

— Знаешь, я слышал, в этом городе нет проблем с кирпичами. Кирпичный завод. Тебе что-нибудь говорит этот набор букв?

Кареглазый, выдохнув, поставил чемодан в вертикальное положение. Оценив шутку, хозяин груза ухмыльнулся, молча покрутив головой. Некоторое время он впитывал пустоту перрона, утреннюю тишину и эхо от обрывистых фраз. Диспетчер невнятно сообщил о скором прибытии следующего поезда.

— И далеко тебе тащить это добро?

Прищурившись, сосед по купе оглядел худощавую фигуру напротив, словно примеривал к ней чемодан — тяжёлый груз, ну никак, не вписывался. Алексею стало даже неудобно от этого взгляда. Он зябко поёжился, но тут же пренебрежительно повёл плечами.

— Мне нужен дом за библиотекой, — вспомнив инструкцию деда, сообщил он.

— Библиотека? — Кажется, парень удивился, его карие глаза широко раскрылись, сделавшись ещё больше. — Нам по дороге.

Они вдвоём взялись за ручку чемодана и двинулись в сторону грязно-красного здания

в конце широкой улицы, мощённой щербатым камнем. Дорога была разбитой, в ямах искрилась вода после недавнего дождя. Алексей с интересом поглядывал то на неожиданного помощника, то по сторонам.

Небольшой индустриальный городок, выросший когда-то вокруг кирпичного завода, отличался провинциальной размеренностью и чинной медлительностью. Злые языки утверждали, что он попросту медленно умирает, не поспевая за бегом времени. Дома несли отпечаток печального распада и просительно взирали на центральную улицу, но именно такое положение вещей вызывало в Алексее искренний интерес. Несмотря ни на что городок зачаровывал сердце молодого историка.

— Право или лево?

— Что? — Алексей не сразу понял, о чём его спрашивают.

Всё внимание приезжего было обращено на здание библиотеки. Странная архитектура навевала мысли либо о безумии проектировщика, либо о богатой событиями судьбе постройки. Второе казалось более вероятным.

С первого взгляда строение имело некий внутренний центр, который годами обрастал новыми стенами, надстройками, боковыми коридорами и массой полезных и бесполезных помещений. Каков был изначальный замысел первого строителя, теперь понять было невозможно.

— Правый или левый проулок? — Озорная искра в глазах парня разгорелась ярче, казалось, неожиданного спутника забавляет позднее блуждание по пустым переулкам.

— Правый.

Улица резко сузилась. Вдвоём им было не разойтись. Задев плечами облупившиеся стены, Алексей и кареглазый добрались до ядрёно зелёной двери дома.

— Спасибо за помощь, — Алексей пожал твёрдую руку нечаянного знакомого и улыбнулся.

— Да ладно, — весело отмахнулся тот и быстрым шагом направился в сторону центральной улицы.

Когда парень скрылся из виду, путешественник досадливо поморщился, коря себя: он даже не спросил имени парня. Извечная рассеянность порядком досаждала самому Алексею. Но поделаться уже ничего нельзя и, отбросив сомнения, он постучал в дверь.

«Ну вот, — пронеслось мгновенно в мыслях, — так и знал, что ничего хорошего не выйдет».

Алексей снова поморщился. Эта непонятная для него миссия находилась под угрозой срыва: дверь не просто не открывали, за ней не было слышно ни малейших признаков движения.

Сумеречный проулок внушал опасения. Среди сплетения теней чернели фонарные столбы, но Алексей быстро понял, что они давно не работают. Весь облик ночного городка, который поначалу привлек приезжего, внезапно стал чужеродным и опасным. Мрак усиливал желание скорее развернуться и пойти искать гостиницу или любое пристанище, где можно сбросить груз и отдохнуть. Надежда Алексея, что его хотя бы покормят с дороги, таяла с каждой секундой, которую отмеряла тишина и внутри дома, и за его стенами. Только ветер уныло завывал со стороны большой площади, откуда Алексей попал к порогу зелёной двери.

— Мог бы предупредить, что приеду! — зло выдохнул он и, с досадой махнув рукой на проулок, зелёную дверь, здание библиотеки и на весь городишко разом, потащился вместе

с чемоданом обратно.

— Как же темно! Чёрт!

Самым неожиданным образом он споткнулся и нелепо упал на чемодан, сливаясь в темноте с единственным сухим куском асфальта под ногами. Мимо проехала машина, обдав распластанного человека бензиновым облаком. Чертыхнувшись в сотый раз, он зло пнул свою поклажу, потёр ушибленный бок и сел на несчастный чемоданный груз сверху. Темнота угнетала, а город негостеприимно глазел на чужака чёрными окнами спящих домов.

И всё же...

На библиотеке тускло горел фонарь при входе, и, подперев голову ладонями, Алексей обречённо стал смотреть на него, погружаясь в невесёлые мысли и предположения. Пока он размышлял, куда податься, машина развернулась и остановилась возле входа в здание.

Скрытый темнотой, Алексей наблюдал, как из иномарки появилась фигура в чёрном и направилась не к центральному входу, а скрылась в левом проулке. Прошло чуть времени, и человек неожиданно показался справа, обойдя библиотеку вокруг. Затем остановился, задрал голову и простоял так с минуту, словно пытался рассмотреть что—то на куполообразной крыше. Достав бумаги, незнакомец сгорбился под размытым пятном света от фонаря, долго изучал мятые листы. Нервно сложив записи, он запихнул их в карман и, к удивлению Алексея, присел на корточки. Человек прошёл так пару шагов вдоль стены, поднялся, припал к библиотеке, как к родной, вновь присел. Минут пять продолжалось это странное действие. Потом незнакомец сел в машину и уехал.

«Так», — Алексей ущипнул себя, чтобы убедиться, что не попал в абсурдный и непонятный сон. — «И в этом городе мне надо собирать материал? Спасибо!».

Он мысленно обругал деда, который посоветовал поработать над дипломным проектом в родном городе; потом вспомнил заведующего кафедрой: тот эту идею одобрил и, наконец, декана, что подписал направление. Выплеснув негодование, перегорев, он уловил в себе заинтересованность странными событиями.

«Историк я или где?!», — более спокойно продолжил Алексей, убеждая себя, что не напрасно проделал долгий путь.

Так он обрёл желаемое равновесие и толику привычного сарказма. Город проверял его на прочность и ожидал решительных ответных действий от незваного гостя.

Становилось прохладно. Алексей поднялся и, волоча за собой дедов подарок, наугад пошёл обратно к вокзалу.

«Дурацкая история выходит», — думал он. — «Нелепая...»

В сладких мечтах он уже видел, как передаёт посылку родственнице, а осчастливленная старушка в благодарность кормит его пирожками и предлагает заночевать, чтобы не искать посреди ночи гостиницу. Но мечты так и остались мечтами, что было весьма обидно. Особенно посреди тёмного, незнакомого города, пусть в нём и жило несколько поколений ваших предков.

Окончательно отравленный жалостью к себе, Алексей мрачно ухмыльнулся огням вокзала. Где-то справа неоновыми линиями мерцала покосившаяся вывеска со странной надписью:

«НИЦА ЛЕ ОДОР»

Загадочная реклама с намёком на нечто французское подмигнула путешественнику, и он вошёл внутрь.

В малогабаритном холле стало ясно, что ничего французского здесь нет, а всё, совсем наоборот, очень даже отечественное и знакомое. За потёртой конторкой сидела женщина неопределённого возраста. За спиной солидной дамы можно было прочесть полное название учреждения и рассмотреть криво прикреплённый календарь с изображением местной библиотеки.

На стойке тихо хрипело радио последним хитом Пугачёвой про зрелую любовь к «настоящему полковнику». Администраторша самозабвенно улыбалась в ответ песне, мечтательно подперев голову руками. На Алексея она обратила внимание с неохотой и скорее досадой.

На потёртом низеньком пуфике у стены восседал рыжеватый мужичок с выдающимися, просто поражающими воображение усами. Не отводя взгляда от мелких строчек газетной статьи, он время от времени шмыгал носом, и усищи в ответ шевелились так, словно являлись отдельным живым организмом на сморщенном лице. На посетителя он и не посмотрел, как будто в его мире не существовало ни вокзала, ни других людей.

Гостиница «Железнодорожник» имела всё тот же просительно-унылый вид, что и любое здание в городке. Очнувшись от созерцания невероятного усача, оглядевшись Алексей с надеждой поинтересовался у женщины, может ли он снять номер. Сейчас Лёха был готов отдать любые деньги за возможность поспать и прикидывал в уме вероятные траты.

Дама, с сомнением и неприязнью поглядывая на чемодан визитёра, сообщила, что все номера заняты. И несколько раз повторила для верности:

— Нет мест! Нет! — нелепо взвизгнув, она подпрыгнула на стуле от возмущения, точно от неё потребовали отдать самое дорогое.

— Да, ладно тебе, Маринка, — буркнул усатый. — Всегда можно угол найти. Не к тебе ж домой парень просится.

— Ещё не хватало! — резко повысив голос, она грозно вытянулась в сторону собеседника. — Сам бы и сидел тут, чужих обхаживал, а у меня и поважнее дела найдутся, — внезапно Маринка жалобно вздохнула.

— Знаю я ваши дела, — усач перевернул газетный лист. — Баловство одно.

— Молчи, Борисыч! — она свирепо раскрыла журнал с записями. — Раз уж не понимаешь ничего. Был бы человек, как все, а то всё особняком, отвернулся от города.

Задохнувшись, она покосилась на Алексея, будто сболтнула лишнего, да тут же пожалела.

— Так и город ко мне без добра, — хмыкнул усатый. — Дело твоё, но как бы не пожалеть...

Продолжать он не стал. Администраторша резво шикнула на него, кивнув в сторону гостя, при котором неуместны были откровенные разговоры. Похоже, подобные беседы не впервые случались между возрастной Маринкой и Борисычем. Рано или поздно прорывало обоих на откровенные пикировки. Непонятные для посторонних, они оставались важными для них двоих. Алексей, борясь с зевотой и усталостью, и не пытался проникнуть в эту тайну.

— Библиотекарь решит, кто пожалеет, — зло пробормотала она себе под нос, ударила ладонью по конторке. — Паспорт давай! На одну ночь подселю. Место забронировано на завтра.

Решив не обращать внимания на недовольство женщины, Алексей спокойно выложил паспорт. Ввязываться в пустые склоки он никогда не любил.

— О, привет! Ты всё путешествуешь? Ты и чемодан!

Кареглазый, недавно помогавший на вокзале, спустился в тесный холл. Он насмешливо поглядывал на случайного знакомого, на груз, лежащий у ног Алексея.

— Дома никого не оказалось, — Алексей удивился неожиданной встрече, но и обрадовался. — Пришлось вернуться.

— У меня в номере есть свободная кровать.

— Подселяем до утра, — тем же грубоватым и унылым тоном сообщила злая Маринка. — Номер десять, через пять минут принесут бельё.

— Друг приедет, — кареглазый извиняясь взмахнул рукой. — Но можем что-нибудь придумать. Правда, красавица? — с самой соблазнительной улыбкой он бодро подмигнул оторопевшей администраторше, наклонился через конторку так, что их взгляды на мгновение пересеклись очень близко.

— Э-э, — Маринка дёрнулась и словно забыла, что писала в толстую книгу-журнал, зарделась ярким румянцем.

Несколько мгновений пухлый, ярко покрашенный рот женщины открывался и закрывался.

— А как же! — наконец быстро затараторила она. — Обязательно, всенепременно, — взгляд тёмных глаз суетливо заметался по стенам комнатки. — Желание клиента очень ценно для нас! — неожиданно выпалила она.

— Проследите, чтобы вещи занесли в номер, — обыденным тоном попросил кареглазый и потянул опешившего знакомого к выходу. — А мы пока в кафе перекусим.

— Ваши документы, — улыбка у Маринки вышла такой, словно она сама в неё не верила, ноги сами согнулись для импровизированного реверанса.

За спиной Алексей услышал искренний хохот усача. Дверь в гостиницу с французским названием и растерянной Маринкой захлопнулась. Ночная прохлада обожгла лицо. Оказавшись на улице, они стремительно пронеслись вдоль железной дороги и влетели в привокзальный ресторан. Раздавленный напористостью нового знакомого, Алексей упал

на скамью у окна.

Нечаянный знакомец двинулся дальше по залу и исчез из поля зрения. Алексей заинтересованно покрутил головой и нашёл энергичного попугчика — тот активно общался с рослым коротко стриженным мужчиной в строгом чёрном костюме.

Алексей не мог слышать чужого разговора. Стояли они далеко, говорили негромкими отрывистыми фразами. Немного напряжённо и резко. Пустые столики сиротливо ожидали случайных клиентов. Те были готовы вот-вот вывалиться из пастей поездов, спешащих совсем в другие края.

Сочтя правильным отвернуться и скрыть назойливое любопытство, Алексей заскучал. На улице окончательно стемнело, городское освещение тусклыми пятнами делало темноту более резкой, поэтому за окном оказалось сложно найти подходящую картину для созерцания.

Историк стал медленно скользить взглядом по немногочисленной публике привокзального общепита. За столиком слева, в окружении невероятного количества сумок, котомок и пакетов, сидела пожилая пара, женская половина постоянно охала и ахала, сетуя на опоздание поезда. Чуть правее от них бесцельно болтал ложкой в чашке чая командировочный мужчина средних лет. За соседним столиком у окна...

У Алексея округлились глаза. Он молниеносно вскочил на ноги и, повинувшись импульсу, бросился к брюнетке, сидящей за столиком.

— Оксана?!

Девушка медленно подняла взгляд от записей в маленькой книжечке, снабжённой таким же миниатюрным карандашиком, которым она немедленно сделала закладку между листочками.

— Алёша?! Как ты... здесь оказался?

Минутная растерянность на её симпатичном, угловатом лице сменилась доброжелательной, но смущённой улыбкой. Казалось, историк поймал её за чем-то не слишком приятным или достойным.

Уловив настроение, Алексей и сам досадливо одёрнул себя. Пришло же в голову вот так бросаться на неожиданно знакомый образ посреди пустого ресторана в чужом городе. Отступать было бы неприлично и странно, и он сдержанно ответил:

— Дипломный проект по малым городам России. Собираю материал. А что искусствовед делает в этом захолустье?

— Меня пригласили для оценки... древности, — подбирая слова, она нахмурила тонкие бровки, покосилась в сторону мужчины в костюме, продолжавшего обсуждать дела с попугчиком. — Необходимо подтверждение подлинности и года создания, кажется, — неуверенность, вплетённая в каждую фразу Ксаны, проявилась ярче.

— Весь городок — древность несусветная.

Рассмеявшись, она помолчала, прикрыв глаза, отключилась на мгновение от всего мира. Для Алексея это выглядело так, если бы подруга быстро нырнула в глубокую воду, скрылась от него за гулкой тишиной под толщей воды. Стена — непроницаемая и вполне осмысленная. Он пытался понять, когда Оксана успела потерять свойственную ей живость и спонтанность. Радость от внезапной встречи улетучилась. Как настороженная кошка, Ксана выглядывала из укрытия, оценивая и оставаясь себе на уме.

— Как дед? — вскинув голову, Оксана задумчиво сузила глаза, словно всё время думала о чём-то ещё.

— Скрипит помаленьку. Очень хотел, чтобы я побывал на родине.

Алексей с усилием одёрнул себя, чтобы не пуститься в пространный рассказ о чемодане и дедовской чудаковатости. Вряд ли подруга ожидала подробного ответа на вежливый вопрос. Дистанция так дистанция. Он был не из тех, кто навязывается.

Она медленно кивнула, отвлеклась на записную книжку, сморщила носик, точно не сразу сообразила, что хочет найти в записях. Пауза затянулась, сделавшись тяжёлой, разъедающей тонкую ниточку, которая появилась между ними в первые секунды встречи.

Стёпке было семь, когда он понял, что не похож на других. Это случилось неожиданно, навсегда изменив его жизнь. Однажды летом он убежал в поле за ворота городища и заблудился: не сразу понял, что больше не видит приметной башенки церкви, не слышит стук молота страшного хромого кузнеца Угрюма.

Шумели высоченные сосны в лесу на краю поля. Ветер гнал волны по траве. Дёргая русой головой во все стороны, Стёпка старался разглядеть городище, тянул тощую шею, но был так мал ростом, что дальше трав и цветов не ничего видел.

Сообразив, что с дерева сможет осмотреться, он полез на ближайшую сосну. Ободрал ладошки, и только. Это оказалось ему не по силам. Тогда Стёпка пошёл наугад через поле. Проплутав в высокой траве, вышел опять к лесу и сел прямо на землю. Трусливая слабость завладела мальчишеским сердцем.

Размазывая кулаком бессильные слёзы, он злился на себя.

— Ну почему я такой слабый и глупый?! Любой из городища смог бы найти дорогу домой, даже Федька-дурачок. Один я потерялся.

От жалости к себе он заревел громче.

— Ты не веришь в силы, способные вывести тебя на верный путь?

Голос раздался сверху, и так неожиданно, что Стёпка тут же перестал плакать. Подняв острое личико с огромными серыми глазами, мальчик рассматривал странника: тёмная одежда и плащ в пыли — видно, что путь был неблизкий.

Мальчик испуганно всматривался в полумрак тени капюшона, покрывающего голову незнакомца.

— Ты боишься меня?

Голос обволакивал теплом и лаской, как руки матери, которой Стёпка не помнил, но всегда думал о ней с острой горечью и нежностью. Было приятно просто ощущать себя окутанным звуками голоса странника: словно плывёшь по течению реки жарким летом или, что Стёпка любил более всего, стоишь на колокольне и, раскинув руки, ловишь ветер, думая о полёте в небе, растворяешься в его сини.

— Немного боюсь, — сознался мальчик и почувствовал, как наливаются от стыда жаром щёки. — А ты кто, дядя?

— Я твой друг. Буду помогать. Только ты не должен никому рассказывать обо мне.

Странник поднял Стёпку и поставил на поваленное дерево, откинул капюшон, открывая лицо. Изумлённо мальчик окунулся в синь ясных глаз чужака: взгляд добрый, но очень пристальный, глубокий, и одновременно немного отстранённый. Как же много пришлось ему увидеть!

Так и запомнил мальчик с первой встречи лишь глаза и голос.

— Не расскажешь? — строго спросил странник.

— Нет. А кто ты, дядя? — повторил Стёпка наивный вопрос.

Незнакомец внимательно смотрел ему в глаза.

— Я тот, кто делает работу для... — человек помолчал, подбирая слова. — Для господ. Пусть так.

— Ты ангел? — Восхищённая радость озарила лицо мальчика.

Странник рассмеялся. Безбородое молодое лицо осветилось искренней улыбкой.

— Нет, дитя, я тот, кем назвался. Никогда ничего не бойся. Я буду говорить с тобой.

— Зачем?

— Так нужно. Когда подрастёшь, то всё поймёшь, и путь, уготованный тебе, исполнится. А пока иди. — Он поставил Стёпку на землю и легонько подтолкнул вперёд. — Верь, и судьба не оставит тебя. Будь добрым к людям и слушай своё сердце.

Не оглядываясь, Стёпка пошёл через поле. Он шагал уверенно, не сворачивая с дороги, по которой был направлен странником. Стоило подняться на холм, как из-за высокой травы показался купол церкви, тяжёлые удары кузнечного молота сотрясали тишину.

Стёпке казалось, что в целом мире не существует ничего желаннее этих гулких ударов по наковальне. Он побежал на звук, словно стараясь обогнать ветер, который совсем недавно казался ему чужим и холодным. Теперь же воздух наполнился ароматами свежееиспечённого к ужину хлеба, смешанный со сладким запахом луговых цветов, привычным для родного городища.

Впереди показались открытые настежь большие, толщиной с кулак самого здорового мужика, деревянные ворота. Увесистые, искусно выкованные петли, всегда заботливо смазывались дозорными, охранявшими поселение. Улыбаясь родным стенам, Стёпка побежал изо всех сил. Радость от счастливого возвращения искрилась в маленьком теле. Смех так и рвался из груди.

Ни на минуту он не задумался о словах лесного странника. Стёпка забыл, как плакал над своей слабостью и глупостью. Сейчас его охватил восторг — он всё-таки смог найти дорогу домой, хотя и находка эта была даром незнакомца с ясным взглядом. И только ложась спать, в мыслях Стёпки созрело сожаление, что он не поблагодарил странника за указанный путь к городищу.

Шло время...

С каждым днём всё реже Стёпка вспоминал о страннике, но продолжал ощущать на себе его пронзительный взгляд: и не было возможности скрыться от него ни днём, ни ночью. Многое случалось в мальчишеской жизни, но лишь хотел он солгать или поступить по злобе, как тут же жгуче начинали гореть щёки, и глаза незнакомца смотрели в душу.

Стёпка прожил в городище ещё год. Из всей семьи у него был только дядька — брат умершей матери, да жена дядьки с малыми детьми. Отец Степана, когда-то ушёл воевать с кочевниками, да так и сгинул. Никто и не ждал воина домой. Малое наследство родичи разворошили, растащили по своим углам. Остался мальчишка сиротой без собственного двора с землёй.

Так в жизни Стёпки настало новое лето. После восьмого дня рождения задумал дядька отдать мальчика в учение. Ещё издали Стёпка увидел высокую чёрную фигуру кузнеца Угрюма, что хромя шёл к их дому. Испуганно мальчик думал, что же надо Угрюму от дядьки. Все в городище боялись и уважали кузнеца, но общаться с ним никто не хотел из-за сурового нрава. Кузнец вошёл в дом, а Стёпка проскользнул за ним и притаился точно мышка, чтобы услышать разговор. Словно дорогого гостя Угрюма усадили на лучшее место и угостили, как сами не каждый день ели.

— Мальчонка он смышлённый, — заговорил дядька. — Сразу всё смекает. Коль в узде держать, то станет хорошим работником.

— А силы в нём много ль? — голос Угрюма был хриплым и грозным.

— Сгодится, — кивнул дядька. — Батя его подковы гнул. Не гляди, что мелкий. Израстётся.

— Ну, покажи своего волчонка.

Дядька бросил короткий взгляд на жену, та быстро метнулась во двор и в сенях наткнулась на Стёпку.

— Ах, вот ты, кутёнок!

Она больно ухватила мальчишку за ухо и потащила в избу. Сдерживая слёзы, Стёпка потирал красное ухо. Коленки дрожали. Угрюм медленно встал из-за стола и подошёл. Чёрная громада закрыла свет.

— Хилый какой-то. Его ж и от пола не видно!

— Ай!

Стёпка не сдержался и вскрикнул, когда кузнец ухватил его за плечи. Больно и страшно, словно сейчас же швырнёт оземь или о стену. Ни с кем Угрюм не был добрым. Показалось, что кости треснут, и кузнец раздавит маленькое тело.

— Что пицишь как девка?! — Тёмное, обросшее жёсткой бородой, лицо Угрюма оказалось совсем рядом. — Не хочешь в кузню?

Внутри у Стёпки похолодело. Он часто видел, как мечутся по кузне чёрные, будто чертенята, подмастерья Угрюма, и ни за что на свете не хотел бы попасть туда. Среди жара и испарений возвышался мрачный гигант, гоняя учеников. Не об этом ли аде говорил батюшка в церкви?

— Не хочу, дяденька, — мальчонка шмыгнул носом.

Громовой хохот разбил тишину.

— Не хочет, посмотрите на него, — засмеялся кузнец.

Стёпке пожелалось провалиться сквозь старые доски, что поскрипывали под ногами.

— Через два дня приведёшь волчонка в кузню, — коротко бросил Угрюм и ушёл, с треском захлопнув дверь в избу.

— Не отдавайте меня. Я не хочу в кузню, — тихо попросил мальчик, глядя в глаза дяде.

Недобрым у того стало лицо, брови сурово сошлись, большая ладонь ударила по столу, напугав малых. Три пары круглых глаз посматривали с полатей на бушевавшую грозу, на глупого Стёпку, что осмелился перечить хозяину дома.

— Будешь меня позорить — знать тебя не знаю. Делай, что велят. Мал ещё решать хочу, не хочу. Отправишься к кузнецу, он тебя научит жизни. Не то с псами жить будешь. Не место тебе в избе, волчонку неблагодарному.

— А хлеб наш есть хочешь? Да?! — зло гремела посудой дядькина жена. — Детям моим крохи достаются. Всё из-за тебя! Никакой пользы в доме!

«Не заплачу, не заплачу, не заплачу...», — стиснув зубы, повторял про себя Стёпка.

В груди всё горело от обиды. Разве не забрал себе родич отцовский надел земли в уплату содержания сироты? Так почему постоянно попрекает куском хлеба?!

Горечь разъедала маленькой сердечко, но одновременно, оно одевалось холодной сталью: необычайная сила и решимость наполняли тело. Стёпка желал, чтобы всё изменилось. Чтобы никогда не было кузницы и Угрюма...

Вырвавшись из тёмной избы, Стёпка побежал из городища прочь. Сейчас он не боялся заблудиться, а даже желал этого: потеряться, спрятаться от грянувшей беды. Высокая трава на поле опутывала ноги, и мальчик спотыкался, падал, вновь поднимался и бежал. Он так любил этот свободный воздух и свет солнца, что жаркая мрачная кузница виделась адом, который неминуемо погубит его. Всем телом и душой Стёпка ощущал опасность. Если он попадёт в кузню, то жизнь закончится. Больше ничего не будет.

— Помоги мне, помоги.

Стёпка жадно впитывал воспоминания о страннике, искал поддержки, защиты. Почти на краю поля, ослеплённый ярким светом, мальчик упал лицом в траву и затих. Силы покидали его.

Ветер потрепал русые волосы на макушке, и тёплая, лёгкая рука коснулась спины.

— Сила Господа с тобой, мальчик.

Этот голос...

Стёпка задрожал от радости. Он узнал плавное течение речи и покой, что дарил странник. Рыдая, он уткнулся в чёрную ткань одеяния незнакомца.

— Отдать кузнецу... — отрывисто повторял мальчишка. — Хотят отдать. Я там умру.

— Ты не веришь, что будешь спасён?

Странник приподнял Стёпке лицо, заставляя смотреть в лазурь глаз, ощущая покой.

— Верю! — ответил мальчик.

— Верь и будешь спасён. Ты нужен этому миру. Время не допустит, чтобы ты покинул мир раньше, чем это станет неизбежным.

— А когда это станет неиз... неизбежным, — Стёпке трудно далось странное, взрослое слово. — И что это значит?

— Неизбежное обязательно случится. Неизбежное должно произойти. Всё рождается и растёт, всё умирает. Это неизбежность. С тобой это случится нескоро, — странник улыбнулся. — А пока спи, спи... Позволь времени забрать своё.

Тайный друг размеренно гладил голову мальчика, и тот почувствовал, как слипаются глаза, как тяжелеет тело. Стёпка проваливался в сладкую дремоту. Он был абсолютно счастлив.

Проснулся Стёпка к вечеру, когда в лесу стемнело, только небо над городищем отчего-то было багрово-красным. Испугавшись, что ему влетит за позднее возвращение, мальчонка кинулся домой. О страхе перед мрачным кузнецом он и не думал. Вера в чудо согревала сердце.

Очень скоро мальчик смог убедиться, что небо красно не от закатного солнца. От ворот ничего не осталось, только два обугленных столба тихонько курились, а измазанные сажей петли сиротливо поскрипывали на ветру, который бил в кривой, расщеплённый обломок.

Дрожа, Стёпка остановился. Никак не решался идти дальше. Он уже понял, что остался один. Воины дружины, охранявшие городище, погибли с оружием в руках. Чёрные стрелы кочевников убивали точно и быстро. Как это случалось всегда, не было оставлено ни одного дома, ни одной постройки — всё полыхало огнём, терялось в дыму.

Кузница, ненавистная Стёпке ещё днём — адское место, которого он так боялся, даже она прогорела до крыши и обвалилась. Размазывая ладошкой осевшую на лицо сажу, мальчишка крутился на месте. Он не знал, что делать, но ужас погнал его к родному дому.

Зажмурившись, Стёпка обошёл лежавшего на крыльце дядьку с рассечённой головой, в приоткрытую дверь увидел босую ножку мальчика. Он и не узнал, кто из детей распластан на полу. С резким, взрывным треском проломилась крыша.

Закрыв глаза, Стёпка попятился, споткнулся о тело дяди, упал навзничь. В ушах зашумело, голос странника звучал колокольным звоном:

«Верь и будешь спасён. Будешь спасён... Спасён...».

Болезненная мысль пронзила Стёпку. Если бы он не убежал в поле, то лежал теперь здесь, и это называлось бы «неизбежность», но такого быть не должно.

Или он мог согласиться пойти в подмастерья к Угрюму: тогда бы ничего не случилось. Стёпка чувствовал это. Знал, поверил вдруг, что его желание заставило орду кочевников повернуть к их городищу, убить всех, сжечь кузницу.

В груди сделалось больно. Холодная сталь внутри обрела силу. Слез больше не было. Медленно продвигаясь, не смотря по сторонам, он разыскал припрятанные запасы еды в сараюшке возле избы и навсегда покинул городище.

Столики задрожали, тихое дребезжание стёкол прошлось по нервам. Опоздавший поезд прибыл на вокзал. Пожилая пара со всеми коробками и мешками вывалилась на перрон, спеша на посадку.

Кашлянув, Алексей осмелился задать вопрос, только бы не молчать натужно и неестественно:

— Так, на кого работаешь? Или это страшная тайна? — Он спрашивал машинально, не вдаваясь в суть, а сам думал о том, как похорошела Ксана.

Они не виделись года два или больше. Весёлая и лёгкая в ранней юности Оксана обрела настоящее женское очарование. А ведь могло что-то сложиться у них. Вполне могло...

Алексей остро ощутил это несбывшееся будущее, но так и не вспомнил, почему жизнь развела их. Вроде бы Ксана обиделась на что-то. Он мрачно фыркнул в ответ на претензии, показавшиеся глупостью. Сейчас они с удивлением смотрели друг на друга, силясь понять, что связывало их в прошлом.

Знакомым движением пожав плечами, заправив тёмные прядки за уши с маленькими сверкающими камешками серёжек, Оксана ответила:

— Имён не назову, — она вздохнула, отложив записную книжку, освободившиеся руки схватили салфетку и начали беспокойно сминать бумажный квадратик. — Знала бы, не сказала. Сам догадываешься. Меня наняла одна фирма... Я не могу об этом говорить, извини.

Взгляд Оксаны опять метнулся к высокой и широкоплечей фигуре в строгом костюме. Кареглазый знакомец Алексея рядом с основательным мужчиной казался подвижным и непоседливым мальчишкой. Разговор этих двоих резко оборвался и каждый удалился в свою часть ресторана.

— А, ну ладно!

Алексей так устал, что действительно уже ничем не интересовался. Да, и выпытывать не хотел.

— Поговорим позже. — Ксана быстро протянула ладонь, желая коснуться его руки, но остановилась на полпути. — Где тебя можно найти?

— Пока здесь, в гостинице. — Память подкинула Алексею несколько приятных образов из прошлого, отчего внутри вспыхнуло жаром, напряглось в предвкушении. Это он с усилием отбросил, как ненужное. — В городке есть родственница, но...

Он недоговорил.

— Какие-то проблемы? — хриплым басом поинтересовался представитель неведомой фирмы, скалой выросший возле столика.

Набычившись, он недобро смерил Алексея взглядом.

— Старый знакомый. Проездом, — поспешила бросить Ксана, спасительные слова.

Поднявшись, Алексей решительно ответил тем же взглядом на скрытый вызов, брошенный суровым незнакомцем. Уступая ему в размерах, ни в чём другом он проигрывать не собирался. После секундного незримого поединка здоровяк мотнул головой в сторону выхода.

— Пошли. Нас ждут.

Он увёл Оксану из ресторана, а она, прощаясь, только успела помахать приятелю рукой.

Кареглазый сидел за столиком, с аппетитом поедая винегрет с котлетами. Три аккуратных биточка ровным полукругом лежали на тарелке. Он даже подправил один, прежде чем отломить кусочек вилкой. Лицо у нового знакомого отражало полную удовлетворённость жизнью.

— Давай поешь, — разламывая горячую ароматную котлету, кареглазый кивнул на пустое место за столом.

Там уже стояла тарелка с салатом и что-то из мяса. Алексею было всё равно, чем ужинать, но попутчик самым неожиданным образом угадал его вкусы. Историк порадовался бы, однако глаза закрывались сами собой. Встреча с Оксаной на время взбодрила, а теперь волна эмоций откатилась, забирая последние силы. Бурлящая энергия соседа по столику, добровольно взявшегося опекать молодого путешественника, оставалась неизменной.

— Саня! — Порывисто встрепенувшись, он решительно протянул руку через столик, сообразив, наконец, представиться.

— Алексей.

— Будем знакомы, — он засмеялся, и в глубине его светло-карих глаз ярко вспыхнула озорная искра, будто затеянная шутка удалась.

Отужинав, они вернулись в гостиницу. Администраторша скучала за конторкой, а усатый Борисыч пропал со своего места, оставив на пуфике измятую газету.

Все вечерние процедуры по подготовке ко сну Алексей совершал автоматически, толком не рассмотрев номера. Впрочем, все гостиничные номера обычно похожи друг на друга. В постель он рухнул, прежде убедившись, что посылка деда стоит рядом в целости и сохранности. Засыпая, Алексей слышал, как мягко ходит по номеру новый знакомый, а затем и он затих.

Утром Алексей с удовольствием потянулся, приятно напрягая мышцы, прищурил один глаз, рассматривая полосы солнечного света, пересекающую комнату. Плохо сдвинутые шторы открывали для взора кусок кирпичной стены за окном и непривычно ясный для ранней осени день. Мысли текли медленно и лениво. События ночи продолжали храниться в памяти спутанным клубком, который следовало упорядочить и осмыслить.

— Проснулся? Почти двенадцать, — сосед будто бы угадал незаданный вопрос о времени.

Он бойко перемещался по номеру с мобильным телефоном (дорогая игрушка удивила Алексея), рылся в своей необъятной сумке, пыхтя от усердия. Получив ответ на звонок, с лёгкой беззаботностью бросил в трубку короткое приветствие.

Алексею не хотелось вставать, но подслушивать чужой разговор было неловко. Поднявшись и прихватив бритву, он босиком прошлёпал в ванную. Живой и яркий голос Сашки просочился и сюда.

— Я на месте, — сообщил тот в телефон. — Как и говорили. Да. По плану. Вполне успеем перехватить и то и другое.

Стены номера не позволили проявить деликатность: Алексей продолжал слышать обрывки фраз, чуть приглушённые шумом воды. Пытаясь сконцентрироваться на привычных действиях, он слегка облокотился о стойку со встроенной раковиной, исподлобья посмотрел на отражение в зеркале, почти не осознавая, продолжая думать о другом.

— Надо бы пошуршать в городке, чтобы никаких следов, — после паузы, выслушав ответы, произнёс Саня. — Какая там была фактология? Команда пробовала на разных отрезках, — он попытался перейти на шёпот, что при таком звонком голосе удавалось

плохо. — Груз на месте. Угу. Тогда жду.

Рука Алексея замерла с бритвой. Слово «груз» излишне хорошо ложился на имеющуюся «фактологию», как выразился добровольный помощник. Муторное, гнилое предчувствие заворчалось в груди, пустив дорожку холода по спине. Следом принесло лихорадочное:

«В одном купе... Совпадение? Откуда такая готовность помочь? Следил с первой минуты в поезде?»

— И долго ты будешь полоскаться в умывальнике? — Сашка стоял в дверном проёме и едва сдерживал смех. — Видел бы ты себя сейчас!

Вздвогнув, Алексей проигнорировал бесшумное вторжение, смолчал, затаив сомнения. Впредь будет внимательнее. А сосед по номеру улыбался счастливо и беззаботно, но смотрел в зеркало из-за спины знакомого вдумчиво, цепко. Даже через отражение сумев поймать взгляд Алексея.

— Решённое дело — половина дела! — он сделал шаг назад, углубился в комнату, засовывая телефон в задний карман джинсов. — Как же не просто с этими продавчиками! Пока договоришься, весь товар потеряешь. Ничего, скоро напарник придет, разберёмся. А ты кем работаешь?

Сашка говорил быстро, легко выстреливая словами, точно и не было только что напряжённой паузы. У Алексея отлегло от сердца. Вот при чём тут груз! Обычное торговое дело. Разговор по телефону уложился в предложенную канву и перестал смущать.

— Историк, — коротко ответил Алексей, освобождая ванную. — Ассистент на кафедре и пишу кандидатскую.

— Учёный, — с видимым уважением протянул новый знакомый. — А чего в захолустье это занесло?

— Как раз из-за кандидатской. Малые города России. Их история, — Алексей не стал вдаваться в подробности.

— Уж без историй тут никуда, — Сашка огляделся, видимо, прикидывая, что взять с собой. — Будешь сегодня снова пытаться навязаться родственничкам? — прищурившись, он по-доброму усмехнулся.

Стоило немного поговорить, как все подозрения Алексея развеялись. Перед ним стоял парень, прибывший в городок по своим делам, активный и, может быть, излишне напористый, но ничего странного в этом не было. Окончательно оценив собеседника, Алексей выкинул из головы подслушанный разговор по телефону. В конце концов, у него и другие заботы есть.

— Не решил, — продолжив сборы, бросил молодой историк.

Он лавировал возле кровати, постоянно натываясь на дедов чемодан.

— Так и будешь таскаться по городу со своим грузом? — Сашка был настойчив, да и поклажа не позволяла забыть о себе, мозоля глаза.

— Мне пора заняться делом, но прежде, выполнить обещание, которое я дал деду. Передам чемодан и буду свободен.

Алексей ответил спокойно, но пресловутое слово «груз» снова всколыхнуло тревогой, потянув на зыбкую почву опасений. Тотчас он попытался вести себя естественно, избегая внимательного взгляда Сашки, а сам следил за выражением его лица, когда разговор касался чемодана.

Вероятно, и новый знакомый отлично владел собой, потому что, кроме благодушного спокойствия, лицо не выражало других эмоций. Его интерес оставался ничего незначащей,

сиюминутной мелочью в череде дел.

— Спасибо за приют, — совсем успокоившись, с улыбкой начал прощаться Алексей.

— Если тебя опять не пустят, можешь вернуться. Мы с приятелем придумаем, как тебя разместить. В номер можно поставить третью кровать.

— О, вряд ли дама за стойкой пойдёт на такие сложности.

— Она покладистая, — засмеялся Сашка. — Просто нужно знать, с какой стороны подходить.

Всё у него выходило легко и словно в шутку. Сашка хотел сказать ещё что-то, но его мобильный телефон проиграл весёлую мелодию, заставив отвлечься.

— Да? Отлично. Я приеду на вокзал.

— Я ушёл! — из коридорчика крикнул Алексей, спеша убежать из-под бдительного ока странного соседа по номеру.

Сашка высунулся в коридор и махнул на прощание рукой с таким отвлечённым и незаинтересованным видом, что окончательно успокоил Алексея. Волоча за собой поклажу, он спустился в холл, оплатил номер и окунулся в созерцание городка при дневном свете. Осень не успела зажелтить листву, но подсушила, сделала более тусклой кроны деревьев. Сам городок оставался таким же молчаливо-умоляющим, но настороженным по отношению к гостю.

Идя по центральной улице в сторону библиотеки, Алексей впервые задумался.

Что же дед положил в чемодан?

Почему решил одарить дальнюю родственницу неизвестными ценностями? Поначалу эти вопросы его совсем не заботили. После всех мытарств с грузом, после многократного таскания чемодана по этому уездному городку, Алексею захотелось узнать, что же такое важное дед мог положить внутрь. Стоит ли оно приложенных усилий?

Теперь, вспоминая инструкцию деда, он сопоставил кое-какие странности. Например, ключ от поклажи старик оставил у себя, сказав, что у его, кажется, троюродной сестры есть такой же.

К чему была подобная осторожность?

Дед промолчал, переведя разговор на другое, после вопроса о посылке. Старик обещал позвонить, предупредить о приезде гостя с грузом.

Выполнил ли задуманное?

Размышляя, Алексей, уже в который раз, обошёл библиотеку. Он не сразу сообразил, что сделал лишний круг. В узком проулке историк остановился возле зелёной двери, задумался о странной архитектуре старых зданий в городке. Впрочем, ничего новее здесь и не встречалось. Самое подходящее место для его изысканий: обустроится и полностью погрузится в работу.

Мысленно пожелав себе удачи, он постучал.

Алексей прислушался к происходящему за дверью.

— Иду! — бодро прозвучал голос с той стороны.

Невысокая старушка в цветастой кофточке распахнула дверь.

— Здравствуйте, — Широко улыбнулся Алексей. — Я от Михаила Васильевича. Я его внук, — тут он подумал, что в какой-то степени он внук и для хозяйки дома.

— От Миши? Внук! Лёшенька, проходи-проходи! — Светлые глаза женщины заблестели, морщинки на щеках разгладились, а лицо зарумянилось.

— Не помешаю, Варвара Николаевна? Тут такое дело...

Она махнула рукой, не давая договорить.

— Давай просто — баба Варя. Очень хорошо, что приехал. Я гостей люблю, да кому ко мне ходить?! Век прожила, ничего не нажила. Миша предупредил, позвонил, порадовал.

Старушка радостно заулыбалась и засемила в глубину квартиры. Прикрыв за собой дверь, Алексей с облегчением проследовал за ней — пока всё складывалось наилучшим образом.

С удовольствием вдыхая ароматы свежей выпечки и тёплого, уютного дома, историк огляделся: приятный полумрак комнат, выцветшие фотографии на стене, лёгкая потёртость обстановки. Сердце с непонятной нежностью впитывало милую обветшалость дома. С интересом Алексей рассматривал лица родственников, знакомых и неизвестных ему — полустёртые следы истории. Юный дед Миша с сестрой по дальней ветке родства строго смотрели с посеревшей фотографии. Они вместе провели детство в городке. В Алексее проснулся исследователь, захотелось узнать, что связывало этих людей, какова была их жизнь.

— Садись, чаем тебя напою. С пирожками. — Ловко суетилась бабуля.

Алексей невольно заулыбался, глядя на порхающие сухонькие руки, расставляющие посуду. Над чашками вился пар. Румяные пирожки пылали жаром и капустным духом. Кажется, именно этого и не хватало в жизни последние два-три дня в дороге и на новом месте.

— Как там Михаил? — Старушка и сама разругянилась не хуже пирожков.

Попивая чай, Алексей рассказал о деде, событиях, которые произошли за те годы, что баба Варя не видела брата. Она кивала, где-то поддакивала тому, о чём и сам Михаил говорил во время редких бесед по телефону. Постепенно разговор дошёл до момента приезда и вечера, когда Алексей впервые постучал в зелёную дверь в доме возле библиотеки.

— А я на работе была, — закивала баба Варя. — Уборщицей в библиотеке работаю.

— Тяжёлая у вас работа, — вгрызаясь в пирожок, пробубнил Алексей. — Что ж, и посреди ночи приходится убираться? — Сказал без задней мысли, первое, что в голову пришло.

Уют и еда расслабили его, сделали мысли тяжёлыми и неповоротливыми. Бабуля начала переставлять да перекладывать, что и так хорошо стояло на столе, засуетилась.

— Праздник у них был, у иродов, — беззлобно ответила она. — Как засядут, так и жди их потом. Да, я не обижаюсь. Сплю мало. Живу рядом. Мне нетрудно. И где же ты, бедный, ночевал? — Она сочувственно покачала седой головой.

— В гостинице. Еле отыскал. Темнота у вас ночью жуткая, — вспомнив о событии

возле библиотеки, Алексей признался. — И странные вещи происходят.

Старушка удивлённо хлопала глазами, будто не верила, что в родном городе может происходить хоть что-то необычное.

Гость же упомянул о человеке, изучавшем здание библиотеки не ради пустой болтовни. Алексей рассчитывал, что родственница знает немало интересного о городке, и намеревался постепенно по крупицам собрать нужные ему сведения.

Он рассказал о поведении незнакомца, что бродил ночью вокруг библиотеки. Немного сгустил краски, не без умысла, представляя бабе Варя историю, провоцируя на откровенность и эмоции. За небольшой срок, проведённый в городе, Алексей накопил целый список неразрешимых пока вопросов.

— Да, кто ж это может быть?! — Она задумалась, отставила хрупкую фарфоровую чашечку в сторону. — У нас городок тихий, все на виду. Никто бы не смог скрыть ничего от других.

— Никаких тайн? Кажется, администратор «Железнодорожной» недолюбливает... — Перебрав в памяти факты, Алексей быстро вспомнил имя. — Борисыча.

Он пожалел, что влез с внезапной мыслью, сбивая бабу Варю, уводя от первого вопроса. Румяное круглое лицо её сморщилось, сухие губы расплылись в улыбке, после недолгого изумлённого испуга.

— Быстр ты, Алёшенька. Так выйдет, что лучше меня обо всех делах в городке выznaешь.

— Не претендую! — примирительно подняв руки, рассмеялся он, но продолжал ждать разъяснений. — Так что там с библиотекой?

— Не любят у нас Борисыча. — Старушка медленно разгладила скатерть. — Милиционер он бывший. На пенсии теперь. Многие на него яд копят да молчат.

Алексей никогда не отказывался узнать немного больше о людях или месте, где оказался по воле судьбы. Вот и теперь слушал с искренним вниманием, не забывая про пирожки. Оставшись без завтрака, он навёрстывал упущенное. В какой-то момент ему сделалось совестно. Баба Варя с готовностью пододвинула миску, обёрнутую полотенцем, ближе:

— Кушай, не стесняйся, Алёша. Мне в радость угощать.

— Вкусные! А библиотеку вашу я обязательно проведаю. Мне туда надо.

— Сходи, — согласилась старушка. — Ничего интереснее в городке не найдёшь.

Задумавшись, баба Варя долго смотрела в окно.

— Витька Смуров ночью шлялся. Больше некому. Самый неугомонный с дружками своими. Раньше они у Витьки дома собирались, песни завывали, где ни слова не понять. Борисыч гонял их, так соседи ругались. Теперь уж не знаю, чем занимается — взрослый мужик, но библиотекой сильно интересуется. Частенько вижу, как рядом трётся. Мне Светка из библиотеки рассказывала, что все книги по этой, как её... — она пожевала губами, подбирая верное слово. — По экзотерике прочитал.

— Эзотерике, — сдерживая улыбку поправил Алексей. — В библиотеке и такое есть?

— Городок небольшой, но библиотека завидная, — с горделивым достоинством ответила баба Варя. — С царских времён книги есть. Прадед наш, Дмитрий Иванович, книги собирал дома, когда тут церковь была. Потом его коллекция стала частью библиотеки.

— Церковь на месте библиотеки? — уточнил Алексей.

— Здание перестраивали много раз.

— А что Смурову нужно от библиотеки? Если он всё уже прочитал.

Алексея не отпускали образы ночной улицы и человека, рассматривающего стены, точно на них было нанесено нечто важное. Самая малая тайна побуждала его докопаться до истины. Не будь Алексей так занят сборами и делами на кафедре, то и деда бы сумел дожать, заставив признаться, что лежит в пресловутом чемодане.

Мысленно он сделал зарубку — отдать бабе Варе посылку. А пока не хотел отвлекать родственницу от истории со Смуровым. Алексея она заинтересовала. Интуитивно он чувствовал редкий материал. Неспроста выбрал когда-то профессию историка. На кафедре о нём часто говорили, как о молодом учёном с феноменальным чутьём.

— Кто предполагал, что клад они ищут. Витька и приятели. Мол, промышленник Смуров, предок Витьки, спрятал где-то в городе. Часть личной библиотеки Смуровых соединили с нашей, когда открывали здание под читальню. Только откуда тут клад? Что-то другое там.

— То есть, старый фонд библиотеки — две коллекции жителей городка?

— Так и есть, Алёша. Так и есть. Наша и смуровская.

Как же Алексей любил подобные истории. Семейные коллекции часто становились общественным достоянием, как музейные экспонаты или основой для будущих городских библиотек. Нередко такие, собранные по крупицам, фонды хранили редкие экземпляры книг, рукописей или дневников. Всё это было интересно молодому историку.

Алексей вернулся к мелкому камешку, который долгое время мешал ему на пути. Чемодан всё ещё стоял в прихожей.

— Почти забыл, — спохватился Алексей. — Дед просил передать.

Он втащил чемодан в комнату. Баба Варя озадаченно смотрела на груз, явно не понимая, что это за блажь взбрела брату в голову. Оценив масштабы трагедии, старушка всплеснула руками.

— Да что же это! Мишка с ума сошёл. Ребёнку такую тяжесть таскать по всему городу. Поставь пока к стеночке, я потом посмотрю.

— Не так уж и тяжело, — пробурчал Алексей, недобро вспоминая избитые до синяков ноги, и пожаловался. — Ключа нет. Дед говорил, у вас дубликат.

— Был ключик, был. Найти только надо. Это ж наш фамильный чемодан, — старушка мечтательно прищурилась, вспоминая прошлое. — Как куда ехали, обязательно его брали. Он хоть и старенький, но весьма крепкий.

— Я заметил, — саркастично заметил Алексей. — Разрешите глянуть, что в чемодане? Дед Миша не сказал.

— Развёл таинственности, Мишка. Любит он это дело. Вместе откроем.

— Договорились. Надо мне в вашу библиотеку заглянуть.

Он был доволен, что, наконец, избавился от ненавистного багажа, и всё так удачно сложилось. Алексей вспомнил и о своих делах.

— Загляни, там есть что посмотреть. А жить у меня будешь. Постелю тебе на диванчике. Вам, молодым, везде сон.

— Не хотел бы только стеснить.

На самом деле Алексея обрадовало предложение бабы Вари: до фондов рукой подать, место ему нравилось, а он, в свою очередь, поможет по хозяйству и деньгами, чтобы не становиться нахлебником.

— Что ты! Мне веселее будет. Не чужие!

Порывшись в большой коробке в коридоре, старушка всучила ему запасные ключи. На улице Алексей полной грудью вдохнул осенний воздух, принёсший запах листвы и сырой земли. Он вышел в переулок, при свете показавшийся просто очаровательной старой улочкой. Она имела свою историю, которая из-за рассказов бабы Вари стала для Алексея любопытной достопримечательностью. Похоже, что чемодан каким-то неведомым образом влиял на восприятие. Стоило избавиться от тягостного груза, и мир обрёл более радужные краски.

Алексей завернул за угол и медленно пошёл к главному входу библиотеки. Массивные, высокие ступени казались излишне грандиозными для маленького уездного городка. Здание словно выпячивало себя, наполняясь важностью на фоне неказистых построек рядом.

Историк потянул на себя массивную ручку. Дверь превосходила своей высотой его рост раза в два и была сплошь покрыта резьбой. Непонятные знаки или просто замысловатый орнамент, походили то ли на древнюю клинопись, то ли на сумасшедшую идею местного плотника.

Дверь не поддавалась. Алексей решил, что не рассчитал с силой и потянул решительнее, но результат остался прежним. Историк посмотрел на часы, сверился с табличкой, где был

указан график работы. Нет, всё верно — самое рабочее время.

Засунув руки в карманы, Алексей задумчиво поднял глаза, осматривая вход. Высокая дверь в самом верху была обшита по краю листами металла. Мелкие, чуть различимые знаки были выбиты и там.

— Забавы мастеров, — пробормотал молодой историк и отступил, чтобы разглядеть изыски резьбы и узорov вокруг входа. — Или всё-таки... смысл.

Нередко ему случалось рассуждать вслух о непонятных, сложных вопросах. Дверь в библиотеку стала для историка настоящей загадкой. Перебирая прочитанное или слышанное ранее, он никак не мог найти примеры подобных символов. Он даже подумал, что орнамент плод нового времени, но дверь явно относилась к прошлому веку.

Сколько бы он ни сосредотачивался, думая о выбитых на двери знаках, но так и не находил ответа. Долго это не продлилось. Внимание Алексея отвлек тихий скрип. Повернув голову на резкий звук, он увидел, как приоткрылась небольшая дверка, спрятанная за одной из колонн. Оттуда выскользнул мальчишка с книгами подмышкой и зашагал в противоположную от вокзала сторону.

Секрет оказался прост. Центральный вход почему-то закрыли, что случается в любых учреждениях. Алексей воспользовался подсказкой, не упустив шанса проникнуть внутрь здания.

Основной холл оказался недоступен, что немного расстроило: уж больно хотелось разглядеть огромную дверь с противоположной стороны. Посетителям предлагалось пройти мимо щитов, которыми отгородили столь заинтересовавшее историка пространство. Самодельный коридорчик был коротким, глухим и тихим. Другими посетителями и не пахло.

Коридор упирался в очередную дверь из тонкой и самой дешёвой фанеры. Алексей, привыкший в университете к замысловатым переходам и окружным лестницам, ничуть не удивился. Чтобы попасть на кафедру, посетителям часто приходилось вначале подняться по одной из чёрных лестниц, миновать целый этаж, затем снова спуститься на первый и только после воспользоваться обычным подъёмом.

Наконец, Алексей ступил на тщательно отёртый паркет широкого холла. Старая планировка здания отличалась оригинальностью. Внутри, как и при взгляде с улицы, библиотека больше походила на замысловатую матрёшку, где на трудно различимую основу-стержень нанизывались всё новые и новые несущие стены и пристройки. Эта сложность незримо проступала сквозь скошенные углы и внезапные выступы. Похоже, что у здания была непростая история. Это заинтересовало Алексея ещё больше.

Запрокинув голову, молодой историк увидел дугу храмового купола. Грубая серая мазня покрывала своды, намекая на скрытую за ней роспись. Чуть ниже, через верхние оконца со старыми витражами пробивался яркий солнечный свет, оставляя на стенах и портретах писателей разноцветные пятна.

Вид у холла был чрезмерно торжественный, массивный, но провинциальный и увядающий. Как и своды, более тщательно покрашенные, стены местами облупились и потрескались. Алексей прислушался, сдерживая дыхание. Тишина здесь была тяжёлой и настороженной.

Отмерев, он собирался подняться по лестнице, застеленной паласом с полинялым ворсом, но дверка рядом открылась и выпустила на волю Оксану. Лицо её показалось Алексею усталым, под глазами залегли тени. За ней следовал всё тот же суровый бугай,

которого историк встретил в ресторане. Последним, тенью выскользнул худощавый, потрепанный мужичонка.

Следуя скорее интуиции, чем разумным размышлениям, Алексей отвернулся, делая вид, что рассматривает портреты писателей. А затем, быстро поднялся по центральной лестнице, сделал разворот на левую галерею, чтобы оказаться над людьми.

Оксана и широкоплечий сопровождающий спешили к выходу.

— Надеюсь, вы понимаете разницу между версиями! Что вы показали?! — сердито бросил он маленькому, словно мальчишка мужичку. — Совсем другое изображение.

Для немногословного и грубоватого охранника спутник Ксаны произнёс слишком сложную фразу, что удивило Алексея: совсем другим он показался ему в ресторане.

Щуплый семенил за парой посетителей, не поспевая, задыхался, выбрасывая перед собой короткие фразы.

— Откуда мне было знать, что это подделка! Сакральный Дар сложно спутать с чем-то иным.

Спутник Оксаны замедлил шаг. Она же, будто желая быстрее оказаться на улице, замерла возле самодельной тонкой двери в коридорчик. Вот-вот выпорхнет на волю.

— Невозможно перепутать. Невозможно! — со злым сарказмом ухмыльнулся «охранник», стоявший лицом к центральной лестнице и потому хорошо видный Алексею. — Вы не специалист! Не стоило меня обманывать. Даже я знаю, что сейчас существует не менее трёх копий. Оригинал должен находиться в городе. Выясните, где подлинник. Тогда будем говорить.

Резко развернувшись, он грубо схватил Ксану за руку и толкнул за дверь. Они покинули здание. Алексей подождал пару мгновений. Как обычный посетитель библиотеки он спустился в холл. Потрёпанный мужичок собирался пробежать мимо него.

— Скажите, а где у вас читальный зал? — успел задать вопрос Алексей.

— Наверх и направо.

Мужчина даже не остановился. Тяжёлая дверь в левой галерее захлопнулась.

Голодный и оборванный Стёпка медленно брёл по дороге. Солнце стояло в зените и припекало русую макушку. За месяц скитаний он почти забыл, что было в городище. Нужда и неприютность заменили все воспоминания о страннике, пепелище и остром страхе перед самим собой.

— Поберегись! С дороги!

Бодрый голос и нервное фырканье лошади заставили мальчишку отшатнуться к обочине. Утерев потное, чумазое лицо, Стёпка безучастно проследил за повозкой. Немного проехав вперёд, возница придержал пегую худую лошадку и обернулся.

— Эй, мальчонка! — Дядька в повозке был бородат и круглолиц. — Далеко собрался?

Стёпка подошёл ближе. За время в дороге он научился различать, чего следует ждать от случайных знакомых. Возница смотрел добродушно и открыто. Ему можно было доверять. Положившись на удачу, Стёпка пискнул:

— Дяденька, возьмите меня с собой.

— Какой шустрый. А знаешь ли, куда еду?

— Всё равно, дяденька, — Стёпка сглотнул неожиданные слёзы.

— Сирота, что ли?

Стёпка пуце зашмыгал носом, но о судьбе своей говорил безучастно, точно о чужой исковерканной жизни.

— Городище кочевники сожгли. Дядьку с родными убили.

Бородач пристально поглядел на мальчика и кивнул.

— Лезь в телегу.

Повозка покатила по ухабам. Возница порылся в мешке рядом с собой и сунул Стёпке горбушку чёрного хлеба. Горбушка была засохшая, пахла мокрым сукном и плесенью, но Стёпка впился зубами и не отпустил, пока всё не съел.

— Спасибо, дяденька.

— Как тебя звать-то?

— Стёпкой кличут.

— А меня Лука. В монастырь еду. А коль всё равно некуда идти, значит, и тебе туда дорога. По многим городищам прошло дикое войско. Все убогие да неприютные в монастырь бредут, спасения ищут. Да только одного не знают, что спасение не за монастырскими стенами.

— А где? — Засыпающий от монотонного колыхания телеги, Стёпка оживился, разлепил тяжёлые веки.

— Где? — Голос Луки заискрился смехом. — Да, внутри других стен. Внутри каждого.

— И внутри меня?

— И внутри тебя. Тпру... Приехали, малой.

Лошадка переминалась с ноги на ногу и тыкалась мордой в высоченные ворота толщиной, верно, не меньше локтя — такими они показались настороженному мальчишке. Дядька Лука постучал тяжёлым кольцом о деревяшку. Спустя короткий срок он, ведя лошадь под уздцы, завёз телегу на монастырский двор.

— Тут погода, — велел дядька Стёпке.

Мальчонка окончательно проснулся. Запрокинув голову, он смотрел на слепящие

маковки и кресты. Они сияли в синем небе. Впервые за время скитаний Стёпка начал что-то чувствовать.

Робкие ростки покоя и надежды затронули душу, пробивая броню, в которую он заковал себя. Очень хотелось плакать. Маленькая слезинка спряталась в уголках глаз, но он так и не заплакал. Стальной стержень, что пронзил силой в день гибели городища, не отпустил. Казалось, он сделался крепче и ярче высветил готовность Стёпки.

К чему?

Стёпка и сам не знал.

Лука вернулся во двор с высоким, тёмным монахом, который вблизи оказался молодым мужчиной с острым взглядом. Чернота одежды старила его, набавляя с десятков лет. Стёпка испугался и сжал ладошками борт телеги, в которой сидел, так что побелели костяшки пальцев.

— Ступай за мной, — сухо и строго сказал монах.

Стёпка покорно проследовал за ним. Несколько раз он всё же обернулся на дядьку Луку, но тот уже занялся своими делами, будто позабыв о сироте.

С этого дня всё изменилось. Мальчишка стал жить при монастыре, помогая то в кухне, то на подворье вместе с несколькими ровесниками, что, как и он, приبلудились неизвестно откуда.

Привыкая к новому месту — спокойному и довольно сытому — Стёпка постоянно чувствовал тайную тревогу в сердце. Нечто смутное наваливалось тяжестью, да так, что и вздохнуть было нельзя, и хотелось бежать куда-то, а куда Стёпка и сам не знал. Душа стремилась ввысь, но билась птичкой о клетку, в кровь разбиваясь и забываясь в своей боли.

Иногда, когда от работы выдавалась свободная минутка, Стёпка приходил к дядьке Луке, помогал растирать краски, готовить доски для работы. Лука был богомазом. Восхищённо наблюдал мальчик, как из-под руки бородача появляются чистые, светлые лики апостолов, ангелов и Богородицы. Только в эти минуты было ему хорошо.

Так часами сидел Стёпка рядом, а когда богомаз заканчивал работу, то принимался учить мальчика грамоте или иконописи. Очень любил мальчонка время, когда можно было выводить палочки азбуки, складывать из них слова или наносить краску на доски. В такие мгновения Стёпка ощущал близость к синему небу, словно яркими красками играл мир вокруг, и было тепло и покойно как в руках странника, о котором он почти позабыл.

Когда Стёпке исполнилось двенадцать, он смог овладеть началами мастерства богомаза, так что дядька Лука был очень доволен учеником. В монастыре, заметив склонности мальчика, стали меньше его загружать остальной работой и давали время для уроков у Луки и духовных бесед с монахом Иоаном.

Высокий человек в чёрных одеждах напугал мальчика в первую встречу во дворе монастыря. Позже они много раз говорили: живой и восприимчивый ум мальчика не мог не радовать Иоана, но природная суровость и сдержанность не позволяли проявлять чувства, потому между ними оставалась некая боязнь.

Стёпка никому не рассказывал о страннике и ужасном железном стержне внутри своего сердца. Не признавался, что смог заставить повернуть армию кочевников на городище, но всё чаще память не давала ему забыть.

Словно в лихорадке он видел глаза странника, внимательно смотрящие в самую суть юного сердца. Мучился ночной бессонницей, когда тихий голос, словно река, тёк в сознании. Слов Стёпка не запоминал, только ощущение, что незнакомец просит его о чём-

то или предупреждает.

Настал момент, когда ни минуты не Стёпка мог провести без мысли о страннике. Мучительны стали образы памяти. Руки сами выводили на пергаменте во время урока грамоты слова «странник», «верь и спасёшься». Он старательно зачёркивал подобные вольности, чтобы ни одна живая душа, даже дядька Лука, не смогла прочесть те слова, которыми кричало его сердце.

Стёпка не сдержался, когда словно живой стоял перед ним образ того, кто говорил с мальчиком на краю леса. Готовая доска для иконы, растёртые краски оказались под рукой мальчика, и мазки будто сами ложились на поверхность. Тщательно выписывал Стёпка лицо незнакомца, представшего ангелом перед ребёнком, старался показать ясный, тёплый свет от лика и протянутых рук, что хранили сияющее маленькое солнце-дар.

Образы, каких и не было в настоящем прошлом, обретали силу на простой деревяшке. Ничего Стёпка не видел вокруг себя и очнулся, лишь закончив работу. Он поднял ошалелые глаза от доски и встретился со строгим в эту минуту взглядом дядьки Луки. Целую вечность, как показалось Стёпке, тот изучал небольшую картину — первую самостоятельную работу ученика.

— Ты вот что, — Лука неловко кашлянул. — Никому не показывай, что намалевал.

— Почему?

— Не всем дано понимание. Страдать будешь, коль душой слепой поглядит.

— Но почему, дядя Лука? Разве не хороша работа? Неудобна господу?

***Стёпка**

Стёпка чувствовал, как гулко ухает сердце, отдаваясь и в горле, и в висках сразу. Непонятный страх перед неизвестным сузил сознание до невидимой точки.

— Господь даст, не узнаешь никогда, почему, — дядька Лука помолчал и присел рядом. — Слишком хороша работа, но великая сила вгоняет человек в страх. Где ты лик-то сей видел?

Стёпка насупился.

— Ну, распустил губищи-то, — богомаз толкнул мальчика в бок. — Хороша работа, похвалить тебя могу. Дар у тебя, отрок. Не всякий дар в добро человеку бывает, но всегда в добро людям. Смекаешь?

— Смекаю, — вздохнул Стёпка, вспомнив о том, как горело городище и холодел в сердце железный стержень. — Только и людям добра от меня не будет.

— Это ты зря. Дар для людей даётся. Дарованному может быть проклятием, но коль от Бога дар, то людям во спасение будет.

— Я людей погубил. — Стёпка низко опустил голову и рассказал правду дядьке Луке.

Тот слушал внимательно, не перебивая. Затем, подняв лицо мальчика за подбородок, посмотрел в глаза.

— Запомни, только господь может делать то, в чём ты винишь себя. Никому из людей не под силу это. Странник спас жизнь одного, потому как ждёт тебя путь не из лёгких, но во славу дара.

— Я желал, чтобы всё изменилось, и не было кузницы, — всхлипнул Стёпка. — И это произошло.

— Это случилось не по твоему желанию, но по воле бога. А желание сердцем — это его голос. Он указывал, чего надо опасаться. Не по его воле было учение у кузнеца.

— Мне страшно желать.

— Забудь страх. Слушай сердце.

Лука взял икону, медленно провёл пальцем по лику странника, по подсохшей краске. Лицо его сделалось печальным.

— А он всё такой же, — тихо сказал Лука. — Ничего не бойся, Стёпка. Он защитит тебя. Когда я поверил в это, было уже поздно.

Недоверчиво Стёпка смотрел на мужчину.

— Вы знаете странника?

— Никто не может сказать, что знает его. И мало кому можно о нём говорить. Бог помог, что тебе встретился я. Ребёнком я увидел его. Многое произошло, много путей пройдено. Потерял я слова странника среди мира, испугался людской молвы. Что ж теперь жаловаться? Сам отказался — слабый человек, не вынес тяжести дара. Запомни, отрок. Иногда человек не знает, что отказывается от главного в жизни.

Не так прост оказался дядька Лука, как думал мальчик.

— А как понять, что оно и есть главное?

— Только сердцем. Вера спасёт тебя. Не повторяй моей ошибки. Следуй за даром. Ладно, — Лука тяжело поднялся. — А твою работу мы никому не покажем.

Вместе они припрятали икону в потайной нише, что была в келье Луки. Но Стёпка хорошо запомнил это место, потому что уже теперь испытывал непреодолимое желание

бесконечно смотреть на лик странника, который словно питал его душу светом.

Спустя два месяца появился в монастыре запылённый обоз дружины с рассказами о войне и ранеными. Орды кочевников продолжали набеги на городища по всей восточной границе, лавиной сметая на своём пути небольшие поселения и посады.

Среди дружины оказался и странный человек. Стёпка сразу заприметил маленького, юркого, очень похожего на кочевника мужчину. Варга, как звали его в дружине, по слухам, был толмачом у одного из князей, а после заслан к кочевникам и даже занимал там высокую должность при хане. Теперь Варга вновь вернулся в княжеское распоряжение, был ранен и с обозом прибыл в монастырь.

Как оказалось, Лука неплохо знал толмача, посему того расположили в келье богомаза. Все прочие места были заняты ранеными. Стёпка часами слушал рассказы о походах, обычаях кочевников и сражениях.

Впрочем, очень быстро ему эти истории надоели, и он с новой силой желал поговорить со странником, хотя бы на минуту увидеть его глаза, что давали силы. Опять непонятная стихия овладела душой мальчика, и сила эта вновь водила его рукой, выписывающей на земле или пергаменте слова «странник», либо линии лика.

А более всего хотелось Стёпке увидеть свою икону, но пока Варга был в келье это было невозможно. Целыми днями мальчик либо сидел у Луки, выжидая удобный момент, либо слонялся по монастырю. Безумное нетерпение сводило с ума. Ни о чём более не в силах думать, он жаждал минуты, когда достанет икону из тайника.

Среди лихорадки дней, половину из которых он и не запомнил, мальчонка смог дожждаться, когда Варга поднялся после ранения и вместе с Лукой вышел на монастырский двор. Словно ночной вор Стёпка прокрался в келью и трясущимися от волнения руками достал икону. Жадными глазами он впился в изображение, ощущая, как покоем и счастьем наполняется сердце. Ничего не видел и не слышал вокруг.

— Сагаан-хан, — хриплый голос Варги, прозвучал над самым ухом. — Откуда у тебя лик того, кто зовётся кочевниками «Светлый господин»?

— Это моё!

Стёпка прижал икону к груди и, втянув голову в плечи, искал поддержки в глазах дядьки Луки, что вернулся вместе с Варгой в келью. Взгляд богомаза был печален и тревожен. Лука чуть заметно покачал головой. Варга засмеялся, оскалив мелкие острые, будто у волка, зубы.

— Я не собираюсь забирать у тебя мазню. За меня это сделают твои затворники. Стоит им увидеть бесовский образ.

Он с силой разжал детские пальчики, уцепившиеся за доску. Долго рассматривал, опустившись на лежанку. Раны продолжали тяготить жилистое и смуглое тело воина.

— Даровитая работа. Кто мастер?

— Я! — Упрямо поджал губы Стёпка.

— Не лги, волчонок. Ты не мог написать эту икону.

— Его работа, — мрачно подтвердил Лука.

Варга смерил мальчика странным взглядом: не поймёшь, чего было в нём больше — жалости или насмешки.

— Тогда не завидую твоей судьбе, волчонок. Великие испытания ждут того, с кем говорит Сагаан-хан, кого он одаривает. Когда он появляется в палатке военачальника, как говорят кочевники, то жди битвы. Я сам видел его года четыре назад на стоянке возле Большой реки.

Варга прикрыл глаза, касаясь мыслями прошлого.

— Сагаан-хан свободно ходит среди нас. Он появился внезапно, как яркая молния, бьющая в землю, и никто не посмел остановить странника. Самые храбрые воины каменели от его взгляда. Он прошёл прямо под полог к Тугулу. Мне пришлось быть там. Сагаан-хан велел поворачивать к северу от реки. Городище на равнине возле леса.

Стёпка вздрогнул. Очередная догадка заставила его затрепетать сердцем.

— На воротах городища висел кованый знак — колокол и сокол, — голос мальчика сорвался в шёпот.

— Висел, — удивлённо Варга открыл глаза, положил икону на разошедшийся стол.

У мальчишки тряслись руки. Мысли сплелись в тугой змеиный клубок, что шипел голосом странника, рассказывая о неизбежном. Страх охлаждал спину и ослабшие ноги. Незнакомец говорил не только с ним. Он устроил всё так, чтобы городища не стало. Невозможно осознать всю глубину и смысл того, что сломало привычную жизнь и убило родичей.

Скрипнув, дверь кельи отворилась. Чёрный и строгий Иоанн появился точно грозовая туча. Короткого взгляда на икону было для него достаточно, чтобы туча разразилась грозой.

— Кто? — Вопрос Иоанна прозвучал как свист плети.

— Моё, — задохнувшись, Лука заслонил Стёпку.

— Перед Богом лжёшь. В его доме. — Голос монаха сделался похожим на глухие удары.

Варга повалился на топчан и с любопытством наблюдал за происходящим, улыбка растянула тонкие губы. Воина забавлял гнев монаха.

— Я творил, — снова солгал Лука.

— Мазню в костёр. Мальчишка будет наказан за богохульство. Уроки богомаза не пошли впрок. — Иоанн и сам догадался обо всём. — Или это ты, Лука, научил его писать святые лики с посланцев сатаны?

— Никто не учил. — Стёпка решительно вышел вперёд. — Я сам.

— Сам и ответишь. А богопротивную мерзость в огонь!

Иоанн больно ухватил мальчика за руку и повёл прочь из кельи. Быстро, под глухое уханье сердца, промелькнула галерея. Пролёты лестницы вниз слились в единое, и Стёпка влетел в сырую коморку.

— Посидишь до утра. Завтра отец Фёдор решит, что с тобой делать, — неожиданно Иоанн вздохнул. — Огорчил ты меня, отрок. Эх...

Он махнул рукой и, заперев мальчонку, ушёл. Было холодно. Стёпка покрутил русой головой и увидел, как в небольшой проём косятся лучи заходящего солнца. По двору провели лошадей в конюшню.

Мальчик забился в тёмный угол, что показался суше других. Все мысли покинули его, все чувства потерялись. Осталась только горькая обида на странника и весь мир. Никому Стёпка был не нужен. Лишь Лука пытался защитить его, но не смог. Странник оставил и забыл о мальчике. Он не чувствовал присутствия незнакомца, его тепла и защиты. Стёпка возненавидел странника, заставившего поверить в ложь. Это из-за него он стал таким одиноким и сидел в погребе.

Стёпка немного поплакал. Было жалко и себя, и икону жалко. На стене красным заревом отражалось пламя костра, что с приходом темноты разожгли во дворе. Мальчишка сходил с ума, стоило представить, что горит лик странника, но тут же он повторял в тишине короткие, злые фразы.

— И пусть! Ты меня обманул! Ты виноват, что все умерли. Городище разорили из-за тебя.

Сердце Стёпки разрывалось между непонятной привязанностью к страннику и болью. Злые слова сменялись мольбою.

— Почему ты обманул меня? Помоги! Здесь холодно и темно. Лучше бы я работал у кузнеца Угрюма. Ты сделал так, что городища больше нет, а теперь оставил.

Тяжёлая пустота заполнила душу Стёпки. Никто его не слышал. Погребённый под чувствами обиды и боли, он заснул тревожным сном, пока кто-то не стал трясти его за плечи.

— Вставай, тебе надо бежать.

Он с трудом разлепил дрожащие веки. Дядька Лука совал в руки тёплую одежду и узелок с едой.

— Беги, сынок. Ничего хорошего у тебя тут уже не получится. Отец Фёдор суров с отступниками, даже такими юными. Погубят они тебя. Дар твой.

— А вы?

Стёпка понимал, чем грозит Луке такой поступок.

— Я справлюсь. Битый уже. Может это как раз то, что я должен сделать в жизни. Когда-то я отступил. Теперь искуплю грех. Наверное, и это было задумано странником, коль он свёл нас на пути.

— Не говори о нём, — насупился мальчонка, обидой полоснуло в груди. — Он оставил и предал меня. Заставил думать, что я виновен в смерти родных, а сам всё подстроил.

Богомаз обнял его, потрепал по светлой голове.

— Верь ему. Не нам знать, что ждёт впереди, и от какой опасности спасаемся через боль.

— Я рад, что его лик сгорел, — сквозь злые слёзы упрямылся Стёпка.

Дядька Лука усмехнулся в бороду.

— Неправда твоя. Икона сокрыта в надёжном месте. А сгорела пустая доска. Но ни Иоанну, ни отцу Фёдору незачем об этом знать.

Стёпка и не думал, какой огромный камень давил на плечи и сердце. После слов иконописца сделалось легко и спокойно. Лик был спасён. Продолжая злиться на странника, мальчик всё равно тихо радовался.

Попрощавшись с дядькой Лукой, испытывая тоску от расставания, которое обещало стать вечным, он пробежал по лестнице, затем через двор и проскользнул в маленькую дверь в воротах монастыря.

Следуя подсказке, Алексей разыскал нужную дверь и переступил порог читального зала. Подслушанный разговор не отпускал историка, продолжая укладываться в сознании и так и этак.

Маленький человек в помятой одежде явно был работником библиотеки. Намерения Оксаны и её нанимателя не вызывали сомнений. Однако, редкость, которую они называли «Сакральным Даром», не так просто оказалось отыскать в маленьком городишке.

«Что-то у них здесь происходит. И это „что-то“ весьма интересно», — подумалось Алексею.

Чутьё исследователя заставляло его вновь и вновь мысленно копаться в загадке. Провинциальный город был не так прост, как могло показаться чужаку. Алексей сомневался, хватит ли времени на подбор ключика к такой замысловатой головоломке. Главным оставалось дело, ради которого он и приехал в город, где жили многие поколения его семьи. Именно поэтому он начал с библиотеки. Впрочем, одно другому не мешало. Тайна, так или иначе, вела именно сюда.

Приятный полумрак внутри большой вытянутой залы, куда сразу же попал Алексей, оттенял давно требующие ремонта стены. Свет от настольных ламп был уютен, словно маленькие солнышки согревали место каждого читателя.

Мягко ступая по тёмно-синей дорожке, Алексей подошёл к стойке. Женщина с тщательно уложенными светлыми волосами сосредоточенно перебирала карточки, делая пометки остро отточенным карандашом.

Уловив движение, она бросила тревожный взгляд на посетителя. Кроме них в зале никого не было. Незнакомое лицо сильно смутило женщину. Нервная рука пригладила невидимую прядку за ухом, а губы непослушно растянулись, изображая улыбку.

— Я вас слушаю.

Алексей коротко изложил свою ситуацию, показал направление от кафедры и поинтересовался, на каких условиях сможет пользоваться библиотекой.

— Только читальный зал, — сразу строго предупредила библиотекарь.

— Согласен, — с самой милой улыбкой быстро ответил Алексей.

Такой вариант был удобен, если ты решил разузнать больше о самой библиотеке. Случайные разговоры, посетители, события — всё на виду. Алексей легко пошёл на подобную договорённость.

— Где вас можно найти? Сейчас проживаете? — женщина неторопливо заполняла бумаги, не поднимая глаз от работы.

— Рядом с библиотекой. Простите, я названия улицы не запомнил, — вышло неловко. — У бабы Вари остановился. Она у вас работает.

Пальцы, сжимавшие ручку, замерли на миг, но головы библиотекарь не подняла.

— Не знала, что баба Варя постояльцев принимает, — сухость тона слегка уколола Алексея.

— Я не обычный постоялец, — как можно спокойнее и легкомысленней пояснил историк. — Внук.

Усталые, удивлённые глаза женщины широко распахнулись. Она всё-таки посмотрела на гостя городка с интересом, но и плохо скрываемым сомнением, оказавшись старше, чем

он считал ранее.

— Трюродный, кажется, — небрежно опершись о конторку, Алексей доверительно склонился к библиотекарю.

Он невольно вспомнил весельчака Сашку, проделавшего похожий манёвр с администратором гостиницы, вредной Маринкой.

Библиотекарь раскрыла паспорт и уточнила:

— Лукашов... Какие книги вас интересуют?

Она, наконец, закончив с регистрацией.

Алексей задумался, решаясь на опасный ход. Он привлечёт к себе внимание, но иначе, как расшевелить скрытый механизм, заложенный в сердце тайны.

— Я знаю, что часть фондов перешла из личной коллекции моего предка, доктора Лукашова.

— Ну да... — она растерянно повела плечами, не понимая, куда клонит историк. — Мы не выдаём старые книги. Они находятся в музейной экспозиции. Некоторые из них.

— Музей? Замечательно! Где его найти?

— Здесь, с другой стороны галереи.

— Обязательно посмотрю! — радостно воскликнул Алексей, наблюдая, как дама меняется в лице. — Наверняка у вас есть и каталог книг из коллекции?

— Об этом вам лучше поговорить с директором. — Холод вернулся в голос женщины.

Она стояла, отступив от стойки, стиснув ладони перед собой, точно пыталась защититься от вопросов.

— Хорошо. — Он показал, что согласен полностью с предлагаемыми условиями. — А пока я бы посмотрел подборку по истории города и... — Алексей старался оставаться небрежным в разговоре. — И, пожалуй, Сакральный дар. Есть что-то об этом раритете? Он ведь связан с историей этого места?

Может быть, ему показалось, но в глазах библиотекаря он заметил нечто похожее на испуг.

— Попробую найти для вас книги, — она медленно кивнула.

Алексей слышал, как стучат каблучки, удаляясь вглубь лабиринта стеллажей.

«Интересно, как быстро она доложит о человеке, который спрашивает о Сакральном даре? Знать бы, что это такое! И как они все связаны с библиотекой?» — размышлял он, дожидаясь у стойки.

Секреты маленького общества провинциального города с каждой минутой начинали занимать Алексея больше, чем собственная научная работа. Получив на руки кипу книг, историк удобно расположился за одним из столов. Не слишком близко к стойке, но так, чтобы слышать разговор, если появится новый посетитель.

Имея привычку сразу же делать пометки, он достал рабочий блокнот, где немедленно сделал несколько записей.

«Сакральный дар»

«Коллекции Смурова и Лукашова. Музей»

«Дверь в библиотеку»

Потерзав кончик карандаша во рту, добавил:

«Ксана?»

Возможно, позже сюда добавятся новые загадки, но пока ничего в голову не приходило. Алексей приступил к изучению книг, начав с истории этих мест, составленной неизвестной

группой авторов. Указывалась только фамилия редактора с пометкой «из дневниковых записей горожан». Выпущена книга была в уездном городе частным образом.

Перелистывая страницы, Алексейзнакомился с историей городка. Возникший на месте древнего поселения, город стал заметным, когда начал отстраиваться вокруг кирпичного завода промышленника Смурова. Словно именно с началом этого производства и началась вся жизнь. До того времени факты терялись в тумане неясных фраз автора книги и смущали недосказанностью.

Стиль изложения путал всё больше и больше. Даты или указания на исторические параллели встречались редко — уцепиться не за что, как будто долго бредёшь по зыбкой почве, готовой под тобой провалиться и утянуть за собой.

Не любил историк такого, не выносил отсутствия ясной структуры. С отяжелевшей головой Алексей отложил книгу. Он чувствовал, что в ней есть что-то важное, ускользавшее от понимания, поэтому закрыл с сожалением и досадой.

Стопка книг, выданная женщиной-библиотекарем, была не слишком внушительной. Оно и не удивительно: маленький городок, где вряд ли за всю историю его существования могли произойти события, способные уместиться в многотомных хрониках.

Пара-тройка книг относились к советскому периоду и сухими цифрами рассказывали о производстве. Даже военная история города не была сколько-нибудь значимой. А все события последних десяти—пятнадцати лет библиотекарь посоветовала изучить по газетным подшивкам. Ознакомление с прессой Алексей решил отложить на другой день, внося запись в блокнот, чтобы не забыть.

На фоне прочих изданий выделялась одна увесистая книга в тканом переплёте. Время оставило отпечаток на пожелтевших тонких страницах, которые, казалось, грозили вот-вот рассыпаться, но несколько прикосновений доказали, что бумага осталась прочной и опасаться за сохранность книги не стоит.

Алексей испытал особое чувство, которое означало для него непреодолимое увлечение начинавшимся исследованием. Он ожидал настоящего чуда. Удивило его и то, что библиотекарь так легко вынесла книгу, место которой было в экспозиции музея или в закрытых фондах.

Изданная до революции, это была хроника событий и фактов о монастыре, построенном неподалёку от первого поселения в этих краях. Затем образовался город, включив в себя и земли монастыря и разросшегося городища. Позднее с появлением кирпичного завода, город повысил статус. Алексей тут же предположил, что вряд ли монастырь сохранился, но снова вписал необходимые слова в блокнот.

Вскоре, стало понятно, что книга вобрала в себя древние летописи, заметки и хроники событий. Монахи вели записи примерно с семнадцатого века, упоминая и о более древних отголосках истории. Невольно Алексей улыбнулся, встретив фамилию предка. Николай Михайлович Лукашов в 1899 году издал эти летописи в виде книги, как подарок родному городу.

Среди прочих сведений особо увлекла Алексея история о безумном монахе Никодиме, что в середине восемнадцатого века искал клад в Светлом ските. Безумствуя, монах без сна и отдыха исследовал давно опустевший скит, пока не сгинул в его стенах.

Говорили, что непростое это было место. Довольно туманно и в самых загадочных выражениях, на которые был способен летописец, описывался предмет поисков Никодима. Автор, то называл его «кладом», то «благословенным сокровищем», и даже «источником

мудрости».

Странная и трагическая история Никодима, живо изложенная неизвестным монахом, на время заставила Алексея забыть обо всём, поэтому только через час он, словно очнувшись, поднял глаза от страниц книги.

Он и не заметил, что в читальном зале появилось новое лицо. Женщина-библиотекарь разговаривала с молодым человеком в строгой чёрной одежде. Рост, телосложение незнакомца напомнили Алексею о первой ночи в городке, когда одинокий и неприкаянный историк сидел на чемодане посреди улицы. Не этот ли посетитель так внимательно разглядывал здание?

Разговор оставался тихим и, казалось, очень осторожным. Оттого Алексей, увлечшись книгой, не сразу осознал, что его одиночество нарушено. Таким же настороженным показался ему и поворот головы собеседника библиотекаря. Неприятное внимание к собственной персоне кольнуло молодого историка.

Избегая взглядов незнакомца, Алексей вернулся к книгам. Его более всего заинтересовало издание летописи города, но, кроме этого, неясным оставался вопрос с «Сакральным даром». Словосочетание, услышанное от строгого мужчины, на которого работала Оксана, засело в сознании.

Тщательно просмотрев несколько страниц летописи, он понял, что, изучая и вчитываясь, можно просидеть неделю. Тогда Алексей обратился в конец книги, где составитель позаботился о будущих читателях и приложил краткие комментарии. Своеобразный словарь был выстроен, как полагалось, в алфавитном порядке. Алексей с силой сжал карандаш, готовясь записывать.

Сосредоточившись на книге, Алексей всё же отметил, что тон разговора библиотекаря с посетителем сделался более наряжённым. Лёгкое беспокойство подтолкнуло его скорее пробежаться взглядом по тексту. Он и не надеялся, но «Сакральный дар» действительно существовал. Петля среди старого стиля, Алексей выцепил заветные слова.

«Сакральный дар — неканонический образ мастерской руки Луки Богомаза, существование иконы не доказано».

«Ещё больше всё запутали», — устало подумал он, отразив в записях новые вопросы.

Один ответ Алексей всё же получил. Оксана была приглашена неизвестной фирмой, чтобы доказать подлинность иконы, которая могла существовать только в воображении летописцев.

«Сакральный дар» превратился в артефакт из городских легенд. Не этот ли клад искал безумный монах?

Вспомнились и слова бабы Вари о потомке промышленника Смурова, который интересовался библиотекой.

Голоса у стойки зазвучали громче:

— И что мне делать?! — с нервной дрожью взвилась библиотекарь.

Ответа Алексей не разобрал, поторопился вернуться к книге, словно ожидал, что вскоре его лишат такой возможности.

В блокноте появились новые записи:

«Светлый скит»

«Лука Богомаз»

Комментарии он нашёл, но они ничего не прояснили.

«Светлый скит — иначе обитель Серафима — место духовного служения монаха, житие коего не имеет свидетельств, предположительно в N-ском уезде, точное место неизвестно, сведения утеряны».

Имя монаха в издании дополнительно выделили, хотя буквы почти стёрлись, потускнели. Это подсказало Алексею, что следует и его поискать в комментариях к полезному сборнику. Нетерпеливо постукивая пальцами по столешнице, он прочитал:

«Серафим, монах — житие не подлинно утверждено, упомянут в летописях монастыря N-ского уезда, отшельником жил в Светлом ските до зарождения поселения.....»

Алексей удивлённо провёл пальцем по внезапно обрывающейся строчке, словно некто намеренно затёр текст. Кожей ощутил небольшую шероховатость, нехарактерную для страниц книги. Неявно виделась тонкая полоса то ли от срезанных, то ли от смазанных букв.

Ситуация становилась всё любопытнее. Целый кусок текста был вымаран из книги. Решительно потерев лицо, чтобы взбодриться, он пожалел, что под рукой нет лупы. Алексей несколько раз наклонил книгу под светом лампы, рассматривая уничтоженные, но чуть видные контуры букв.

Быстрые каблучки поцокали к столу, где сидел молодой историк.

— Простите, я по ошибке дала вам не ту книгу. — Лицо библиотекаря выражало тревогу. — Я не должна была... Раритет из фондов. Случайно попала под руку.

Она принялась сбивчиво объясняться, вцепившись в переплёт книги, а Алексей

наблюдал за тем, как лицо женщины наливается краской, одновременно видя и посетителя у стойки.

Молодой, с жёстким, колючим взглядом незнакомец вслушивался в каждое слово, произносимое женщиной. Алексею даже стало жаль её, но вопросов было слишком много, чтобы смолчать и смиренно вернуть книгу.

— Как это редкая книга из фондов «случайно» оказалась под рукой? Наверное, кто-то уже брал её? Так, почему же нельзя мне?

Библиотекарь умолкла, а второй посетитель в несколько широких шагов оказался рядом.

— Слышь, книгу верни, — коротко бросил он, ничуть не заботясь о вежливости.

И тон, и взгляд незнакомого хама резанули Алексея по нервам, но затевать ссору он не собирался. Не видел смысла. Возможная потасовка его не пугала. Несмотря на явное не богатырское сложение, он был довольно жилист и когда-то посещал секцию самбо.

Только куда бы привёл их этот конфликт? Ответов на самые важные загадки Алексей всё равно бы не получил.

— Витя! — умоляюще вскрикнула женщина. — Я тебя прошу...

— Я найду в другой день. Мне у вас понравилось.

Алексей спокойно поднялся, выпуская из рук ценную добычу, аккуратной стопкой сложил остальные книги, оставив их на столе, забрал свои записи. Каблучки дробно простучали к стойке. Библиотекарь прижимала к груди сборник, будто готова была бороться за него со всеми врагами сразу.

— Хорошего дня, — кивнув незнакомцу, молодой историк покинул читальный зал.

«Значит, Витька Смуров. Местный оболтус, погрузившийся в поиски мифического клада», — резюмировал Алексей, шагая по галерее.

В голове выстраивалась более или менее чёткая схема. «Сакральный дар» ищет наниматель Оксаны. Смуров занят поисками наследия предка-промышленника, а может быть и того же неканонического образа, существование которого не подтверждено. В памяти всплыл и безумец Никодим, пропавший в Светлом скиту. Он то, бедняга, что искал?

Так или иначе, всех интересовала библиотека.

Алексей усмехнулся:

«Всех, кроме Никодима, понятное дело. Этого уже ничто не волнует. Ну, и мерзкий тип этот Витька Смуров! Чувствует себя хозяином в городке».

И действительно, за небольшой отрезок времени, Алексею удалось уловить и страх женщины перед Смуровым, и наглую уверенность Витьки в собственной неуязвимости и безнаказанности.

Стало интересно мнение Борисыча. Уж кто-кто, а бывший мент должен знать немало грешков за подобным субъектом. Невольно историк всё глубже проникал в хитросплетение связей и событий городка. Алексей начал сомневаться, получится ли заняться реальной работой, ради которой он и приехал.

У лестницы на первый этаж он притормозил. Странный потрёпанный мужичок, обещавший нанимателю Оксаны раритет, в своё время скрылся за ближайшей дверью. Алексей намеревался посмотреть список книг, доставшихся от его предка библиотеке. Так, почему бы не сделать это прямо теперь?

Табличка на двери сообщала, что Алексей не ошибся. Заведующий — Воробышев Геннадий Иванович — находился именно здесь.

Культурно постучав, дожидаться ответа Алексей не стал, резко рванув дверь на себя.

Он уже был готов к противостоянию.

— Кто?! — недовольно пискнул Воробышев, подскочив в кресле: сухонькое, с мелкими чертами лицо сморщилось.

Обстоятельно разъяснив ситуацию, Алексей без приглашения сел. С заведующим требовалось проявлять напористость и твёрдость. Воробышев и со стороны показался ему изворотливым типом. Вот и сейчас, вначале вжавшись в кресло, он кашлянул, переложил пачку бумаг с одного края стола на другой, а затем внезапно выпрямился, будто стараясь стать больше в размерах.

— Вы из проверяющих органов? — повышая голос, переспросил заведующий. — Нет? Тогда я не обязан вам ничего показывать! Будь вы хоть самим доктором Лукашовым.

Взгляд маленьких глазок упирался Алексею в лицо, ощущался физически, со злобой сверля воображаемую дыру. Реакция Воробышева выглядела чрезмерно нервной. Алексей догадывался, что тот был на взводе после неприятной беседы с суровым спутником Ксаны.

— Странные традиции у вас работать с посетителями, — историк откинулся назад, всем видом показывая, что не уйдёт.

— Нормальные, — Воробышев притих, разом потеряв задор. — Если каждый станет рыться в фондах, от них ничего не останется.

«Не такой уж ты и храбрый воробей», — подумал Алексей, хотя определённая логика в словах заведующего была.

— Вы правы. — Он решил зайти с другой стороны. — Я не контролировать вас пришёл. Мне это нужно для своей работы. Да, и на фонды я не претендую. Пока что. Почему бы нам не посотрудничать?

— Давайте! — Костлявая маленькая рука потянулась к Алексею.

Воробышеву удалось удивить историка, но после следующей фразы пришло понимание, что ничего с описью не получится.

— Запрос университета давайте, — ядовито прошипел Воробышев.

— Я показывал направление.

— Официальный запрос университета к нам. Для допуска к описи фондов и так и быть к самим фондам, — помятый и нервный заведующий почуял силу, заулыбался почти приветливо...

Это был провал.

В дурном настроении Алексей топтался перед боковой дверью в библиотеку.

— Спокойно, — сказал он, втянул осенний, отдающий прохладой воздух, вытолкнул из себя гадостное ощущение после беседы с Воробышевым. — Первая неудача не финал истории. Двигаемся дальше.

Быстро перебирая ногами, он поднялся к центральному входу. Перелистнул листы блокнота и сосредоточенно, вдумчиво зарисовал каждую закорючку выбитую или вырезанную на массивной двери.

Работа ослабила натянутые струны нервов, отвлекла. Алексей понимал, что в чём-то заведующий прав, но только не в тоне ведения беседы. Да и чем опасен историк, желающий покопаться в описи старой коллекции? Если только сама коллекция не разбежалась по рукам частных или утекла за границу.

Воробышев явно опасался чужих глаз. Незнакомец, прибывший в городок, мог оказаться совсем не научным работником, а сотрудником особых структур, пытающихся вскрыть махинации с раритетами.

— Ясенько, — вновь, вслух хмыкнул Алексей, заканчивая чертить кривули в блокноте. — Дело у вас и правда нечисто, неуважаемый замзав, кто вы там.

С чувством выполненного долга Алексей спрятал блокнот. Символы разгадать с первого взгляда не удалось. Совсем не тот профиль был у историка, чтобы сразу узнать что-то в прерывистых линиях, примыкающих закруглениях и чёрточках.

Был у него знакомый лингвист, занимавшийся древними языками. Где-то в городе должен быть факс, чтобы передать приятелю образцы. Ладно, об этом он подумает в другой обстановке. Прикинув план действий, Алексей бросил последний взгляд на дверь.

— Жизнь преходяща, вечно только время.

Тихий голос позади заставил вздрогнуть. Алексей развернулся, ожидая чего угодно или, вернее, кого угодно.

— Сейчас — это баланс между тем, что было и тем, что может случиться. Там мы встречаем странника. Он смотрит и видит. Он истина по ту сторону дверей и по эту. Время стоит по обе стороны от добра и зла. Всегда среди нас, приносящий горькие дары незримой власти. Он небо и земля, вода и огонь. Он всё и ничто.

Моргнув, Алексей вздрогнул, точно приходя в себя от навалившегося сна, затуманившего взгляд. Бывший милиционер, прозываемый в городе запросто Борисычем, оправил куртку военного кроя, пригладил шикарные усы.

Не верилось, что он произносил настолько странные слова. Они никак не вязались с суровой мужественностью вполне реального и приземлённого человека. Алексею подумалось, что такому можно довериться в минуту опасности, не оставит в беде, не предаст. К интуиции историк привык прислушиваться.

Не зная, что сказать, он спустился к Борисычу.

— Любой в городе знает, что за надписи сделаны на смуровских дверях, — мужчина оценивающе и внимательно смотрел на Алексея. — Мало кто скажет об этом чужаку. Но ты ведь не простой приезжий, а почти свой.

— Откуда?..

— Варвару встретил.

Борисыч говорил кратко и основательно. Обернувшись к дверям, Алексей задал, мучивший его вопрос:

— Что это за язык? — Прочие загадки историк пока отсёк.

— Язык? — Борисыч почему-то засмеялся. — А вот головоломка тебе, парень. Сам разгадаешь — молодец. Может и дальше пойти сможешь.

Настаивать на ответе Алексей не стал, но бывший милиционер интересовал его. Особенно ценны были истории, которых наверняка немало хранилось в памяти Борисыча. Он точно знал все городские секреты.

— Поговорим? — предложил Алексей.

— Не здесь, — легко согласился мужчина. — Город маленький. Все видят друг друга.

Точно подтверждая его слова, запасной вход в библиотеку выпустил посетителя читального зала, с которым у историка чуть не случилась стычка.

— Здравствуй, Виктор, — с силой процедил Борисыч, хмуря кустистые брови.

— Здравсьте, — пробурчал в ответ Смуров и недовольно покосился на собеседника земляка.

Кажется, он хотел сказать что-то, жёсткие складки пролегли возле рта, но удержался,

отложил на время. Затем Виктор спрятал руки в карманы и быстро зашагал в сторону железки.

Наблюдая, как постепенно теряется среди осенней улицы его чёрная, сгорбленная фигура, Алексей подумал, что не очень хорошо было снова встретить Витьку при подобных обстоятельствах. Теперь Смуров знает, что приезжий говорил с человеком, обладающим информацией и о нём, и об остальных жителях городка. Как уже догадывался Алексей, многим было что скрывать.

— Неприятный тип, — сказал он, ожидая реакции от Борисыча.

— Витька-то? Дурью голова забита, — резко охарактеризовал Смурова мужчина. — Но неглуп, хотя и тормозов никаких. Охотников таких использовать с подходящей идеей всегда найдётся.

— Вы хорошо знаете город и людей?

— Достаточно, — усмешка, прячась за густыми усами, всё равно вышла горькой. — Пошли-ка, парень, ко мне. Там точно никто не выскочит.

Они дошли до края площадки перед библиотекой, когда встретили человека с приятным улыбочивым лицом. Пожилой горожанин неторопливо следовал по центральной улице, тщательно лавируя между чуть подсохшими лужами и островками грязи. Аккуратно уложенные седые волосы, ладный тёмный костюм и вычищенная обувь делали его образ нереальным, каким-то нездешним, как будто мужчина вышел прямоком из зарубежного фильма шестидесятых.

Образ чужестранца дополнял огромных размеров кот, которого он держал на руках, вероятно, чтобы тот не запачкал лапы. К ошейнику кота крепился поводок, доказывая, что этот представитель гордого племени никогда не гуляет сам по себе.

Странный, нехарактерный для провинциального города типаж, поразил Алексея. Остановившись, незнакомец вежливо склонил голову.

— Доброго дня, Павел Борисович, доброго дня, — приятным баритоном пропел он.

— И вам не хворать, Казимир Вилорович, — с особым, понятным одному ему, сарказмом ответил Борисыч.

Как ни были вежливы эти двое друг с другом, но молодой историк учуял раскалённую добела пропасть между ними.

— На службу идём, — указав на кота, непрошено пояснил господин Казимир (именно так Алексею хотелось называть этого человека).

Пожилой мужчина размеренно гладил питомца, не позволяя вырваться, а коту не терпелось ступить на землю, иногда он изворачивался, упирался лапами, требуя полной свободы.

— А кто это с вами? — с милейшей улыбкой поинтересовался господин Казимир, приязненно глядя на гостя города. — Мы не знакомы, молодой человек. Разрешите представиться — Казимир Смуров-Залеский. Ранее журналист, ныне книжный червь, — смеясь добавил он.

— Алексей Лукашов.

Рука у мужчины оказалась на удивление крепкой, а рукопожатие решительным. Поразило историка и замысловатое описание себя со стороны бывшего журналиста. Что-то вокруг становилось слишком много «бывших». К тому же новый знакомый относился к семье промышленника Смурова, что внушало некоторые подозрения.

Борисыч взирал со стороны, будто равнодушно, но пощипывал свои невероятные усы,

словно пытался постепенно вырвать их по волоску.

— Лукашов! — Жизнерадостный возглас Казимира Вилоровича вспугнул голубей поблизости.

Кот грозно мявкнул басом, повторив попытку вырваться из рук хозяина, который никак не желал следовать на непонятную «службу».

— Из своих стало быть! Знаете ли, молодой человек, что наши с вами предки были основателями вот этой самой библиотеки?!

— Слышал, что-то такое, — не стал отпираться Алексей, размышляя об обилии непредсказуемых встреч, посыпавшихся на его голову.

Было отчего растеряться. Коллекция необычных образов пополнилась: вредная администраторша Маринка, строгий Борисыч, хамоватый Витька Смуров и аферист Воробышев, испуганная библиотекарь, а теперь и Казимир с котом.

А ведь существовали ещё и Сашка с фирмачом, что упорно искал Сакральный дар. Целый хоровод лиц вокруг одного Алексея. Каждый говорил что-то, спрашивал и требовал внимания. И ни минуты спокойно обдумать происходящее. Точно из волшебной шкатулки незнакомцы появлялись перед молодым историком.

Казимир внял молчаливой и яростной мольбе кота. Каждый пошёл своей дорогой. Распроставшись с необычным горожанином, Борисыч некоторое время шёл молча. Заговорил он только ступив в полутень подъезда трёхэтажки, измазанной жёлтой краской.

— На второй, — Борисыч мотнул головой в сторону лестницы.

Квартира бывшего милиционера поразила Алексея аскетичной простотой. Одиночка Борисыч и не пытался обустроить быт, создать хотя бы видимость уюта. Повесив куртку на единственный крючок в прихожей, он сразу же направился в кухню, загремел чайником, чертыхнулся в ответ на свирепое фырканье в кране.

— Каждый день у них... Просрали всё, — бубнил хозяин дома.

Алексей тихонько пробрался бочком, устроился на табурете возле окна. Чувствовал он себя странно, будто смотрел долгий и бессвязный сон.

Что он делает в доме совершенно чужого человека? О чём им говорить?

Озноб прошёл по телу, заставив вцепиться в плечи, стиснуть зубы, с шумом втягивая воздух.

— Продрог? Легко одет, — наливая воду в чайник из пластиковой бутылки, сказал Борисыч. — Осень у нас обманчивая.

Дома он заметно расслабился, лицо разгладилось. Один раз бросил тревожный взгляд в окно, нахмурился, но скоро словно забыл обо всём или наплевал на сотни раз пережёванные мысли.

— Может выпить тебе надо, но звиняй, водки не держу.

— И горячий чай сойдёт, — улыбнулся Алексей. — Можно спросить?

— Давай свои вопросы. Вижу, много их у тебя. Да, про загадку не забудь. Записал ведь знаки?

— При мне, — историк похлопал ладонью по карману, где скрывался блокнот.

— Хотя, какая это тайна, — мужчина поставил чашки, тяжело опустился на табурет с другого конца квадратного стола. — На глазах у всех. Каждый школьник в городе знает о надписи. Дверь в начале века по заказу промышленника Смурова ставили. Лично эскизы рисовал, говорят. Увлекался, как тогда говорили, мистицизмом.

— И много в городе Смуровых? — Алексей вспомнил человека с котом.

Усач расхохотался.

— Ты про Казимира? Дядька он Витьке. Одна семейка, будь неладны.

— Не дружите вы с ними, — прищурившись Алексей думал, всё перебирал в памяти, о чём же хотел выспросить бывшего мента. — Что за семейный клад Витька ищет? Сакральный дар?

Борисыч смолчал, резко кинулся к закипевшему чайнику. В тишине разлил кипяток по кружкам. Он чётко обозначил незримую границу, за которую не следовало заходить в разговоре. Гость понял это сразу же, осадил себя и попытался вывернуть беседу в иное русло.

— И на какую службу с котом ходят? — будто удивляясь, проговорил он.

— В библиотеку, — спокойно ответил Борисыч. — Кот по мышинной части, а Казимир при фонде и музее пыль глотает. Копаются в архивах, что та же мышь или, вернее, крыса.

— Мне туда нужно, — внезапно разоткровенничался Алексей.

— Нужно ли? — с тоской поглядев в окно, где под ветром билась листва, вздохнул хозяин.

— Почему нет?

Историк замер с кружкой в руках: внимательно, досконально изучил складки морщин, вновь изменившие лицо Борисыча, задумчивое, но всё такое же острое, выражение глаз.

— Лучше уходи, парень, — тот метнул взгляд в окно, затем на Алексея.

Мрачный, недовольный, тревожный взгляд, но сам Борисыч точно внутренне собрался, даже плечи расправились.

— Иди! — слова звучали приказом.

— Спасибо за чай.

Как в пространстве туманного сна, Алексей неторопливо вышел на лестницу. Замер, ухватившись за перила, сжимая их с силой, как будто пытался выдрать из бетона. Нехорошо как-то сделалось, тягостно, тоскливо кольнуло в сердце, тут же отпустило. Пришлось зажмуриться, потрясти головой, чтобы вернуть осознанность.

— Что за чертовщина творится здесь? — прошептал, не ожидая ответа. — Зря чаёк пил. Ой, зря.

Стёпка упорно бежал по еле различимой в темноте дороге. Не страх гнал его. Страх не было, но неясная, смутно осязаемая сила, толкала в спину, заставляла перебирать уставшими ногами. В чёрном ночном лесу он упал лицом в мох и заплакал. Боль вытекала из него слезами, которые благодарно принимала земля. Он не заметил, как уснул.

Утром прошёл дождь. Промокший и разбитый Стёпка очнулся ото сна, как от забытья. Заставив себя подняться, он пошагал дальше.

Чувство сожаления по утраченному покою и дружбе с Лукой терзало Стёпку. Он знал, что больше никогда не сможет вернуться. Опять приходилось бежать, искать убежища в новых местах.

Стёпка ощутил глубокую усталость. Мысль о страннике билась в сознании, но была холодной, почти жестокой. Чувствуя себя словно старые лапти, что поносили и выбросили за ненадобностью, он не желал больше ничего знать о страннике.

Стёпка не помнил, сколько дней шёл. Сутки слились в один непрекращающийся поток бесчувственного передвижения, неясных образов леса и сменой дня и ночи, где не было ни смысла, ни понимания. Только упёршись в развилку двух дорог, Стёпка будто очнулся и посмотрел вокруг.

Лес оборвался духмяным полем, которое подрезал с другого края сосновый лес. Широкой сухой полосой дорога уходила в сторону, огибала линию сосен и окончательно растворялась далеко-далеко впереди. Другая тропа была пряма и терялась в травах, а затем уходила круто вниз за сосны, в густую зелень бора.

Уже темнело. Стёпка растерялся. Он не мог выбрать, куда следует идти. Широкий и сухой путь манил к себе, но сердце рвалось на прямую тропу. Пока не показались звёзды, он бродил между двумя путями. Прямой был страшен своей неизвестностью и трудностями, второй же смущал сердце тем, что уходил далеко в сторону. Не привёл бы он его обратно, туда, где Стёпка уже был, куда не нужно было возвращаться. Мальчик очень чётко понимал это.

Ясный, как маленькое солнце, огонёк вспыхнул возле бора. Мальчишка встрепенулся и побежал. Жёлтое, тёплое пятно расширилось и превратилось в пламя костра. Тёмная фигура подле неторопливо бросала еловые лапы прожорливому жару. Сноп искорок поднимался в воздух, кружил и гас.

— Погрейся, — голос странника потёк над огнём.

Стёпка отшатнулся. Обида ударила в сердце, ужалила змеиным ядом.

— Кто верует и следует своему пути, тот спасён. Ты помнишь?

Свежий ельник ярко вспыхнул.

— Да.

Стёпке очень хотелось тепла от этого костра. Но ещё больше он желал быть принятым странником, увидеть приязнь во взгляде. Он тихо сел рядом. Размеренными, точными движениями человек дал ему ломоть хлеба и кувшин с молоком: белым как луна, что появилась на небе.

Стёпка не смел поднять глаз на странника, щёки горели огнём. Он медленно откусывал от куска хлеба, вкуснее которого никогда не ел, неторопливо пил молоко, оттягивая разговор. Человек у костра молчал.

— Путей много, — заговорил странник, как только мальчик закончил есть. — Но не многие ведут к правде сердца. Не все из них истинно принадлежат нам.

— Куда мне идти?

Стёпка просительно вглядывался в тень под капюшоном. Странник открылся, показал лицо. В свете луны оно было удивительно светлым и мягким. Могло оно стать и иным — грозным и яростным, когда темнели глаза и глубже пролегали шрамы. Стёпка знал это. Мальчик и не думал, что странник так молод. Глаза читали в душе. В них ярко билась сила.

— Выбор за тобой, — ответил странник. — Перед тобой, как перед любым другим, хочешь ты или нет, лежат пути. И ты должен выбирать. Всегда.

Стёпка задумался.

— А ты будешь со мной?

— Каждую минуту.

— Мне трудно выбрать. Помоги мне.

— Твой выбор. Я могу рассказать о тех путях, что ты видишь. Тот, что прям — очень тяжёл и опасен. Много боли на этом пути, много работы и отречения. И никто не обещает награды, но душа нет, да и возрадуется исполнению правды сердца.

— А другой?

— Второй путь иной. Он крив, хоть иногда может казаться прямым. Он радует нас и печалит, как сама жизнь, исполняет желания и дарит новые. Только он всегда плурует вокруг самого важного, растрачивая и забирая дары. За сиюминутными радостями этого пути человек теряет свою главную правду. Понимаешь ли ты меня?

Вопрос прозвучал строго, и Стёпка поспешил кивнуть в ответ. Понимал ли он на самом деле? Многие слова странника оставались в памяти неосознанными, нераскрытыми, будто тугие бутоны юных цветов или весенние почки. Для них не пришло время. Некоторые слова пугали. Казалось, что он подведёт странника, не справится, предаст доверие.

Растревоженный Стёпка смотрел, как жилистая рука с сильными пальцами потянулась к огню, подкормить его еловой ветвью, точно дикого зверя. Запястье блеснуло чёрной сталью, переливаясь маленькими огоньками.

— Ты воин? — удивлённые глаза мальчика распахнулись шире.

Верно ли или привиделось в темноте.

— Я — всё, что хочешь, — странник опустил руку, скрывая тканью рукава стальные короткие наручи, ни одной черты не дрогнуло в лице. — Неважно, кто я. Главное, кто ты и какой путь выбираешь. Делай выбор для себя, не для других.

После увиденного Стёпке никак не удавалось вернуться мыслями к словам странника. Раньше он думал о нём, как о монахе, бредущем от монастыря к монастырю в неведомом служении. Но не после ли битв остались шрамы на молодом лице? Наручи с яркими бликами перевернули мальчишескую душу. Слова Варги о Сагаан-хане, повелевшем отрядам орды погубить городище, вспыхнули в памяти болью.

— Ты убил всех, — прошептал Стёпка, чуть отодвигаясь от незнакомца.

На миг тот прикрыл глаза, словно и ему сделалось больно. После смотрел всё так же спокойно и понимающе.

— Это и есть неизбежное. Они пришли немного раньше положенного срока, исправив твой путь. Так бывает. Мы видим зло, что ведёт к добру. Мы видим добро, созидующее зло.

— Зачем?! Я не желал их смерти! — худенькие плечи Стёпки содрогались.

Он весь согнулся, сжался, уткнувшись лицом в колени. Тёплая ладонь легла на затылок,

забирая ужас и муку.

— Незавидная судьба в кузне Угрюма...

Неожиданно Стёпка увидел себя маленького среди чада и жара. Тяжёлые, точно молоты руки Угрюма трясли за плечи. Потное, чёрное лицо искажала ярость. Не слыша голос, он всё равно понимал, что провинился. Чумазы подмастерья прятались по углам. Одним движением огромной ладони кузнец смёл лёгкое детское тело. Почти безучастно Стёпка смотрел на самого себя, лежащего у наковальни с пробитой головой. Следом, как ветром разметало кузню, смяло в лохмотья дерево и живые тела. Полыхала пожарищами округа. Конница воинов с востока рубила родных и соседей Стёпки. Только он этого уже не увидел...

Так вот, от чего спас его странник!

— Всё уйдёт, — сказал старый друг. — Останется главное.

— А что главное? — отерев глаза от слёз, Стёпка прижался к его плечу, усталость брала своё.

— Не предавать себя. Человек быстро забывает свой путь, поддаваясь покою, соблазнам мира или собственной трусости. Выбирай...

Стёпка слушал речь странника, ощущая, как внутри рождается сила, что звала в дорогу, железом крепила душу. Не все слова он понимал сейчас, но каждое врезалось в память сердца. Слова текли как река, тёплой благодатью окутывали тело. Веки отяжелели.

— Запомни сказанное, — тихий шёпот странника стал похож на шелест травы на ветру. — Придёт время и твоё слово оживит мёртвые души. Запомни, сила твоя в сердце и словах, ибо будут принадлежать они не только тебе, но времени и всем ищущим спасения, всем несущим тяжесть собственного дара.

Уплывая по реке звуков голоса, Стёпка улыбался во сне. Ему снилось, что за спиной его растут два белых крыла и теперь он может прыгнуть с самой высокой колокольни и не разбиться. Он парил. Он был счастлив и свободен.

Поднявшись утром, Стёпка уже знал, куда ему следует идти. Костёр погас и подёрнулся пеплом. Странник ушёл, но в сердце мальчика остался маленький огонёк, согревающий и питающий стальной стержень, который держал Стёпку.

Прямая тропа к бору путала ноги травой, но мальчик уверенно шёл вперёд. Теперь даже темнота ельника не пугала. Резко падая в низину, тропа пружинила под ногами мхом. Острые, сырые запахи болотных трав ударили в нос, и Стёпка понял, что не так просто будет пройти через лес. Унимая дрожь в коленках, он прыгал с кочки на кочку, стараясь сохранять прямой путь. Тяжело и страшно было, но ни вернуться, ни остаться здесь Стёпка не мог, да и не хотел.

Он уходил всё дальше, в глубину, и словно ни конца, ни края не было этому болоту. Стёпка стал сомневаться, что выбрал верную дорогу. Он испугался, что потерял свой прямой путь и навечно оставлен блуждать среди бескрайней топи. И когда от слёз и страха он не мог двигаться дальше, сел устало на кочку, то увидел впереди, совсем близко тёмные брёвна гати. Кто-то оставил для него прямой путь или очень давно люди проложили дорогу через болото.

Остаток пути сделался более лёгким. К закату Стёпка поднимался по тропе на горку, поросшую густой травой. Лес стал светлее и ярче от желтовато-оранжевых лучей закатного солнца, а вскоре и вовсе поредел и иссяк.

Стёпка увидел большое городище. За высокими, плотно сбитыми, брёвнами прятались дома, а дальше поднимались светлые стены каменных палат. Он слушал звуки обычной жизни, вдыхал запахи зажаренного на углях мяса, свежего хлеба, и пытался удержать рвущееся из груди сердце.

Что его ждёт здесь?

Поселение было намного больше родного городища. Ворота вот-вот должны были закрыть, и Стёпка поспешил за ограду. По торговой площади бегали мальчишки. Торговцы убирали товар и закрывались в укромных уголках, чтобы подсчитать барыш за день. Проскользнув мимо дружинников у ворот, Стёпка окунулся в жизнь городища, совершенно чужого ему.

Он уже и забыл, что жил в похожем месте, не мог и припомнить, как бегал с мальчишками по двору. Он почти забыл запах домашнего хлеба. Долгое время монастырь заменил ему всё, и непривычно вновь оказаться вне строгих стен с иным укладом. Здесь были свои правила жизни, и Стёпка пытался их вспомнить. Очень хотелось есть, хотелось заснуть в тёплой постели.

Задумавшись, он брёл по площади. Люди суетливо проходили мимо, и никому не было дела до бродяжки. Рослый бородач оказался на пути мальчика, и Стёпка остановился. Под ногами валялся кошель.

— Дяденька, это вы потеряли?

Мальчик задрал голову, чтобы разглядеть мужчину. Погладив усы, тот смерил его взглядом, рассматривая, будто блоху у земли, и не понимая, что это блоха от него хочет. Стёпка поднял кошель и протянул бородачу.

— Ваше, дяденька?

Хватившись пояса, тот пробасил грозно.

— Ах ты, крысёныш, откуда у тебя мой кошель?!

— На земле нашёл, — испугался Стёпка, уж больно грозный вид был у здоровяка.

Мужчина выхватил мешочек из рук мальчика, пересчитал монетки, довольно хмыкнул. Рослый бородач более благосклонно поглядел на мальчишку и, дав увесистый подзатыльник, беззлобно бросил.

— Живи, бродяжка.

Широкая спина бородача почти скрылась в конце торговых рядов, когда Стёпку что-то ударило изнутри, волной прошло по телу и заставило броситься следом.

— Дяденька! Дяденька!

— Чего тебе?!

Бородач обернулся и сделал строгое лицо, но в его глазах мальчик увидел искры смеха. Ему очень хотелось, чтобы этот человек взял его с собой.

— Дяденька, возьмите меня домой, — сдерживая слёзы, попросил Стёпка.

— Ух ты, какой шустрый! — мужчина удивлённо поглаживал бороду. — А зачем ты мне сдался?

— Я всё умею, — заулыбался Стёпка. — Я в монастыре жил и по хозяйству помогал, и в огороде.

— А коль нет у меня огорода? — бородач захохотал.

— Я читать-писать обучен. Немного... — не унимался Стёпка. — Возьмите, дяденька, не пожалеете.

— Цифры складывать умеешь?

Он наклонился к мальчишке, прищурил серый глаз с искрой.

— Могу, — кивнул Стёпка.

— Ну, пошли, коль так. Как звать-то тебя?

— Степаном.

— А меня будешь звать дядя Василий...

Торговец жил в большом, просторном доме, каких Стёпка прежде не видал. Его лавка с тканями стояла на рыночной площади и приносила хороший постоянный доход. Дядька Василий держал в доме кухарку, дворового парня Егора и рыжего помощника в лавке Тимоху. Приживалка тётка Агафья присматривала за малой дочкой Василия.

Дома хозяин, немедленно собрав всех, строго наказал не обижать мальчишку, что будет с ними жить. Стёпка, скрывая страх, смотрел на домочадцев торговца. Белобрысая девчонка Василиса косилась голубым глазом, теребила косу тонкими пальчиками. Затем смешливо фыркнула и, показав чужаку язык, убежала.

Переданный на руки Агафье, приёмыш получил порцию стенаний по поводу своего неприличного вида, был отмыт, переодет и подстрижен. Рассматривая себя в отражении медного таза, Стёпка не узнавал собственного лица. Только серьёзные глаза, смотрящие из-под аккуратной русой чёлки, были его, прежние.

Тут же его отправили на кухню, где накормили густыми щами и рыбным пирогом. Сытый, пронизанный довольством и истомой, он не верил, что происходящее с ним не сон. Девчонка Василиса пряталась по углам, а когда Стёпка ловил взгляд круглых глаз, стыдливо закрывалась рукавом и убегала.

После всех невзгод Стёпка почувствовал себя счастливым. Он не знал, что будет с ним завтра, но сейчас, в минуту сытости и покоя, хотел, чтобы так было всегда. Дорога стала далёкой неправдой. Слово не с ним происходило страшное и болезненное, а с другим

мальчиком, возможно, с его медным отражением.

Совсем к ночи дядька Василий посадил Стёпку за стол и заставил читать, а затем складывать цифири. Старательно мальчонка шевелил губами, вспоминая уроки Луки Богомаза.

— Гляди-ка, не обманул. — Торговец был доволен. — В деле так же шустр, как и в словах.

Василиса проскользнула в комнату, забралась на лавку, болтала ногам, таращась на мальчишку. Бородатый хозяин заулыбался, усадил дочку на колени.

— Смотри, Василинка, какого молодца я нашёл! Если будет в лавке хорошо работать, далеко пойдёт.

Голубоглазая Василинка, отворачивалась, дичилась и прятала лицо на отцовской груди. Стёпка улыбался. Смешная была девчонка эта Василиса.

Алексей ожидал, что его будет качать, закружит до тошноты, из-за чего и шагу не ступит. Подозревал хозяина в обмане. Иначе, как объяснить странное состояние, навалившееся неожиданно, почти подкосившее на мгновение? Опоил или отравил? Или это только нехорошее предчувствие надвигающейся беды?

Накатившая волна паники внезапно отступила. По лестнице он спустился твёрдой походкой, с ясной головой. Почему Борисыч прогнал гостя? Буквально выставил за дверь. Разве что не послал по матери после того, как сам позвал в дом. И ничего не рассказал толком. Сомнений, что бывший милиционер знает многое, не было.

Продышавшись, Алексей понял, что морок на время лишивший сил прошёл. Скорее, игра воображения или следствие нервного напряжения, а не злой умысел Борисыча. Один разговор с Воробышевым прилично потрепал.

Машинально переставляя ноги, он оказался в конце улицы и присел на скамью. Алексей был придавлен запутанными событиями и беспорядком в мыслях. Перелистал блокнот, перечитывая записи, которые сделал в библиотеке.

Возможно, Смуровы считают икону личной собственностью, если она была частью коллекции их предка. Заниматься поисками Сакрального дара Алексей, конечно же, не собирался, но взглянуть на образ, внезапно понадобившийся всем, был не прочь.

С дверью в библиотеку сделалось понятнее, если Борисыч не обманул. Замысловатая надпись для входной двери, нечего сказать. Вечером нужно поговорить с бабой Варей и поразмыслить над символами. Бывший милиционер утверждал, что Алексей сам способен разгадать шифровку и, может быть, пойти дальше...

Куда дальше?

Подмёрзнув на осеннем изменчивом ветру, молодой историк решил пройтись по городу. Алексей всегда поступал подобным образом. Неторопливо осматривая дома, он с недовольством признал, что ничего особенного или уникального это место предложить не могло. Провинциальный город мало отличался от миллиона других подобных мест.

Редкие прохожие были так же медлительны, как и само течение времени среди дряхлеющих стен. Серыми тенями они скользили по разбитой мостовой, теряясь на фоне распадающегося пространства. Пожалуй, библиотека оставалась единственным интересным и действительно необычным явлением.

Озираясь, на одной из улочек Алексей взглядом выцепил знакомый образ. Сашка, недавний попутчик, стоял возле узкого прохода в проулок вместе с незнакомым молодым мужчиной. Невольно Алексею захотелось развернуться и выбрать другую дорогу. От прежнего знакомства осталось чувство недосказанности и сомнений. Так и не разгадал он улыбчивого и вроде бы открытого парня.

Сашка говорил, активно размахивая руками, а собеседник будто и не слушал, стоял, склонив светло-русую голову. Друг или коллега, для которого и было забронировано второе место в номере, — так решил Алексей. Чуть отогнув рукав, парень рассматривал вещь, закреплённую на кисти. Со стороны казалось, что он пытается узнать время, а часы не вовремя сломались.

Любопытство взяло верх, и Алексей, отступив ближе к углу другого дома, продолжил наблюдение. Вероятно, дело не ладилось, потому что приятель Сашки резко и досадливо

дёрнул рукав выше.

— Не часы, — пробормотал Алексей.

Расстояние не позволило точно определить, что это за вещь. Широкий, тёмный браслет заинтересовал и Сашку. Наклонившись, он возился с ним несколько мгновений, добившись короткого писклявого звука. Его товарищ немедленно огляделся и плавным движением скрылся в проулке. Второй последовал туда же.

— Как же это всё... — договаривать Алексей не стал, но его копилка странностей трещала по швам. — Булгаковщина какая-то!

Исследование города завершилось внезапным, но довольно приятным образом. Он собирался поворачивать в сторону дома бабы Вари. Мысленно поругивал разбитую дорогу, желая сделать завершающий круг по городку.

Алексей знал, что продолжает бродить лишь по малой его части, самой старой. По другую сторону от железной дороги располагался район с относительно новыми многоэтажками, но и не видя их, Алексей догадывался о настроении распада и там. Дряхлость словно пронизывала сам воздух.

Алексей не мог избавиться от непонятной тоски, заронённой Борисычем. Тот будто нёс её в себе, заразив и случайного знакомого. Пыльные витрины магазинов, такие же непривлекательные вывески усугубляли настроение. Одна из них гласила «Кафе-бар „Часики“». Выполненная в стиле начала века, вывеска, как никогда лучше, напоминала о возрасте городка.

Подивившись странному названию, Алексей увидел Ксану, которая топталась у распахнутой настежь двери. Сосредоточенно роясь в сумочке, она не сразу заметила старого друга, а когда подняла глаза, вздрогнула с усталой тревогой.

— Наши случайные встречи становятся закономерностью, — губы её силились сложиться в улыбку, но выходило плохо.

— Не так уж их было много, — Алексей же искренне был рад видеть Оксану, мигом позабыл о дурном.

Он не стал упоминать библиотеку. Незачем было Оксане знать, что Алексей видел их с заказчиком. Недолгие годы разлуки отдалили сильнее, чем он думал, но сейчас всколыхнулось, потянув к бывшей возлюбленной.

Он и не помнил подробностей отношений. Так, осколки и отдельные моменты. И трудно сказать, правдива ли память, подкидывающая образы из прошлого, но приятно загорелось в сердце волнением. Снова отметив, как Ксана похорошела, он с улыбкой кивнул на вход в кафе-бар.

— Приглашаю. Ты же туда собиралась?

— Я забыла кошелёк в номере...

— Думаешь, я не способен напоить девушку чашечкой кофе?

— Честно сказать, я бы перекусила что-нибудь лёгкое, — она смутилась. — С утра носимся по городу. Меня отпустили на полчаса.

— Что же твой работодатель не кормит ценного сотрудника? — Алексей не мог прекратить улыбаться, глядя на спутницу.

Искусственное освещение в кафе-баре удивительным образом выбивалось из общего стиля заведения. Вначале, Алексею показалось, что они попали в трактир начала века. Деревянный пол, неплохо натёртый, но в несмываемых пятнах от пролитого алкоголя, скрипел под ногами. Длинная стойка, отполированная сотнями локтей и рук, блистала.

Рассыхающиеся круглые столики на витых снопах ножек и подобные им стулья по двое—трое стояли ближе к окнам.

Высокие напольные часы с тяжёлыми гириями за витражным стеклом и резным корпусом стояли у дальней стены. Судя по замершим стрелкам, они давно не шли. Алексей не верил глазам, что где-то могло сохраниться подобное, продолжая полностью исполнять предназначение.

Людей было немного. Двое одиночек расположились за стойкой. Один столик занимала занятная троица: солидный мужчина в добротном костюме, похожий на чиновника, милиционер явно высокого ранга и печальный пожилой товарищ с трагичным выражением лица. Все трое одновременно повернулись в сторону Оксаны и Алексея.

Усаживая подругу за столик, он не мог не заметить, как горожане принялись тихо переговариваться, недовольно переглядываясь и пожимая плечами. Никто из них и не мог знать молодого историка, присутствие чужака, похоже, не сильно нравилось. Официантов здесь не было, поэтому Алексей сам принёс две чашки кофе, сомнительного вида пышки и скромный салат для Ксаны. Глядя на еду, он испытал ностальгию по пирожкам бабы Вари.

— Сильно донимает? — Алексей прервал молчание, заставив себя оторваться от созерцания миловидного личика подруги.

Настойчивые образы прошлых совместных радостей всё больше захватывали его. Недолго вернуться к прежним чувствам. Он не понимал, желает ли снова окунуться в ту болезненную, но искрящуюся жизнь не просто «рядом», но и «вместе».

Нужно ли это ему? И что думает Оксана?

Она почему-то старалась не смотреть в глаза. Сидела, опустив голову, ковыряла вилкой вялые листики зелени и ничего не говорила. Кофе остывал. Словно и неважно было, что кто-то находится рядом. Вопрос Алексея подтолкнул оторваться от тарелки.

— Кто?! — глаза Ксаны испуганно расширились.

— Работодатель? Фирмач этот? — кофе невероятно горчил, и Алексей отставил чашку.

— А-а, обычное дело, — она, наконец, взялась за кофе, поморщилась.

— И что? Впрочем, — спохватился он, — Ничего не говори. Не хочу выпытывать коммерческие тайны. Меня достопримечательности больше интересуют. История места.

— Всегда историк, — она повела плечами, напомнив о старых спорах, задумалась. — Неподалёку от городка есть развалины Троицкой церкви. В твоём вкусе.

— Я читал о монастыре и церкви N-ского уезда. Оно?

— Моя версия, что именно о Троицкой речь.

— Фирму твою она интересуется?

И что его постоянно выносило в разговоре на дурацкую фирму! Алексей пожалел о сказанном, увидев, как плечи подруги опустились, улыбка погасла.

— Что мы всё о работе?! — Она встрепенулась. — Лучше о себе расскажи. Что на кафедре? Как дед?

— Куда денется эта кафедра, — рассмеялся он. — Вот, приехал за материалами, но пока очень всё смутно.

— А дед? — напомнила Ксана. — Он у тебя такой...настоящий, — она всё-таки подняла взгляд, улыбнулась краешками губ.

Но Алексея это не обмануло. Глаза Оксаны по-прежнему оставались серьёзными. Что-то тяготило её.

— Нормально дед, — он кивнул, следом за чашкой кофе отставил и тарелку

с пышками. — Лучше не пробуй. Они отвратительны и сделаны в прошлом веке. Дед... Немного сердце стало барахлить. Оно и понятно, возраст и расстройство, — лавируя между темами, продолжил историк. — Лекарства пьёт, но держится, вида не показывает. Ты его знаешь!

— Да, он у тебя сильный, — охотно согласилась Оксана, посмотрела в окно, где за пыльными разводами и города не увидишь. — Что-нибудь произошло? Ты сказал, что дед расстроился.

Тонкая рука, протянутая через столик, мягко легла на руку Алексея. Тёплая, нежная, она напомнила о прошлом ярче и настойчивей, чем всё прочее. Он внутренне вздрогнул, но оставил как есть. Их взгляды встретились. Медленно текли секунды.

— Квартиру деда несколько раз пытались ограбить, — пробормотал Алексей. — С первого взгляда ничего не взяли, но все вещи перерыли. Наверное, поэтому...

Сильный, внезапный бой часов ударил по ушам, почти выбил на мгновение дух из лёгких. Все, кто был в кафе, застыли на местах, уставились на высокий резной корпус, где безвольно замерли стрелки. Воздух будто сгустился до осязаемости, колебался вместе с образами старой забегаловки. И непонятно, с чего вдруг мёртвые часы позволили себе такой странный, предсмертный хрип умирающего времени.

Вокруг снова задвигалось, зажило настоящее. С хрустом лопнул стакан в руках работника. Бармен за стойкой осторожно собрал осколки и стоял нахохлившись, вжав голову в плечи, не сводя испуганных глаз с компании посетителей. Он как будто ожидал от них чего-то.

Человек в форме выдохнул и поднялся из-за соседнего столика, подошёл к часам, хмуро разглядывая циферблат, но руками не касался. Алексею даже показалось, что милицейскому чину очень хочется потрогать, открыть дверку в средней части, потянуть за цепочки подвесов, но он сдержался. Вместо решительных действий мужчина потирал широкой ладонью крутую шею. А ещё... здесь историк не ручался за правдивость того, что видел, но чудилось — стрелки часов сменили положение.

— Ты недоговорил, — досадливо промокнув салфеткой стол, сказала Оксана.

Когда ударили часы, она опрокинула чашку с остатками кофе. У неё и сейчас дрожали пальцы. Алексей поймал изящную руку, осторожно сжал удерживая.

— Испугалась?

— Вовсе нет! — Высвободившись, Ксана отбросила испорченные салфетки. — Мне пора. Спасибо. Я верну долг при случае. Где ты остановился?

— У родственницы... Подожди! Какой долг? Глупости!

Получилось, что говорил Алексей уже в спину убегающей подруге. Исчезла она так же быстро, как и в прошлую встречу. Он записал в блокнот:

«Троицкая церковь/монастырь»

Подумав, добавил:

«Кафе-бар „Часики“»

Перебрал весь перечень. Вопросов оставалось много. С шифровкой на двери библиотеки он разберётся сегодня вечером, сидя за столом в уютной, пахнущей пирогами комнате у бабы Вари.

Под тяжёлыми взглядами местных Алексей вышел на улицу. Но и там он продолжал чувствовать, с каким подозрением смотрит на него эта троица за соседним столиком. Да, и взгляд бармена сверлил спину. Наверняка и в окно наблюдают. Неприятно и мерзко. Или надумал себе сложностей там, где их нет и не было?

— Не слишком гостеприимно, — пробормотал он вслух, чтобы успокоиться.

Разговор с Оксаной оставил осадок из смутной тоски, сомнений и тревоги, ничуть не отличающийся от того, что заронил в Алексее бывший мент Борисыч. Обоим удалось растравить в историке меланхолию, свойственную провинциальному городу, пустынным окраинам и умирающей природе.

Алексей помнил Ксану весёлой, импульсивной девушкой. Каждая её легковесная мысль тут же слетала с языка. От прежней подруги не осталось и тени, как будто что-то постоянно давило на неё. Таинственный бизнес и суровый спутник настолько стеснили Оксану

в действиях, что она позабыла о прежней свободе. Только это приходило в голову молодому историку, вместе с желанием защитить, забрать из рук мучителя. И снова он отогнал назойливые мысли, сочтя их преувеличением.

— Пара дней в дрянном городке, и вот, ты уже рефлекслирующий невротик с воспалённым воображением.

Продолжая беседовать с самим собой, Алексей решил больше не искушать судьбу, а вернуться в квартиру бабы Вари. Особо не глядя по сторонам, он быстро добрался до зелёной двери и открыл своим ключом, выданным хозяйкой в личное пользование.

Чемодан так и стоял в уголке под вешалкой. Родственница и не заглянула в него, чему Алексей весьма удивился. Неужели не любопытно, что там прислал дед? Зря, что ли, столько сил потратил, пока вёз? Его самого иногда настигал жгучий интерес, но вещь была чужая, и на поводу у эмоций он не шёл.

В недрах квартиры гремело посудой, соблазняло ароматами.

— Как раз вовремя!

Баба Варя улыбнулась, вошедшему на маленькую кухню, Алексею. Показалось, с облегчением и радостью. С крышкой от кастрюли в одной руке, поварёшкой в другой она являла собой символ уюта и домашнего очага. Всё тягостные мысли на время унесло прочь.

— Борщ готов. Садись, Алёшенька, за стол. Весь день пропадал.

— Я в кафе перекусил, — ему сделалось неудобно, он привык сам заботиться о себе. — Вы меня балуете.

— В «Часиках» что ли? Отрава одна! Не ходи в кафе. И никаких «вы»! Баба Варя и всё, — она ловко расставляла тарелки, раскладывала свежий хлеб.

И Алексей сдался, но для приличия продолжал делать вид, что сопротивляется.

— Незаслуженно хорошо вы обо мне заботитесь. Напишите потом список продуктов, я закуплю.

— Я на тебе проверяю, не исчезли ли со временем мои кулинарные способности, — Варвара ласково потрепала Алексея по волосам и занесла руку с черпаком над фаянсовой тарелкой. — Руки вымыл?

— Воспитательные способности тоже проверяете? — ёрничал он, лукаво прищурив один глаз.

— Я могу и боевые навыки обновить, если придётся. Ну-ка, марш в ванную! — Баба Варя нахмурила брови, пытаясь придать лицу грозное выражение, но долго не выдержала и звонко рассмеялась. — По дороге как разхватишь в прихожей конверт. Тебе просил передать молодой человек.

Сердце Алексея нервно и тревожно бухнулось о рёбра. Кому могло прийти в голову писать письма или записки чужаку, не так давно сошедшему с поезда.

— Мне?

— Да, сказал, что это важно.

— Не местный? Представился?

— Нет. Наших я всех знаю. Приходил, где-то час назад. Весёлый такой парнишка. Выспрашивал, где ты. Я про библиотеку сказала, но он решил письмо сразу отдать. Оставил конверт и умчался. Шустрый, точно ветер.

— Весёлый и шустрый, — Алексей присел за стол, понимая, что образ начинает вырисовываться. — Невысокий, подтянутый...

— Глаза красивые, — соглашаясь, мечтательно добавила баба Варя.

— Карие?

— Так это твой знакомый?

— Попутчик, — упавшим голосом пробубнил Алексей, теряя радостный настрой.

Он покрутил белый прямоугольник в руках, отложил, возвращаясь взглядом. Хотелось немедленно вскрыть письмо, но непонятная неуверенность останавливала.

Зачем Сашке было писать ему? Два посторонних человека. Случайные знакомые.

Рассеянно ковыряясь в тарелке, он размышлял, перескочив на очередную мысль, цепко ухватился за неё.

— Интересная у вас библиотека. Видно, что здание старое. Найти бы кто проектировал и когда.

— Да, что там интересного, — сложив сухие руки на коленях, старушка присела отдохнуть. — Я маленькая была: здание стояло. При бабушке моей стояло. Говорят, и при её бабушке на месте было. Перестраивали его, ремонтировали, добавляли что-то. Вот такое и вышло, а концов не найдёшь.

— Я бы поискал, — Алексей коснулся конверта на столе, чувствуя, как любопытство буквально жжёт пальцы.

— Не надо, Алёшенька, — рассеянно сказала Варвара. — Как бы ни вышло чего.

— Конкретизируйте, баба Варя, — хмурясь, он внимательно изучал румяное, морщинистое лицо родственницы.

Именно благодаря маленьким складочкам на стареющей коже ей удавалось скрывать эмоции от собеседника.

— Отец Мишкин, деда твоего, стало быть, отец, до чего непоседливый был человек. Везде нос сунет. Историей интересовался. Троицкий монастырь вдоль и поперёк изучил. С монахами больше общался, чем с роднёй.

— Где такой? — мысленно историк возликовал, спрашивать не придётся, сама баба Варя расскажет.

— За городом. Теперь одни развалины там. Не поделили они что-то с Казимиром... — Она замолчала, подумала, словно сама испугалась неизвестно чего. — Там же, в монастыре, схлестнулись первый раз. Из Смуровых он.

Алексей вытянул шею впитывая каждое слово. Мысленно отметил знакомое имя.

— И?

— Убили прадеда, — она с силой сжала губы. — Жена увезла детей в большой город, чтобы только подальше от местных. С той поры мы с Мишей и не виделись.

— Погоди, я видел Казимира возле библиотеки, ему тогда не больше лет было, чем деду Мише, мальчишка. И откуда столько подробностей?

— Смуровы все Казимиры, — вздохнув, старушка подскочила, засуетилась, переставляя кастрюльки. — Один Казимир, другой Казимир. Бог их там разберёт. Насчёт подробностей... Городок маленький. Ничего не скроешь.

— Казимиры или Викторы, — улыбнулся он странному заявлению родственницы.

— Шалопай, — веско заметила баба Варя. — Всё дела тайные. Мать его жалко. Тихая, хорошая женщина. У нас в библиотеке работает. Но ты лучше не лезь к ним.

— Из-за прадеда?

— Лукашovy и Смуровы всегда друг другу поперёк встают.

Она так посмотрела на Алексея, что историк тут же сменил тему.

— Чемодан так и не открыла, баба Варя, — он кивнул в сторону прихожей.

— Ключ не нашла. Более полувека не нужен был. Может и потерялся совсем.

— Вдруг там важное?! — Алексей пытался разжечь любопытство в Варваре, но та не поддавалась.

— Семейное старьё, — она лишь махнула рукой. — Позже разберёмся.

— Как же без ключа?

— Сломаешь замок, да и ладно, — похоже, что старушке совсем было не жаль фамильного чемодана.

Такой вариант Алексея устраивал. Возможно, он бы сразу занялся тайной посылки от деда, но записка от Сашки мозолила глаза. Увиливать от чтения письма поводов больше не нашлось.

Цапнув белый прямоугольник со стола, он увидел, что конверт не заклеен и лишь создаёт иллюзию секретного послания. Сердце сжало от смутной тревоги. Спроси сейчас кто-нибудь Алексея, что не так, не ответил бы. Он привык доверять интуиции и настроился на самые неприятные новости.

В глаза бросились ровные строчки с аккуратно выписанными буквами. Так не похоже на импульсивного и быстрого Сашку. У того бы буквы «плясали», стремясь улететь с белого листа.

Случайный попутчик писал:

«Послезавтра. В шесть возле гостиницы. Будет интересно».

Даже в этих коротких фразах читалась добрая насмешка, так свойственная необычному знакомому.

Теперь Алексей стоял перед выбором. Когда-то сомнительный и двусмысленный разговор в гостинице, подслушанный совершенно случайно. Теперь заманчивое, но непонятное предложение новой встречи, цель которой была скрыта от историка.

Страшно ли ему было? Наверное, да.

Алексей с трудом переносил неопределённость неизвестности и сомнений. Куда проще было решительно бросаться в события. Возможно, опасные, но просчитанные и явные.

Коротко и загадочно звучали слова в письме. Конечно же, Алексей и понятия не имел, с чем связано внезапное приглашение. Прощаясь с Сашкой, они ни о чём не договаривались, разошлись, как два автомобиля на узкой дороге. Он вспомнил странное поведение знакомого и его приятеля в городе. На коммерсантов они были похожи меньше всего. В любом случае подумать время есть.

Вложив записку в блокнот, Алексей занялся расшифровкой надписи на дверях библиотеки. Он надеялся, что зарисовал линии и крючки тщательно и верно.

Борисыч уверенно говорил, что историк сам способен восстановить текст. Решив проверить правдивость слов бывшего милиционера, он невзначай бросил в пространство вопрос:

— Баба Варя, а вы знаете, что на дверях библиотеки написано?

— Объявление какое? — энергично протирая плиту, отозвалась старушка. — У меня завтра утром смена. Тогда и увижу.

Бесхитростный ответ на время смутил Алексея, сбив с мысли. Но никому из горожан он не верил. Даже такой милой женщине, как Варвара, которая старательно обходила острые темы, гасила в себе лишнее любопытство, никуда не вмешивалась. Алексей начинал понимать, почему родственница так поступает. Она так хотела спокойной и безопасной жизни, помня о трагедии, уже случившейся в семье.

— Надпись на двери, — конкретизировал он, удерживая внимание на сторбленной спине, обтянутой цветастой кофточкой.

Баба Варя вздрогнула, развернулась к гостю.

— Алёша, я же просила...

— Не влезать? Не совать нос в чужое дело, как это делал прадед? — Его слова звучали немного жёстко.

— Ты хоть и Лукашов, но чужой для городка, — тихо, боязливо ответила Варвара. — Он сожрёт тебя. Уезжать тебе надо.

— Почему? — Алексей пытался поймать бегающий взгляд родственницы, что сидела, съёжившись, на табурете. — Какая опасность? Кто угрожает?

— Не просто у нас город, Алёша. Всегда таким был. Не стоит об этом говорить. Нас

не касается — живём да радуемся.

— Вы с Борисычем в одном стиле, — язвительно хмыкнул историк. — Обо всём и ни о чём. Уходи. Уезжай. Ни слова в простоте.

— Ты с Борисычем говорил? — Блёклые, старческие глаза округлились.

— Чай пили.

— Ох...

Больше она ничего не пожелала сказать. Лицо стало строгим и смиренным, будто Варвара согласилась с неизбежным. На Алексея она смотрела, как на покойника, по недоразумению всё ещё не погребённому.

Упрямое нежелание подчиняться неизвестности загорелось в нём.

«Нет уж! Вначале я узнаю, что здесь происходит!» — зло подумал Алексей.

Да, и судьба прадеда вызывала интерес. За что он погиб? Какие секреты раскрыл? Почему Лукашovy и Смуровы поссорились? Какое отношение к этому имел монастырь, Сакральный дар и дверь в библиотеку?

Это было лучшим толчком к решительным действиям, и он занёс карандаш над закорючками в блокноте. Замысловатые линии на первый взгляд ни на что не походили: точно не относились к германской или романской группе языков; вряд ли что-то похожее встречалось среди тюркской группы или совсем уж экзотики из древних письменностей Азии.

Не будучи специалистом, Алексей обладал хорошей зрительной памятью — линии ни о чём ему не напоминали, если только не являлись графической стилизацией под письменность.

Вглядываясь до тумана перед глазами в закорючки, он то и дело уплывал мыслями к другим вопросам. А потом и вовсе задумался о записке от малознакомого ему Сашки. Предложение встретиться возле гостиницы выглядело логичным. Именно там попугайчик снимал номер.

Как наяву Алексей увидел образ мерцающей щербатыми остатками букв вывески, посмеялся французскому стилю фрагментов надписи. Неоновые линии в его воображении загорались и гасли, искрились яркими цветами, превращая вполне понятное слово в набор бессмысленных начертаний.

Его взорвало изнутри осознанием. Будь Алексей персонажем мультфильма, над головой вспыхнула бы яркая лампочка.

— Опа! — воскликнул историк себе под нос, переворачивая лист блокнота, чтобы переписать каждую черту снова.

Когда с делом было покончено, он медленно дорисовал дополнительные линии разной длины, загогулины и хвостики. Неужели настолько просто. Достаточно не до конца прописать буквы, чтобы получить хаос из нагромождения черт. Непонятные строчки выстроились в знакомые и понятные слова.

«Жизнь преходяща, вечно только время. Сейчас — это баланс между тем, что было и тем, что может случиться. Там мы встречаем странника. Он смотрит и видит. Он истина по ту сторону дверей и по эту. Время стоит по обе стороны от добра и зла. Всегда среди нас, приносящий горькие дары незримой власти над временем. Он небо и земля, вода и огонь. Он всё и ничто».

«Не обманул Борисыч. Не точно пересказал в одной фразе, но честно. Нарочно ли он скрыл верное значение? Если разгадаю, то пойду дальше... Горькие дары незримой

власти над временем...» — удовлетворённо подумал Алексей.

Занятная надпись, но промышленник Смуров, вроде бы интересовался мистицизмом. Это объясняло тягу к таинственным вывертам с дверью. Что же для него скрывалось за витиеватыми словами? Чего желал предок Казимира и Витьки Смурова?

Как историк, Алексей точно знал, что обычно движет людьми — жажда власти — сердцевина всего. Будь то власть над людьми или золотом, материальным или эфемерным. Человек не менялся тысячелетиями.

Дверь с подобными письменами могла служить ритуальным входом в общество для избранных. Как масоны не чурались символизма, так и промышленник Смуров придумал для себя набор правил и знаков. Так размышлял Алексей. Логично и не ново.

Потягиваясь, он разложил диван, выделенный для гостя Варварой. Завтра снова наведается в библиотеку. Алексей так и не ознакомился с музеем и подшивкой городской газеты. Было о чём поговорить с Казимиром. Он и не заметил, как основная цель приезда потерялась за секретами провинциального города.

Спал Алексей тяжело, точно чувствуя тёмную громаду, нависшую рядом. Грудь давило и жгло. Мутные образы плыли сквозь пелену, показываясь на короткий срок и исчезая.

— Парень, вставай! — Последним из тумана сна нарисовался Борисыч.

Близко жалобно прошелестело голосом бабы Вари, но смазано, без смысла.

— Разберёмся! — Строгий голос бывшего милиционера превратился в совсем другой, молодой, но не менее жёсткий.

Алексей подскочил, потирая лицо, чтобы прогнать остатки дрёмы. Озираясь, оценил обстановку.

— Давай! Натягивай штаны. Паспорт где? — Тряс за плечо незнакомец в ментовской форме.

В коридоре топтался второй, немного старше, без кителя, но в портупее с расстёгнутой кобурой, рука лежала на поясе, готовясь к действию, если придётся. Почему-то взгляд Алексея сразу зацепился за эту деталь. Варвара, с трясущимся лицом, стояла в сторонке, стиснув хрупкие, старческие руки.

— Что же это, Алёшенька?! — изредка вопрошала она. — Как же случилось?! — потом, обращаясь к молодому. — Вы уж разберитесь там. Слышишь, Генка. Племянник мой внучатый... Он же свой. Лукашов...

Ничего не понимая, Алексей оделся. История приобретала странный и неприятный оборот. Разом его будто столкнули в чёрный омут, где барахтайся ни барахтайся, а не выплывешь.

Человек без формы с любопытством заглядывал в блокнот приезжего. Алексея кольнуло в сердце неприятной мерзостью.

— Вы не представились, — процедил он сквозь зубы.

— Участковый Геннадий Резкий, — озабоченно просматривая комнату, сообщил молодой.

— Оперуполномоченный Семёнов, — второй присел, заглядывая под стол, провёл снизу столешницы рукой, исследовал горшки с цветами на подоконнике, раскрыл сумку, притулившуюся рядом со стулом.

— Вы не пригласили понятых, — втянув воздух, Алексей выплюнул слова, будто отодвинул эту руку, ворошившую его вещи.

Необходимость напоминать законникам общеизвестные правила вызвала раздражение.

— А мы тебя не задерживаем. — Опер хмуро отступил.

— Ага, приглашаем на беседу. — Улыбка у Генки была мальчишеская, озорная.

Казалось, его забавляла ситуация или он считал происходящее интересной игрой.

— Значит, я могу отказаться? — Алексей лихорадочно перебирал в голове возможные причины подобного «приглашения».

Никто так и не объяснил, что случилось.

— Не думаю. — Прихватив блокнот историка, оперативник направился в коридор.

Участковый забрал паспорт Алексея и дождался, когда тот пройдёт к выходу.

— Куда вы его? — Варвара засеменила следом.

— Ко мне вначале, — ответил Генка. — Дальше посмотрим. Вчера, после шести и ночью, родственник, где был?

Она шумно охнула, взмахнула руками, точно лишь теперь сообразив, что они не шутят.

— Он же ничего не сделал... Здесь был. Дома.

— Разберёмся, — поморщившись, привычно повторил Генка.

— Я сейчас, — Варвара засуетилась. — Я быстро. Поговорю с... с кем надо.

— Занимайся своим делом, баба Варя. — Участковый остановил её, удержал за плечи. — Поняла?

Так она и села на стул, глядя вслед мужчинам. На улице, ближе к площади, их ждала машина с надписью «МИЛИЦИЯ». Алексея довольно мягко подтолкнули, веля залезать внутрь. Прежде чем оказаться в полутёмном салоне, он ухватил взглядом аккуратную, прилизанную со всех сторон, фигуру Казимира. Кот на руках горожанина лениво щурился, отворачивал морду, показывая крайнее презрение ко всему миру. Бывший журналист покачал седой головой и не спеша продолжил путь в библиотеку.

Стёпка решил, что нашёл пристанище в странствиях. Жизнь стала казаться светлой, как небо весной. Тёплый, уютный покой наполнил пространство души, где когда-то был стальной стержень. Не терзало, не звало в дорогу.

Покой окутал сердце, сделал его мягким и тягучим точно патока. Стёпка радостно впитывал эту сладость; славил Господа в своём сердце за каждый день в доме купца, за уроки в лавке, за ясные глаза Василинки.

Он не знал, что может быть таким счастливым. Весело и светло было Стёпке. Он редко вспоминал о страннике. Прошое сделалось далёким и чужим. Горящее в сердце слово перестало тревожить, подёрнулось пеплом. Жил он настоящим делом, каждую минуту отдавая долг дядьке Василию за доброту и приют.

Но иногда по ночам после дня, полного забот в лавке, Стёпка просыпался и тянущая, мучительная жажда неведомого накатывала на него. Хотелось бежать, бежать как можно дальше из города, вырваться из острожных стен, невидимых, но давящих.

Он не мог понять причины этой муки, что рвала душу. Дойдя в безумии до края, Степан впадал в бессвязный, тусклый сон без сновидений. Утром от ужасов ночи не оставалось и следа. Степан снова становился счастливым.

День был наполнен мелочами: помочь в лавке, проследить за прибытием нового товара, оценить ткани, поговорить с покупателями; церковные службы по воскресеньям, а потом отдых и прогулки с дядькой Василием; смех Василинки, цветы в косах.

Новыми желаниями и страхами охватило душу. Хмурый взгляд дочки купца стал страшнее тёмной ночи, и не представлялся день без неё.

— Какой же ты хороший, Стёпушка! — Искрились ясные глаза расцветающей Василисы.

— Ты счастье моё, Василинушка, — отвечал он.

Руки сами находили друг друга. Нежно сжимая ладони, Степан смущался и радовался. Самой лучшей стала для него Василинка, самой желанной. В хороводе ли среди первых красавиц поселения, в церкви ли перед лицом Господа — он видел только Василинку.

Так шли годы. Исполнилось Стёпке восемнадцать лет. Мало кто величал высокого русоволосого парня Стёпкой, всё чаще Степаном. В городе уважали купца, а его молодого помощника с приязнью принимали в других домах, видя в нём преемника торгового дела. У Василия не было сыновей или иных родичей мужчин, кому можно отдать богатое наследство.

Степан слыл сметливым и удачливым в делах. Многие почести получал от других людей. Его удивляли льстивые слова, а затем сделали сердце безразличным к тому, что говорили люди. Он исполнял свой долг, не думая о похвале.

Когда-то бродивший в горести, Степан теперь был счастлив. Одиноким обрёл семью. Степан не заметил, как земная любовь закрыла душу для мира, оставив прореху только для одного живого существа. Милая сердцу Василинка стала его невестой. В намеченные сроки они собирались сыграть свадьбу.

Сидя вечерами вместе с детьми, купец Василий улыбался в густую бороду, глядел на молодых. Очень уж нравился ему приёмный сын: в деле скор, умом сметлив и нравом хорош. Не найти лучшего мужа для любимой дочери. А Василинка только и говорила, что

о свадьбе, румянилась от смущения и удовольствия.

Степан же сидел серьёзный и будто печалился. Не первый раз купец видел его таким.

— Чего голову повесил? — Василий показал себя суровым хозяином. — Аль не любя тебе моя красавица?

Огнём прожгло Степана.

— Дороже всего мне Василинка, батюшка. Кажется мне, всё отдал я ради этого счастья, — странно ответил он.

Потом Степан долго без сна лежал в темноте. Не угасал огонь в груди. Непонятная жажда сделалась острой и жестокой. Пробивался через мягкое и расслабленное хорошей жизнью стальной стержень, забирая покой. Вспомнил Степан глаза странника и голос, который требовал отдать миру живое слово.

Несколько ночей и дней боролся юноша с желанием следовать голосу, а затем, забросив лавку, написал свиток слов, что взялись неизвестно откуда, но имели смысл.

«Есть пути кривые, что радуют нас и печалют, дают и отнимают. И никогда не ведут они к главному, к исполнению дара. Растрачивают нас в суете дней, обманывают сытостью и теплом. Так не узнаем мы главной правды... Живое слово поворачивает назад то, что не считается неизбежным, да и с ним борется за первенство, поднимает мёртвые души из тлена, помогая исполнить дар...»

Отбросив свиток, Степан схватился за голову. Испугался и сжёг написанное в пламени свечи. Из самых дальних уголков памяти сияющими искрами высвободились слова странника, что заронил непонятные истины в голову маленького мальчика. Пришло время и зерно дало всходы.

— Выбор за тобой... — повторял текучий, освежающий душу, голос.

Словно всю муть вымыло из сознания Степана, оставив главное. Не удалось ему вернуть покой и счастье, когда догорели до чёрного пепла закорючки слов. Он почувствовал, что и душа его прогорела, но немедленно была оживлена для новых страданий.

Измучился Степан. День шёл за днём. Однообразные и тоскливые текли минуты. Сердце его уже не знало границ и летело, куда и само не ведало, рвалось на волю дикой птицей. Дом купца сделался клеткой. И самое страшное — пленом стали руки Василинки. Тяжким грузом тянула она его под землю, где невозможно дышать или двинуться.

Все заметили перемены в молодом торговце. Не читала более дочка Василия себя в глазах жениха, только замечала отрешённость и необычайную ясность взгляда. Не понимала, в какую неведомую даль смотрит Степан.

Целыми днями он бродил по городищу и по полям за воротами. Слова рождались в нём и умирали, не найдя пристанища в этом мире. Он хотел, но не мог писать. Слова как будто стекали по рукам и застревали на кончике пера. Слова бились изнутри о грудь и не находили выхода. Страдал Степан: познав воодушевление и восторг нового слова в свитке, он не мог теперь жить без этого.

Однажды застала невеста Степана над свитком, где пока не родилось ни одного слова.

— Что с тобой случилось, Стёпушка? — заглядывая в глаза жениху, спросила Василиса. — Отчего не смотришь на меня? Другую приметил себе в невесты? Какая змея из моих подружек украла твоё сердце?

Погладил он её по мягким волосам, поцелуем, успокаивая, коснулся лба.

— Никому я не жених, кроме тебя, но зовут меня в дорогу.

— Кто?! Зачем в дорогу?! — нахмурила Василинка тонкие брови, губы надула. —

А свадьба?

— Господь зовёт свершить дело, — спокойно ответил Степан, пропуская через себя каждое слово, позволяя вырваться на волю тому, что родилось в сердце. — Простым паломником пройти по миру.

Сказал правду и легче стало. Надеялся, что поймёт его Василинка.

— Глупости всё! — Злые слёзы выступили на глазах невесты, оттолкнула она Степана. — Бросаешь меня?! Не любишь?!

— Люблю, — вздохнул он с болью на сердце. — Но не удержишь меня теперь, если душа горит.

— Не отпущу! Батюшке расскажу, когда с ярмарки вернётся! — Она топнула ножкой и побежала из комнаты. — Он-то тебя мигом вразумит! Оженится и никуда от меня не денешься!

Горечью наполнился дух Степана. Душно и тесно стало в доме. Вышел он на крыльцо, вдыхая полной грудью.

— Ты куда?! — со страхом и недовольством выскочила за ним невеста, обхватила руками. — Не пущу!

— В церковь пойду, — осторожно он высвободился из тяжёлых оков.

Не сразу Степан добрался до церкви. Безумцем мерил окрестности городища. Несколько раз прошёл мимо храма. Только ноги так и вели его к господе. Ясно-чистые лики искали его души.

Истово помолившись, упал оземь и ощутил, как крепнет внутри стальной стержень, забытый в мирских делах, подменённый глазами Василинки и радостями в доме купца. Светом крепло слово в сердце, одаривало покоем, какого не знал прежде. Тёплый голос повторил заветные слова: «Веруй и будешь спасён. Твой выбор...»

Вскочив на ноги, Степан бросился за ворота городища. Бежал в сторону леса, словно искал кого-то, высматривая, кружил на месте. И вновь, как в детстве, нашёл странника.

Ехали недолго. Некоторое время за окном мелькала железная дорога, вдоль которой они двигались. Затем миновали переезд и оказались в Новом городе. Серое двухэтажное здание находилось на самой границе между старой частью городка и относительно современными домами. Со стороны станции доносился неразборчивый хрип диспетчера, сообщавший о прибытии и отправлении поездов. С утихающим задором, заученными фразами, кричала торговка цветами.

— Гвоздики, розы для любимой. Гвоздики, тысяча за штучку. Яркий подарок. Гвоздики, розы...

Её высокий, крикливый голос резал уши, впиваясь острыми иглами в висок. К счастью, Алексея сразу же увели внутрь здания. В дороге у него было немного времени, чтобы окончательно проснуться и собраться с мыслями. Никакого плана так и не созрело. Слишком мало исходных фактов.

Он напряжённо думал о неприятном деле. Нежелание действовать строго в рамках законной процедуры могло вывернуть по двум, крайне противоположным, направлениям.

Либо ничего серьёзного у них нет, как и желания раскручивать дело. Либо, придуман хитрый план, в итоге которого Алексея обвиняют по уже полностью готовой фабуле с доказательствами и уликами, где его слово ничего не значит. Показания Варвары, кстати, тоже. Потому ни обыска, ни понятий, ничего. Всё написано и запротоколировано. Церемониться с чужаком никто не собирался. Закроют и забудут.

Минут десять Алексей сидел в маленьком кабинете. Никакой, даже случайной, вины за собой он не нашёл, поэтому почти успокоился, заняв время наблюдением. Иногда паника пыталась завладеть им, но он боролся с чувствами. Нельзя было расслабляться и позволять себе раскиснуть.

Алексей с напускным безразличием смотрел на мужчин в кабинете.

Семёнов рылся в тонкой папке, перебирая небрежно исписанные листы. Блокнот историка валялся рядом на столе. У Алексея похолодела спина, когда он вспомнил о записке от Сашки. Маленькая бумажка с ровными буквами должна лежать между листами блокнота.

А вдруг всё дело именно в этой случайной встрече? Криминальный бизнес попутчика или его действия привели к просеиванию связей и встреч, даже таких мимолётных.

Ночёвка в одном номере...

Чем не повод для допроса?

Записка легко может превратиться в улику.

— Так мне объяснят, в чём дело?

Алексей старался оставаться хладнокровным, придерживал неровный стук сердца, опасаясь потерять самоконтроль и пропустить что-то важное. Возможно, скоро ему придётся быстро анализировать и бороться за собственную судьбу.

— Следак где? — не глядя на него, спросил опер в пространство.

— Приехал, — Генка мотнул головой в сторону улицы, где на парковке появился светлый жигуль, как мог видеть Алексей через плохо вымытое окно. — Начальство пожаловало.

Генка метнулся к столу, наводя видимость порядка, оправил форму. Семёнов хмыкнул

и лениво поднялся с подчёркнуто независимым видом. Почти тут же в кабинет зашли двое.

И одного из них Алексей узнал.

Милицейский чин из кафе-бара «Часики» недовольно буркнул приветствие, провёл широкой ладонью по крутой шее, где у основания топорщилась полоска жёстких волос.

Он сразу же занял место за столом, и следовательно пришлось приставить свободный стул сбоку, расположив бумаги на самом краю. И сам он будто не желал находиться здесь, всем телом стремясь утечь прочь, нервно перебирал пальцами по бумаге, теребил ручку.

Кабинет участкового в маленьком провинциальном городке явно не предназначался для такого количества посетителей. С момента появления человека, которого Алексей видел в кафе-баре, он почувствовал некую определённую, отчего стало спокойнее.

Особая заинтересованность полковника Васильева, как тот представился, была очевидна. Стал бы он присутствовать на допросе! Неприязнь к чужаку читалась во взгляде.

«Чёрт с вами! Послушаем, что скажете», — мысленно согласился Алексей.

Объяснять причины настойчивого «приглашения», никто не спешил. Долго выпытывали, кто он такой, что делает в городе, изучали паспорт и направление от ректора, записывая ответы в протокол. Полковник молчал, просматривая блокнот Алексея, заботливо пододвинутый оперативником Семёновым. Спрашивал следователь, да опер иногда вставлял замечания, показывая строчки записей историка. Генка тихо сидел в уголке и еле сдерживал зеवоту.

Алексей быстро уловил, как осторожно они ходят вокруг важной для себя темы, не задавая прямых вопросов, выпытывая исподволь, полунамёками. А значит, ничего не было на руках у местной милиции, никаких серьёзных фактов.

Чего же они хотят от приезжего?

Удивило Алексея, который внимательно следил за грубыми пальцами полковника, что записку так и не нашли. Васильев крутил блокнот так и этак, изучал каждую страничку, даже встряхнул за корешок, но ничего не произошло. От сердца отлегло. Вероятно, письмо Сашки каким-то образом затерялось во время суматохи или ещё раньше в дома Варвары.

Наконец, кашлянув, полковник кивнул следователю. Тот бросил усталый взгляд на опера.

— Где снимки?

Из тонкой папки, где перед допросом рылся Семёнов, были извлечены фото и веером выложены перед Алексеем. Тут же, припечатав его новым вопросом.

— У Борисыча... гражданина Ионова Павла Борисовича был вчера?

Весь допрос следователь упорно не желал обращаться к Алексею на «вы», как и все остальные участники этого фарса.

— Был. — Историкун пришлось прочистить горло, чтобы ушла предательская хрипота и дрожь.

Не моргая, он смотрел на чёрно-белые снимки. Среди нескольких фото стола с опрокинутыми бутылками спирта Royal, остатками засохшей закуски на тарелках, особым акцентом выделялись страшные кадры.

Нет, ничего кровавого или мерзкого на снимках Алексей не увидел. Только взгляд мёртвых глаз Борисыча оказался таким пронзительным, почти осуждающим, что невольно охватывало морозом позвоночник.

Бывший мент, нелюбимый остальными горожанами, застыл, низко наклонив голову к столешнице, будто сильно устал и прилёг на время, а руки безвольно повисли вдоль тела.

На приоткрытых губах и частично на невероятных, шикарных усах Борисыча застыла пена. Неужели после ухода гостя и случилась эта странная смерть?

— Вместе пили? — резкий голос опера вышиб Алексея из пустоты, куда историк начал проваливаться.

— Чай, — собравшись с мыслями, Алексей предпочёл отвечать коротко. — Я вскоре ушёл. Поздно было.

Вспомнил он и другое. Живым образом перед глазами возник Борисыч, громычал чайником, ругая городской водопровод. Эхом вторил голос:

— Может выпить тебе надо, но звиняй, водки не держу.

Покосившись на снимок стола с пустыми бутылками и закуской, историк выпрямился на стуле.

«Ах, вот как... Понятно»

Сцепив зубы, спросил:

— Что с ним?

— Тебя надо спросить? — усмехнувшись, Семёнов склонился к историку, пробивая наотмашь нахальным взглядом. — Ты же с ним пил.

— Я не пью технический спирт, — Алексеем овладел нездоровый азарт. — Даже не предлагайте.

Захотелось потягаться в противостоянии с опером, а то и самим полковником. Почему бы нет?

Он не виновен в смерти Борисыча. Чего ему опасаться?

А кто-то в городе задумал нехорошую игру, втянув в неё и чужака. Игра имела смысл, которого сразу и не увидишь. Не ради забавы, но для пользы создателя.

Алексей пожалел строгого Борисыча, не захотевшего сказать гостю главного. Он сохранил ценные сведения, но всё равно погубил себя разговором с историком. Обо всём этом нетрудно было догадаться.

Как сейчас увидел Алексей тревожные взгляды Борисыча в окно, обречённость в каждом движении. Их проводили до дома бывшего мента, продолжили следить у подъезда. Опытным взглядом горожанин заметил слежку, догадался, к чему идёт дело.

Выходит так. Потому и прогнал гостя?

— Шутки он шутит! В сказку попал?! — Короткий, но болезненный толчок в плечо, и Алексей зашатался вместе со стулом.

— В историю, — буркнул Алексей.

Опер раздражал и вызывал гадливость. Чувствовалось, что нет в нём внутренней границы, черты, за которую люди предпочитают не переходить. Тот же Генка, намеренно отвернувшийся в момент этого минимального насилия, был другим. Пусть молодой и легковесный, но и в нём ощущался внутренний барьер, дальше которого он не пойдёт.

Нависнув над историком, оперативник с силой сдвинул Алексею плечо, усугубив растекающуюся от удара боль.

Нехорошо сжало горло. Алексей удержался от резкости в сторону опера. Опять же, разум подсказал, что явное сопротивление сделает хуже. Оставалось ждать и действовать по ситуации.

— Не наседай, Семёнов, — рявкнул полковник. — Без приказа...

Это краткое, но существенное дополнение показало Алексею, что ходит он по краю, и судьба его находится полностью в руках милицейского чина.

Васильев смотрел недобро, но и не зло. Так же, как это было в кафе, когда он пытался понять, что за новые лица объявились в городке. Скорее его утомляла необходимость заниматься мелкой мошкой залетевший в дом. Безвредной, но достаточно назойливой. Хотя Алексей и сделать ничего не успел.

«Где же я зацепил их? Чем раззадорил осиное гнездо? И кто та осиная матка, которая отдаёт приказы? Она же точно существует», — мрачно думал историк.

Оперативник отступил к стене, встал, сложив руки на груди, всем видом показывал, что в любой момент снова готов к жёсткому разговору.

— Где вы встретились с Бори... — Васильев поморщился. — С гражданином Ионовым?

— Возле библиотеки, — не стал скрывать Алексей. — Беседы с горожанами часть моего исследования. Я упоминал о городских легендах.

— О чём говорили?

Полковник задавал вопросы, а тихий следователь строчил закорючки на порядком помятых листах. Иногда он досадливо кривился, не поспевая за речью.

— История города, — Алексей пожал плечами.

Как он ещё мог охарактеризовать в двух словах тему разговора.

— Конкретнее.

— Архитектура. Библиотека и фонды из коллекции моего предка. — Историк с любопытством следил за лицом Васильева. — Вы не поможете с допуском?

Опер и Генка, про которого все давно позабыли, фыркнули.

— Вот гусь! — покрутил головой молодой участковый. — И ключи от квартиры...

— Нет, ключи мне, пожалуй, не нужны, — задумчиво произнёс Алексей. — А вот книги из собрания доктора Лукашова... Одним бы глазком.

— Он же над нами издевается! — зарычал Семёнов, но был остановлен взмахом руки полковника.

— О чём был разговор с покойным? — медленно повторил вопрос Васильев, постучал указательным пальцем по блокноту.

— Надпись на двери, но про неё же все знают. Это не гостайна. — Историк сделал вид, что случайно вспомнил о необычном входе в библиотеку и никогда не придавал значения письмам. — Я же сказал. Меня интересует зарождение малых городов России. Городские легенды. В квартире я пробыл минут двадцать. Прошёлся по городу. Вы сами видели меня в кафе-баре. Вечер и ночь провёл в доме бабы Вари.

— Варвара подтвердила, — непрошено ввернул Генка и получил грозный взгляд в ответ.

Мощный вибрирующий звонок ударил всех по нервам. Васильев поднял трубку телефона, стоявшего по правую руку, встал, оправив китель. Разговор вышел недолгим. Полковник больше слушал, потирая шею.

— Ясно. Оформите всё как положено, — напоследок прорычал он в трубку, но в голосе слышалось облегчение или спокойствие человека, у которого дело идёт по плану.

И оперативник Семёнов, и участковый молчали. Полковник так же не спешил что-то говорить. Затянувшаяся пауза повисла тягучей каплей, заставив чаще забиться сердце Алексея.

— Уезжал бы ты, парень, — внезапно бросил Васильев, поднимаясь из-за стола.

— Он сказал, что-то подобное, — Алексей мотнул головой в сторону снимков с мёртвым Борисычем. — И больше ничего.

— Выпускайте, — коротко приказал полковник, направляясь к двери, но затем всё же добавил. — Экспертизу оформили. Отравление суррогатом. Не того пойла хлебнул Борисыч.

— И не сомневался, — широко заулыбался Семёнов, будто только и ждал подобных новостей. — Нашла смертушка старого алкаша.

Всё стремительно закрутилось. Васильев ушёл. Алексею дали подписать протокол, который он вдумчиво и долго читал, нервируя следователя. Ничего лишнего в бумагах не оказалось.

— Блокнот, — историк протянул руку за своей вещью.

Опер опять трепал в руках листы, на что-то надеясь, смерил худошавую фигуру Алексея взглядом, но записи вернул.

— Глупостями не занимайся и дуй на вокзал, дорогой гость города, — тон оставался жёстким. — В другой раз не повезёт.

— Учту пожелание, — сквозь зубы процедил Алексей, понимая бесполезность препирательств.

Как же было хорошо на улице! Он сделал несколько глубоких вдохов. И запах железной дороги, доносимый ветром, не помешал насладиться свободой. Яркие и свежие краски радовали душу.

Алексей огляделся. Когда его привезли, было не до того. Новая часть города совсем не походила на умирающего больного, каким показались старые районы. Не терзали взгляд мрачные краски или грязные закоулки, не давило тягостной скорбью.

Он немного побродил по ближайшим улочкам, исследуя и наблюдая. Люди шли по своим делам, ничуть не обращая внимания на чужака. Дворник мёл мусор и листву, которой пока было не так много. Тихие и уютные дворы встречали гостя приветливо, мягко шелестя остатками летней зелени.

Это был совсем другой город. И контраст поразил Алексея в самое сердце. Казалось, из старого города медленно уходила жизнь, распадалось само время. Здесь же протекало обычное существование провинциального места.

Историк мысленно зафиксировал открытие и повернул назад, вернувшись к неприятностям, уничтожившим его утро. На этот раз пронесло, но предупреждение явно читалось в каждом действии местной милиции.

Куда же он успел влезть? И усач Борисыч? Не был тот алкоголиком, и не зная человека, Алексей сразу мог это подтвердить.

— Сожрёт тебя город.

Так говорила баба Варя, советуя уехать. Она всю жизнь прожила в городке и точно знала, чего опасаться. Для начала нечто неведомое сожрало Борисыча. Не буквально, конечно, но перемоллоло и уничтожило властью неведомой силы.

— Ну, не на Сицилии же мы! — тихо ворча, Алексей пошёл через железку.

Ему предстоял долгий путь назад. Было время осмыслить происшедшее, постепенно погружаясь в серый тлен старой части города. За интерес к тайнам здесь убивали не первый раз. Он помнил о судьбе прадеда. Снова Лукашов сунул нос не в своё дело и тут же получил ощутимый тычок. Одёрнули, указали на его место. Ладно, он сможет разобраться.

Квартира встретила Алексея тишиной. Несколько минут он смотрел на чемодан под вешалкой. Деликатность перевесила любопытство. Если и вскрывать посылку, то вместе с той, кому дед её отправил. Перехватив на скорую руку бутерброд, историк направился в библиотеку.

С родственницей он столкнулся у запасного входа, который давно стал основным для сотрудников и посетителей. Неизвестно, сколько продолжался ремонт, но Алексей догадывался, что главной дверью с письменами давно не пользовались. Скорее она оставалась музейным экспонатом, напоминавшим о былом величии.

— Алёшенька! — Варвара всплеснула руками. — Сбежал?

Она сразу же начала озираться, словно за ними наблюдали, площадь рядом с библиотекой была пуста.

— Отпустили.

Он коротко изложил события. Баба Варя вздыхала да охала, качала седой головой.

— Всё к тому шло, — прошептала старушка, когда узнала про смерть Борисыча. — Многим он поперёк жил. Говорила я ему. Такой же упрямец...

— И что? — недоумевал и возмущался Алексей. — Вот так, взять и убрать? Живого человека?

— Тише-тише. — Она сжалась в испуге. — Молчи! Водкой он отравился. И всё. Любой в старом городе скажет, что запоем пил.

— А в новом городе? Там так же думают?

— А что в новом? Чужие они нам. Никто из наших за железку и не ходит, — отмахнулась от гостя, мол, не о чем говорить.

— Не договариваешь ты, баба Варя.

— Живи тихо, Алёша, не ерепенься. — Варвара устало опустила руки, пригладила одежду. — Так и до моих лет доживёшь. Пошла я домой. Намыла всё, убралась. Отдохнуть надо.

— Проводить? — Алексей участливо коснулся её руки.

— Сама уж. — Она недовольно поджала губы, видно было, что и сердилась, и переживала за родича. — Да, записку твою из блокнота я спрятала, чтобы ироды эти не увидели. Вернёшься, отдам.

Историк долго смотрел старушке вслед изумлённым взглядом. Пугливая и отстранённая баба Варя всё-таки решилась на поступок ради родственника. И как успела незаметно умыкнуть листок?

Размышляя над стремительно несущимися событиями, Алексей вошёл в библиотеку. С последнего посещения ничего не изменилось. Странное, сотканное из множества архитектурных деталей, здание оставалось особенным местом в городке. Оно точно хранило незримые силы, о которых можно было только догадываться. Несмотря на подбирающийся и сюда распад, библиотека всё равно оставалась самым ярким и свежим образом среди рассыпающегося серого района.

Покрутившись в холле, он отыскал в стороне от лестницы дверь с блестящей

металлической табличкой. «МУЗЕЙ» — гласила чернёная надпись. Не раздумывая, Алексей потянул тяжёлую дверь на себя.

Много лет прошло, а Степан словно вернулся в детство. Он — юная душа рядом с незнакомцем, в котором ощущалась сила и мудрость.

— Сядь, — указал странник на взгорок рядом с собой.

Юноша послушно сел и стал слушать.

— Не позднее двух дней ты должен покинуть городище.

Сердце Степана дрогнуло, но ответило пониманием. Он почувствовал, что именно так и следует ему поступить. Но всё же спросил странника, чтобы снять камень с души.

— Могу ли я покинуть дом, приютивший меня? Ответить неблагодарностью на бескорыстную доброту? В силах ли оставить тех, кто так дорог сердцу?

Странник молчал с пониманием и сочувствием. Затем заговорил:

— Даже если идёшь по прямому пути, даётся тебе выбор. Не просто его сделать. Он может быть страшным, несправедливым для простого человека. Сделаешь верный шаг и сохранишь себя, правду сердца и цель. Чуть ступишь в сторону, навсегда закроешь дорогу. Пришло тебе время выбирать.

— Забыть дом? Потерять навсегда Василинку? — Степан опустил голову, осознав, к чему подталкивает его странник.

Он и сам знал.

— Разве слышит Василинка твои слова? — Вместо ответа странник сам задал вопрос. — Понимает ли, чем горит сердце? Сможет ли она пойти рядом по уготованному пути?

И опять согласием откликнулось сердце, а странник кивнул, будто прочтя мысли Степана.

— Ты прожил рядом с человеком, так и не узнав его, но вскоре многое станет яснее дня для тебя, но и тогда придётся сделать выбор. Ты можешь быть счастлив, либо разочаруешься. У тебя будет всё, о чём может мечтать обычный человек: красавица жена, дети, дом с достатком, где ты никогда не будешь одинок. Возможно, дом твой опустеет, болезни заберут родных, беды разорят душу. Но только одного не будет у тебя — слова. Больше никогда не суждено будет тебе познать муку и восторг рождения строк в свитках. Не станешь спасением для ищущих. Не принесёшь в мир, что прорастает в тебе и ждёт своего часа. Я не стану беспокоить того, кто уснул. Всё позабудешь, освободившись от муки творения. Сердце станет спокойным, но пустым.

Странник прикрыл глаза, ожидая решения Степана. Тот же внимал молча его словам и видел, как тяжело они даются. Как будто и самому говорившему пришлось делать нелёгкий выбор, отказаться от части человеческого, забыть о мирском.

Впервые Степан удивился, разглядев странника не детским взором, а с особым вниманием. За годы возмужания маленького Стёпки таинственный друг ничуть не изменился, но и не было в нём определённости возраста. Он казался юным ровесником Степана, а то вдруг умудрённым опытом мужчиной. Только непривычно безбород, что и молодило лицо с тонкими шрамами.

В каких небесных битвах он заполучил отметины, придавшие двойственности лику?

— Что, если соглашусь? — прошептал Степан, унимая внезапную дрожь в теле.

— У тебя есть возможность пойти по иной дороге. Сейчас ещё есть. Выберешь дар

и путь свой — исполнишь предначертанное. Будешь страдать и радоваться, как и прочие люди, но в сердце никогда не угаснет жаркий огонь. Он извечно ведёт к спасению, меняет мир к правде, утешает страждущих.

Странник говорил словно батюшка в храме, но Степан уже давно догадался, что не был необычный человек ни монахом, ни псаломщиком, ни дьяконом. Кем же тогда? Мальчишкой не задумывался об этом. Во взрослом Степане загорелось любопытством.

— Не обо мне думай. — Казалось, странник чуть улыбнулся. — О себе. О выборе. Дары подобных тебе пройдут через сердце. Ты будешь один среди многих, но всегда получишь поддержку от тех, кто умеет слышать и понимать. Сложится, найдётся и спутница, что умеет читать твои дороги. Она сумеет удержать от кривого пути и поможет исправить ошибки. Может, и ты поможешь ей в трудный час. Твой прямой путь лежит в другое место. Первый кого встретишь, теперь же при воротах городища укажет, куда направиться. И помни, что битва с самим собой отражение совсем других сражений. Не только поддержку встретишь. Многие попытаются увести тебя в сторону от главного.

Понял Степан, что не уйти ему от сложного решения. Печалью наполнилось сердце. Мыслями он коснулся всего, что было дорого, отказываясь от Василинки, от тёплого очага и земных радостей.

Так отстранился от мира, что не заметил, куда и как исчез странник. Тяжело сделалось, страшно. Поднялся ветер, гоня травяной сор по холму. Заслезились глаза. И точно другой голос нашептал Степану слова, смутившие душу:

— Зачем тебе слушать чужака? Знаешь ли ты, кто он? — вкрадчиво, но настойчиво говорил тихий голос, ужом заползал в сознание. — Бедный, бедный Степан. Один обман и яд в устах странника. Не желает он тебе счастья, погубить хочет. Ты, верно, считаешь его ангелом небесным?

— Я не знаю, — пробормотал юноша, закрывая уши ладонями, но голос продолжал звучать, будто кто-то стоял за плечом и вкладывал фразы прямо в голову.

Невидимый собеседник рассмеялся мягко и ласково.

— Некоторые силы так любят наивных человек. Улавливают их в сети, притворяясь добром. Иди домой, Степан. Невеста заждалась тебя. Уста её горячи, тело жарко. Неземная сладость ждёт тебя с ней. В достатке и радости жить будешь. Придёт срок, получишь власть над людьми в поселении. Пролетит время и исчезнет. Незачем тратить такую короткую жизнь на неведомое, что принесёт лишь страдания. Неизбежное случится, как ни сплеть пути судьбы. Иди, Степан, позабудь о страннике и его словах.

Зимней стужей дышало в затылок, словно сама смерть прошла за спиной. Не понравилось это Степану.

— Веруй и спасёшься, — сами прошептали губы.

Порыв ветра толкнул вперёд, уронил лицом в траву.

— И ты не с добром ко мне, — с силой сказал юноша поднимаясь. — С пути свести хочешь. Значит, важно пойти до конца.

— Как знаешь, — засмеялись множеством тонов вокруг, рассыпаясь на отдельные звуки. — И твоё рвение послужит нам. Добрый плод обратим во зло.

Тяжесть отступила. Успокоилось на холме, да и Степан успокоился, не сомневаясь более.

Он вернулся в городище и при воротах увидел обоз из трёх телег, что въезжали на торговую площадь.

— Откуда и куда странствуете? — спросил Степан.

— Торговые люди мы, — прогудел в бороду рыжий возница. — Путь наш лежит до Троицкого монастыря.

— А не возьмёте ли меня в путники?

— Приходи завтра к воротам поутру, как петухи в третий раз пропоют.

Хотел Степан тихо пройти в дом, собрать узелок в дорогу. Да, только во двор купца ступил, как заметили его, работники вскочили, кинулись со всех сторон наседа.

— Попался! — закричали они на несколько голосов, не давая двинуться.

На крыльце сам купец показался вместе с дочкой. Охнула Василиса, лицо руками закрыла, будто стыдясь.

Недобрым взглядом посмотрел хозяин, головой покачал, осуждая Степана.

— Не знал, что безродного щенка подбирая, позор в дом привёл. В погреб его.

Не справиться было одному с несколькими мужиками. Пинками затолкали юношу в холодную и сырую яму.

— Что я сделал, чтобы так поступать со мной?! — закричал Степан.

Купец и Василинка смотрели сверху. Невеста размазывала слёзы по красным щекам, носом шмыгала.

— В дом иди! — сердито прикрикнул на неё Василий. — Готовься к свадьбе. Через два дня настоящей женой станешь.

Убежала она. Слышно было, как дверь в дом хлопнула. Ничего не понимал Степан. В голове только одно билось мыслью — завтра обоз едет в Троицкий монастырь. Там ему быть и идти по выбранному пути.

— Как же ты мог?! Как? — сокрушался купец Василий. — Доверял тебе. Сыном мне стал. Где же совесть твоя?

— Не знаю, в чём моя вина, батюшка, — юноша искренне недоумевал.

— В чём?! Дочка всё рассказала! А тебе, волчонок, я боле не отец.

И Степану подумалось, что исполнила Василинка угрозу пожаловаться отцу, чтобы удержать жениха.

— Не могу я остаться. — Он опустил голову. — Сгорю я тут. Не принесу счастья вашему дому. Найдёт ещё Василинка хорошего мужа.

— Делов натворил и бежать? — зарычал Василий. — И денежки мои прихватить?! Нет уж! Кто ж её возьмёт порченную?! Смоешь позор с Василинки женитьбой.

— Какой позор? Какие деньги? — Вскинувшись, Степан уцепился непонимающим, но жадным взглядом за образ купца. — Почему?!

— Смотрю, врать ты мастак, — устало ответил Василий. — А я думал — человек. Злое семя. Не знаю, как терпеть тебя в доме теперь. Ладно, построим вам отдельный двор с избой. Там жить будете.

— Я не понимаю... — больше о монастыре продолжал думать Степан, чем о странной несправедливости и словах купца.

Казалось, что никак не отпустит его ужасный сон, где всё происходит по чужой воле.

— Дочку мою, как бесчестить понимал? Приехал с ярмарки, подарков вам привёз. Смотрю, Василинка в слезах бьётся. Говорит, сбежал ты с деньгами из лавки; совратил, пока хозяина в доме не было, — купец Василий с силой потянул себя за бороду, подавив стон.

Сжал зубы Степан крепко, понял — оговорила его невеста. Точно серпом по груди полоснуло, добравшись до сердца. Разом всю горькую жалость к Василисе и любовь

вышибло. Немедленно простил он неразумную, но освободился от последнего, что связывало с домом купца.

— Господь видит, что нет моей вины, — спокойно ответил он.

— Что ж, по-твоему, дочь моя лжёт?! — Гнев Василия вспыхнул с новой силой. — Не учил я её такому. И выручка за последний месяц пропала.

— Не брал. — Степан с сочувствием смотрел на того, кто так много ему дал, стал родным. — Без вины осуждаешь меня.

— Свадьба через два дня, — плюнул в сторону купец, не веря словам юноши, закрыл на запор вход в погреб.

Ноги Алексея ощутили мягкость темно-зелёного паласа. Невольно засмутившись из-за уличной обуви, историк потоптался на месте, от двери рассматривая стеклянные ящички, где хранились пожелтевшие от старости книги. Все они лежали перед посетителями раскрытые, обнажая частичку своей тайны.

Он заставил себя медленно продвигаться между экспонатами, сдерживая странный и непривычный трепет. Сам дух этой не слишком большой комнаты требовал уважения и преклонения. И Алексей полностью отдался настроению, скользя взглядом по рукописным древностям, потрёпанным дневникам или чернильным наброскам, по выцветшим фотографиям.

Один стенд буквально остановил историка, заставив запнуться. Два портрета в тонких самодельных рамках были представлены старыми фото. Мужчина на первом снимке неуловимо напомнил ему деда Михаила. Походил он и на самого Алексея, если бы тому вздумалось нарядиться в одежду зажиточного горожанина начала двадцатого века. Мелкая надпись, выведенная красивым ажурным почерком, сообщала, что это «Доктор Лукашов». Не ошибся, верно узнал родственника.

Второй портрет Алексей разглядывал чуть ли не дольше изображения собственного предка. Аккуратно уложенные седые волосы, слишком нежное для мужчины лицо со сладкой улыбкой и добротный сюртук самого лучшего кроя — образ Казимира Смурова точно сошёл именно с этой фотографии. Не хватало только кота рядом. Подпись к картинке полностью соответствовала ожидаемому. Тот самый промышленник Смуров во всей красе. В современности к фамилии прибавилась вторая, насколько помнил Алексей. Теперешний Казимир представился гостю города Смуровым-Залеским. Историк повёл плечами, будто холодным ветром толкнуло в спину.

Застеклённый ящичек у стены оказался не менее интересным. Склонившись, Алексей тщательно изучил заверенные дарственные от промышленника Смурова и доктора Лукашова. Две семьи, имевшие в городе статус и влияние, отдавали коллекции книг в общественное пользование.

Известный факт не внёс ничего нового в раздумья Алексея. Рядом с бумагами, раскрытыми лежали две обветшалые книги. Многие страницы давно осыпались, чернила выцвели. Рисунок, напоминающий гравюру, но, вероятно, выполненный от руки, почти стёрся.

Не понимая почему, Алексей огляделся по сторонам, убедился, что по-прежнему один в комнате. Только тогда, он вернулся к изображению двух кое-как намалёванных фигур.

Меньшая, с детскими чертами была обращена лицом к высокой, облачённой в накидку или рясу. Взрослый был безлик. Укрытый за капюшоном, он протягивал руки к маленькой фигурке ребёнка. Такое положение показалось Алексею странным, непонятным. Что пытались изобразить в рисунке? Какой смысл он имеет?

Вторая часть разворота содержала дневниковые записи, в основном бытового характера, или медицинские заметки. Алексей долго плутал среди витиеватого почерка и старого стиля, складывая фразы. Среди прочего он прочёл:

«11 апреля...невозможно допустить, чтобы обе ценности оказались в руках...(густо зачёркнуто, будто писавший испугался слов, рождённых собственным пером)... знаю, что

свитки уже у него... (размытое водой пятно чернил)... призвать и получить дар времени, значит, город полностью подчинится... если бы найти, где он скрывает письма... Я долго не верил, что такое возможно, но он это делает, обещая и другим вечность. Считает, что призванный, тот, кто раздаёт дары, сделает его сильнее. Эта дьявольщина пугает всякого истинно верующего. Часто меня посещала мысль сжечь, уничтожить наследие предка. Лука Богомаз оставил потомкам тяжёлую ношу. Опасную... Я не желал бы знать, но исследовательский интерес...»

Строчка резко обрывалась внизу страницы, словно нечто отвлекло доктора Лукашова от дневника. Насколько Алексей понимал, прикинув по датам, что от руки неизвестного убийцы погиб не автор заметок, а скорее его сын. Дед Михаил покинул городок ребёнком перед самой войной. Не увезла ли осиротевшая семья с собой нечто ценное?

Прислушиваясь к звукам, пытаясь уловить шаги, Алексей вздрогнул, когда поблизости хлопнула дверь. В наступившей тишине он слышал своё дыхание и стук сердца.

Примешивались и другие чуть различимые звуки. Неопределённый шелест и урчание прошли по натянутым нервам. Торопливо историк переписал в блокнот только что прочитанное. Дело запуталось окончательно. Алексей тонул в тайнах городка.

Пролистав блокнот, он нашёл список слов и имён, над которыми размышлял ранее.

«Лука Богомаз... Возможный автор „Сакрального дара“. Вот оно что! Лукашовы и пошли от него. В квартире деда несколько раз искали что-то, но ни копейки не унесли. Чемодан...», — мысль уложилась в готовую форму.

У историка даже ладони начали зудеть от нетерпения.

Почему бы деду Мише не спрятать семейную реликвию таким нестандартным способом?

Вернуть посылку на родину, где вряд ли будут искать. Даже Алексей нечасто слышал от Михаила название станции. О некой опасности в городке он мог и не знать. Жена погибшего главы семейства увезла детей в большой город. Сколько было деду? Лет восемь. Они с Варварой не виделись, продолжая писать друг другу письма, присылать памятные открытки или фотографии, затем созванивались. Но он никогда не возвращался сюда. Осталась горькая память о смерти отца, который не успел рассказать о тайне «Сакрального дара». Это было ясно.

Выдохнув, Алексей отложил мысли о чемодане на вечер и обратил внимание на вторую книгу, где рисунки сохранились лучше. Неплохие наброски создавали образ некоего механизма, напоминающего часы. На той же странице были изображения циферблата и настоящих напольных часов, которые показались знакомыми. Обе части книги заполняли подобные зарисовки.

Алексей схватился за свои записи, думая сохранить и их, но со стороны входа скрипнула половица. Белая голова вынырнула из-за приоткрытой двери.

— Хонсу, негодник, ты куда делся? — нежно пропел мужской голос.

Отпрянув от стенда, Алексей спрятал блокнот.

— Знакомые всё лица, — заулыбался Казимир. — Вы не видели тут моё сокровище? Котика, — он мелодично рассмеялся, заметив недоумение историка.

За спиной Алексея тяжело ухнуло. Вальяжный кот прошествовал мимо, направляясь к хозяину.

— Опять спал на шкафу?! Да, Хонсу? — Казимир принял грузное тело на руки, потрепал за ухом. — Ленив стал. Обязанности плохо исполняет. Он у нас на довольствии

по мышеловческой части.

На руке Казимира, ласкающей кота, белым металлом блеснул перстень. Вдавленная латинская «Т» в центре овала выделялась чуть более тёмным оттенком. Вроде бы ничего особенного, деталь, дополнившая непростой и оригинальный образ Казимира Смурова, но Алексей запомнил. В этом горожанине всё было не просто. Однако, историк успокоился.

— Хорошее решение. — Первое напряжение, возникшее между Алексеем и бывшим журналистом, истаяло. — Ничего, что я тут самовольно брожу? Было открыто, а зрителя нет.

— Я зритель. И ленивец Хонсу, конечно же. Музей у нас небольшой, но я могу им гордиться — Он обвёл широким жестом комнату. — Люблю показывать свои владения. — Глаза Казимира сияли неподдельной гордостью. — Когда всё на виду, и сама правда доступна внимательному взгляду. Здесь много загадок прошлого, а мы с Хонсу в них копаемся и глотаем книжную пыль. Прекрасная работа.

Алексей решил, что Смуров-Залеский из тех энтузиастов, которые горят делом, работают увлечённо и искренне.

— Интересное имя у вашего питомца, — обратил внимание молодой историк.

— Египетский бог времени, да. Кошки и вечность, как никогда, подходят друг другу.

— Наверное, вы правы. — Мысли Алексея сосредоточились на чемодане, стоявшем под вешалкой в квартире бабы Вари.

Он размышлял, как вежливо завершить беседу, а Казимир с воодушевлением начал рассказывать о работе в библиотеке, поглядывая на собеседника, прищурив глаза.

— И тогда я решил, что моё рвение послужит библиотеке, — долетела до Алексея очередная фраза.

Одновременно с этим, дверь в музейную комнату распахнулась и впустила Оксану. Увидев старого знакомого, она побледнела и даже попятилась, взгляд заметался по экспонатам.

Опять случайная встреча. Оксана, в строгом брючном костюмчике, была неотразима. Каждый раз она напоминала Алексею о прошлом, молча и неотвратно. Достаточно было посмотреть ей в глаза.

Приятное напряжение выбило из историка все мысли. На мгновение он позабыл и о чемодане, и о записях прапрадеда, и о неприятном начале утра. От острого осознания, что его всё ещё тянет к этой женщине, он ощутил дрожь.

— Я бы хотела видеть зрителя музея. — Ксана быстро перешла от внезапной растерянности к деловому тону.

Казимир галантно поклонился:

— К вашим услугам, барышня.

Она прошла немного вперёд, но нервно обернулась на Алексея, посмотрев с мольбой и немного с испугом.

— Я удаляюсь, — он улыбнулся, вспомнив о секретной миссии бывшей подруги.

И как это строгий «фирмач» отпустил её одну.

— Тебя подождать? — уходя спросил Алексей.

Внутри загорелось, заискрилось надеждой хотя бы на недолгий разговор или прогулку по городу. Его точно вернули на несколько лет назад, когда сердце частило в ответ на улыбку Оксаны, когда так жарко было между ними.

— Нет. Ты же знаешь. Мой график... — Она опустила плечи, немного ссутулилась

виновато. — Но я обязательно найду возможность...

Уголки её губ приподнялись, образуя самую очаровательную улыбку, в которой Алексею почудилось обещание чего-то большего. Как ни хотелось ему узнать, о чём будет разговор искусствоведа с Казимиром, но пришлось уйти. Впрочем, догадывался, что речь может идти о «Сакральном даре».

— Чемодан! — Он не стал терять больше время и быстрым шагом повернул в сторону дома Варвары, надеясь, что родственница никуда больше не ушла.

Открывать посылку без ведома старушки Алексею было неудобно. К тому же любопытно знает ли Варвара о семейной реликвии или только семья деда, владея секретом, передавала его прямым наследникам.

Пересекая площадь к боковой улочке, он заметил машину, припаркованную неподалёку от библиотеки. Выглядел автомобиль слишком дорого для провинциального городка. За тонированными стёклами ничего не увидишь, но Алексей был совершенно уверен, что Оксану привезли именно на этой машине, а внутри сидит представитель неизвестной фирмы и дожидается результатов разговора со Смуровым. Номера у машины были московские.

Повернув голову, Алексей заметил и кое-что ещё: Витька Смуров стоял у дома напротив, привалившись к стене со скучающим видом. Как бы он ни отворачивался, не топтался на месте, но нетрудно было понять, что Смуров наблюдает за машиной «фирмача».

Скрывшись в тени узкого проулка, Алексей несколько минут смотрел то на машину, то на Витьку. Такое тройное наблюдение длилось недолго. Оксана бегом вылетела из дверей библиотеки и села в машину. Они уехали, а Смуров немедленно зашагал в противоположную сторону.

Мимолётная встреча с Оксаной всколыхнула сильнее, чем Алексей рассчитывал. Сердца историка коснулась грусть. Он не понимал, жалеет ли о расставании в прошлом, хочет ли вернуть полностью прерванные отношения с Ксаной. Может быть, городок действует на него таким странным образом? По сути, Оксана единственный человек здесь, кого он хорошо знает. Вот и вспыхнула старая привязанность. Не очень он любил размышлять о чувствах, поэтому развернулся и пошёл своей дорогой.

На счастье, Варвара никуда не собиралась после утренней смены, сидела себе на кухне, да пасьянс раскладывала.

— Записка на полке в шкапулке, — сухо напомнила старушка.

Она продолжала немного злиться на упрямство родственника, готового влезть в адское пекло непонятно зачем.

Алексей отыскал бумажку и спрятал в кармане, на этот раз отдельно от блокнота. Завтра выяснится, что нужно Сашке от попутчика.

— Баба Варя, не против, если я чемодан открою? — Он не стал долго тянуть.

— Давно же сказала, открывай, — одним движением она смешала карты, которые не желали ложиться так, как хотелось. — Давай его сюда.

Алексей расположил нелёгкую ношу на пустом столе. От заветной цели отделяла только крышка чемодана.

— Сколько дорог он повидал, — Варвара погладила потёртую поверхность, посмотрела с нежной печалью. — Отец Михаила его покупал. А ключа два было. Куда подевался, бог знает.

Покружив по кухне, Алексей вооружился ножом, потом передумал.

— Может, шпилькой? Как это обычно делают?

Взламывать замки он, конечно, не умел. В кино всё выглядело легко — несколько движений, щелчок и замок сдавался. Без сноровки же ничего не выходило.

— Не хочется его резать или отламывать запоры.

После осмотра замков стало очевидно, что выломать железки будет не так уж просто.

— Я соседа позову. — Варвара уже была в коридоре. — Он по замкам мастер.

— Нет-нет!

Наверное, Алексей слишком поспешно и громко закричал. Баба Варя замерла с испуганным удивлением, приложила руку к груди.

— Что ж так пугать-то, Алёша. — Она перевела дух.

— Прости. — Непутёвый родственник подхватил старушку под руки, усадил на табурет. — Я подумал, что там... Что-нибудь секретное. Семейная тайна. — Не хотелось ему упоминать «Сакральный дар» при Варваре.

Ему удалось развеселить бабу Варю. Она так заразительно смеялась, что историк и сам не сдержал улыбки.

— Какой ты смешной, Алёшенька, — она выдохнула, смахнула весёлые слёзы с глаз. — Хорошо, что приехал, давно так весело не было. Сам подумай, какие такие тайны у нас могут быть?

— Откроем чемодан и узнаем. — Он не желал сдаваться.

Остаток дня и половину следующих суток Алексей потратил на изучение замков. Крутился вокруг чемодана, колул пальцем стыки железок, испробовал нож. Так ничего и не вышло. Уж больно жаль было портить фамильную древность. Варвара ворчала, что стол полностью оккупирован неугомонным внуком.

Всё время возни с чемоданом историк не забывал о записке от Сашки. И не заметил, как подошло время встречи. Часы показывали без двадцати шесть. Оставалось немного времени, чтобы решиться и дойти до гостиницы, а он продолжал сомневаться. Не принесёт ли ему новые неприятности встреча с насмешливым попутчиком? Но любопытство победило доводы осторожного разума.

— Баба Варя, я ухожу!

Крикнув из коридора в глубину квартиры, где судя по звукам и ароматам баба Варя опять затеяла какие-то вкусности, Алексей выбежал на улицу. В спину донеслось:

— Будь благоразумен! Прошу тебя...

Снаружи отчётливее стало понятно, что осень близко. Поднялся ветер, осыпав умирающую листву. Холодом прохватило руки, и Алексей спрятал ладони в карманах куртки. Так он и пошёл в сторону гостиницы с французским названием и прозаическим настоящим.

Темнело быстро, и он чуть было не пробежал мимо. Неоновая вывеска даже и не думала светиться. Посмотрев на часы, Алексей убедился, что успел. Ветер продолжал задувать, унося сухую листву ближе к железной дороге. Через окно он увидел Маринку за стойкой: с недовольным лицом она перекладывала бумаги, что-то смотрела в своих журналах. Печальная память о Борисыче мягко прошлась по сердцу. А ведь Маринка после ссоры с бывшим ментом сказала...

Алексей попытался вспомнить точную фразу. Она упоминала «библиотекаря», «он будет решать».

Воробышев? Кто из мужчин, кроме него, работает в библиотеке?

Казимир Смуров? Кто-то ещё?

Неприязнь к Воробышеву уверенно поддакивала, приписывая ему особое влияние на жителей. Только улыбчивый, но слишком сладкий смотритель музея подходил на роль тайного главы города намного лучше.

У Оксаны были дела и с ним, что тревожило. Алексей успокоил себя мыслью, что представитель фирмы слепо тыкается во все двери, чтобы разыскать нужную ему вещь. Скорее всего так.

Дверь гостиницы распахнула решительная рука.

— Как всегда! Ни одного фонаря! — Звонкий смех Сашки ударил в осыпающиеся и дряхлеющие стены. — Вечно мы попадаем в города, которых и на карте-то нет.

Он вышел на улицу первым.

— Не самый плохой вариант, — отозвался спокойный голос.

Его приятель показался следом.

— Пришёл! — Широкая улыбка придала лицу попутчика мальчишеского задора.

Сашка, как обычно, захватил инициативу, приветственно тряс Алексею руку и насмешливо косился на своего спутника, скрытого густой тенью.

С неожиданным треском вспыхнул неон французским словом ЛЕ О ДОР. Городское хозяйство не спешило чинить неисправные буквы в названии гостиницы.

— Ярослав. Можно Яр. — Приятель Сашки представился сам, коротко, почти по-военному.

В нём и правда ощущался этот стержень дисциплины и контролируемой силы. Особенно на контрасте с подвижным и лёгким Сашкой. Яр смотрел на нового знакомого серьёзно, оценивающе.

— Алексей.

И рука у него была сухая, твёрдая, как у человека, который привык действовать, а не говорить. Поэтому и казался Ярослав немного старше, хотя, скорее всего, был ровесником и Сашки, и молодого историка.

— Пошли, — прозвучало приказом, которому хочешь или не хочешь, но подчиняешься.

Не дожидаясь остальных, Яр зашагал вдоль железной дороги к вокзалу. По спонтанности действий и легко брошенному указанию стало ясно, что вести за собой и решать — каждодневная работа этого человека.

— Куда мы? И зачем...

Алексей недоговорил, ведь и так понятно, что он сбит с толку лаконичным и странным поведением малознакомых людей. Он имел полное право развернуться и уйти, но почему-то послушно шёл следом за высокой фигурой Ярослава.

Тот двигался быстро, как-то мягко, по-кошачьи, ступая на землю, расслабленный и одновременно, готовый к броску или защите. Такое не получается само по себе. Только годы тренировок способны взрастить в человеке способность не задумываясь управлять телом.

«Военный? Во что я опять влез? Мало мне Смуровых и секретов городка... Права баба Варя, ой, права...»

Мысли Алексея металась между противоречивыми предположениями и выборами. В какой-то момент он задумал повернуть назад или немедленно потребовать объяснений. Сашка, который сейчас казался намного роднее, чем Ярослав, точно почувствовал настрой знакомого.

— Поедем на развалины Троицкого монастыря.

Сашка хитро прищурился, словно знал, что Алексей успел ознакомиться с историей городка и его окрестностей.

Ответ вызвал удивление у историка. Он, конечно, и сам планировал осмотреть памятное место, но темнота вряд ли им поможет насладиться видами.

— Торопимся, — шагая рядом с Алексеем, будто извиняясь, добавил попутчик. — Надо и в другое место заглянуть.

— Не беги вперёд времени, — не оборачиваясь бросил молчаливый Яр. — Как бы оно тебя ни толкнуло в спину.

В его тоне не было ни угрозы, ни требования, но Сашка притих. Они безмолвно шли в незнакомом Алексее направлении. Вечер сгущался. Хаотичный и обычно многословный Сашка стал отстранённым и сосредоточенным. Алексею начало казаться, что он один бредёт через ночь. Ему дали время на осмысление событий.

«Как-то многовато для скромного города в российской глубинке, — на ходу думал Алексей, глядя себе под ноги, — а для меня — особенно!»

С удивлением отметил, что не испытывает больше никаких эмоций в отношении той лавины информации и человеческих типов, которые на время захватили его в плен. Как моряк в бурном море, он обнаружил себя вцепившимся в спасательную шлюпку, доверился волне. Как-нибудь справится и распутает клубок загадок. Вот только работа, ради которой он и приехал в город, кажется, останется не написанной.

В холоде и темноте Степан просидел несколько часов. Думал об одном: с третьими петухами его ожидает обоз в Троицкий монастырь. Как выбраться, чтобы успеть исполнить договор?

Погреб был старый, сырой. Яму давно не использовали для хранения припасов. Не осталось лестницы, чтобы подняться к доскам, которыми закрыта дыра. Через неплотно сбитые деревяшки просачивался дневной свет.

На ощупь Степан обследовал земляной пол, стены: плохо видно, одна серая муть перед глазами. Волной накатила боль от поступка бывшей невесты. Себя Степан винил не меньше. Нехорошо, что слова не сдержит перед купцом и его дочкой, ответит злом на добро. Но оставаться ему подобно смерти.

Если поженят, он знал, что не никогда не притронется к Василинке. Никто не заставит. Монахом станет жить при ней, а случится, то и уйдёт, куда собирался. На беду попросился мальчишкой к дядьке Василию. Всё нехорошо вышло. И снова не даёт покоя нелёгкий выбор.

— Лишь бы не поздно было, — вздохнул Степан, помня о словах странника о своевременности выбора.

Ответы сами собой рождались в сердце. Уйти он должен сегодня. В темноте Степан наткнулся на старый, развалившийся бочонок. Подумав, подобрал дощечки. Время полетело незаметно, пока почти голыми руками вгрызался в землю, краем дощечки прорубал ступени в глинистой почве. Пот лился ручьём с юноши. Отсвет наверху угас, что означало наступление ночи.

Копал он до первых петухов. Замер, услышав надрывные крики птиц со всех дворов в городище. Тогда же подобрался к настилу, закрывавшему дыру в земле. Утих, пытаюсь понять, не рядом ли работники. В этот час в доме должны спать, но Василий мог оставить охрану рядом с ямой.

Минуты бежали. Второй раз прокричали петухи. Утвердившись на краю погребка, Степан начал ломать доски. Навалился всем телом, головой и руками, напряг плечи. Никогда он не отличался богатырской силой, но отчаянье его было так велико, что запор поддался.

Никто не рассчитывал на хитрость и ловкость пленённого. Так и выбрался на волю. Быстро осмотрелся, омыл руки и лицо из бочки во дворе. Весь в глине, отыскал кусок рванины вместо накидки и выскользнул из владений купца. Ничего больше Степан не взял из дома.

Ночной страж у торговой площади не заметил тихой тени, залёгшей под навесом. Отсюда была видна стена городища и ворота. Ветер гонял солому. Степан не позволил себе уснуть, дожидаясь третьих петухов.

Он плохо запомнил крик предвестника раннего утра, обозначившего новое начало. Не заметил морось, пролитую с серого неба. Замотанный в тряпье, пробрался к обозу. Хозяин не сразу его узнал.

— В берлоге, что ли, ночевал? — рассмеялся мужичок.

— В ней самой, — спокойно отозвался Степан.

Юноша долго смотрел на ворота городища в утренней полутьме и прощался со всем, чем когда-то дорожил, но то была не горестная печаль. Степан приготовился идти по пути,

указанному странником. Тёплая сила прочно обосновалась в сердце. Стальной стержень помог уйти от боли воспоминаний о людях, что стали дороги, о Василинке, ударившей в спину.

«Это у неё разум на время помутился от страха потерять любимого. Решила навсегда ложью привязать меня к себе. Да и поделом мне, обманувшему надежды», — оправдывал Степан бывшую невесту, желая ей другого счастья.

В дороге он понял, что не чувствует одиночества, которое мучило его с детских лет. Будто странник так и остался рядом, подсказывал и отводил беду. Какое-то особое служение ожидало Степана. Голос звал его вперёд.

Далеко обоз уехал от городища: не сыскать теперь Степана купцу. Они остановились на отдых ближе к ночи, развели костёр. Помощники хозяина распрягли лошадей. В небольшом озерце юноша смыл грязь и постирал одежду. Ни минуты он не думал о будущих трудностях. Господь даст нужное в свой час, а странник подскажет, если Степан споткнётся на пути.

— Зачем тебе в монастырь-то, парень? — Щуря глаза, торговец развлекал себя разговором возле костра.

А правда, зачем? Степан и не искал ответа после встречи с давним знакомым, велевшим ехать в иные места.

— Благословение получить. — Внезапное знание озарило ум. — Скит буду строить.

Погладил рыжеватую бороду хозяин обоза. Как-то сочувственно поглядел на спутника не понимая.

— Зачем же тебе, такому молодому да ладному жизнь свою иссушать в молитвах и одиночестве?

— Человек никогда не бывает один. Вокруг нас жизнь. Мир с нами. — Задумавшись, Степан долго смотрел на огонь, искры поднимались и улетали в черноту.

Он точно знал, о чём говорит, но не до конца понимал, откуда приходят слова. Стальной стержень в самой его сути удерживал силу, будто веретено с накрученной тугой нитью. Казалось, что Степан на многое способен, но не ведает до конца возможного.

— О, тебе правда в монастырь надо, — захохотал торговец.

Расположились они для сна, а утром снова отправились в путь. Так довёл окрылённого Степана зов до Троицкого монастыря.

Хорошее это было место, светлое и простое. Без тревоги юноша ступил на монастырский двор. Прежде всего помог разгрузить мешки с провиантом и скарбом хозяину обоза. А тот замолвил за Степана доброе слово, шепнул настоятелю, что молодой путник пришёл с особым делом.

Игумен Илия со стороны наблюдал за работой Степана. Затем подозвал к себе.

— Остаться хочешь? — Строго поглядел на юношу с высоты немалого роста.

— Если позволите, — с готовностью поклонился тот, но без подобострастия и не принижая себя, чем пришёлся по душе Илие.

— Звать как?

— Я бы желал принять иное имя, — пришлый был серьёзен. — Серафим имя моё теперь.

Ничему не удивлялся игумен Илия. Многие люди приходили к нему, некоторые оставались среди братьев, кто-то жил и работал на благо монастыря. Знал он и иных гостей.

Размышляя, коснулся светлого перстня на пальце — у каждого была своя цель. Иногда Илия забывал за нелёгкими делами, откуда и зачем пришёл сам. Предупредили его о появлении юноши в монастыре.

Терпеливо Степан ждал ответа, заметив, что игумен думает о своём.

— Быть тому, Серафим, — сдержанно кивнул Илия. — Живи и работай на благ братьев. Позову я тебя, когда придёт срок. Расскажешь, что задумал.

И хотя сердце юноши требовало немедленного исполнения замыслов, но укротил он его разумом. Стальным стержнем запер в себе торопливость и пламя желаний. Всё шло верным путём.

Не меньше месяца он трудился в монастыре, не избегая никакой работы. С каждым днём сильнее чувствовал, как неведомая, но волнующая сила наполняет душу, как крепнет стержень, а сердце наполняется радостью. Наружу рвались слова, чтобы остаться в свитках, но он знал — рано дарить их миру. Не вызрело слово, не возросла душа в своей силе. Как-то сразу всё сделалось просто и понятно.

Все называли его Серафимом. На иные имена он и не откликался, был молчалив и спокоен, дожидаясь решения игумена. А когда спрашивали его монахи, не собирается ли он стать одним из них, отвечал:

— Нет на то воли господа. Другим путём мне идти.

Братья удивлялись, что же тогда делает Серафим в монастыре, но больше не задавали вопросов.

Вскоре, Илия позвал юношу к себе.

— Вижу, новые силы в тебе, — сразу же сказал игумен. — Теперь сможешь идти дальше. Что вложил господь в сердце?

— Я должен уйти из монастыря в пустое место и выстроить скит с божеской или людской помощью, — не задумываясь, ответил Серафим. — Благословите на служение.

Поглядел Илия долгим взором, зная точно, что должен передать юноше.

— Испытание тебя ждёт, Серафим. Выстоишь, отпущу. Нет, значит, не готов.

— На всё воля божья, — сдерживая мечущееся сердце, он опустил голову.

Разве мало Серафим сделал для странника? Вспыхнуло в груди недовольством и непониманием. Почему же не пускают его исполнить, что должно?

— Иди, Серафим. — Илия жестом показал, что ничего более юноша не услышит от него.

— А испытание? — вскинулся тот, теряя терпение.

— Придёт время — будет.

Опустив плечи, Серафим ушёл в келью и лёг, свернувшись кутёнком, словно в детстве. Растерянность и страхи начали подтачивать радость, недавно бурлившую в нём.

«Что, если недостойн я исполнить заветное? Слаб для выбранного пути. Или глупо уверил себя, что слова, горящие в сердце, нужны миру. Не лучше бы мне остаться, где был? Никому не нужны дары, сокрытые во мне», — заплутал он в собственных мыслях и чаяньях.

И опять послышалась ему насмешка за спиной, да морозец прошёл по телу.

— Глупый, Степан, — шептал голос.

Слова скользили по сознанию, непонятные, злые, топкие, словно болото.

— Обманул тебя странник, возомнивший себя самим Временем, стоящим по обе стороны от добра и зла. Он — не истина. Он — ничто. Такой же муравей, как и ты. Откуда знать муравью все дороги человечьи? Странник отвернулся и не видит, а дар его горчит

попынью. Спасай себя, Степан. Вернись домой. Купец простит. Василинка примет, как мужа.

— Молчи, — Серафим закрылся от голоса, чувствуя, как разрушается стержень силы от каждого слова. — Я не слушаю тебя, змей.

Не единожды повторялась борьба юноши с настойчивым и смущающим голосом за спиной. И однажды, будучи в поле возле монастыря, не выдержал Серафим и потребовал:

— Кто ты есть, покажись?! Не прячься трусливо за плечом! Странник имел смелость показать свой лик.

Засмеялось, посыпалось звуками, будто мелкие камешки или льдинки под ногами хрустели. И не поймёшь, мужским или женским смехом окутало.

— Покажусь! — пронеслось эхо над травой.

Оставил голос послушника на время. Однако, сомнения одолели Серафима, но он продолжал работу в монастыре. Изо дня в день упорно держался замысла, решив не отступать. Огромный путь он прошёл от мальчика, который встретил странника возле родного городища, до молодого мужчины, избравшего служение.

Внимательным взглядом смотрел на него игумен Илия, часто беседовал с Серафимом об избранном пути, пока не понял, что время пришло.

Спустя год, Илия заговорил о замысле молодого послушника.

— Дам я благословение, но прежде исполнишь обет.

Слова игумен проговаривал медленно, чтобы каждое запомнилось Серафиму, да и сам не хотел упустить важного, что ему передали.

— Три полных дня стоять тебе на высоком камне в отдалении от монастыря. Я отведу тебя. Запомни, сходить с камня нельзя, что бы ни увидел. Говорить нельзя, кто бы не пришёл, не обратился к тебе.

— Выстою, — уверенно сказал Серафим, радуясь, что вскоре пойдёт дальше по избранному пути.

— Не говори, а делай. — Сурово смотрел Илия. — Битва за тебя будет. Там никакое слово не выручит, только вера и твоя воля.

— На господу уповаю.

Вздыхнул игумен, головой покачал.

— На себя уповай, Серафим. И на дар свой.

Удивительно было такое слышать от служителя бога.

Ближе к полуночи, помолившись, отправились игумен и Серафим к камню, что стоял при широкой дороге. Там юноша встал лицом на восход. Там же встретил первый день исполнения обета.

Долгими показались день и ночь. На второй день пролился дождь, дав воду для питья. Что успел взять себе Серафим с ручейками, текущими по лицу, тем и насытился. Ночью он слышал вой волков из ближнего леса, видел их горящие во тьме глаза, но ни один хищник не приблизился к камню. Только кружили рядом.

Утром третьего дня тревога начала сжимать Серафиму сердце, а усталость ослабила ноги. Два дня он не двигался с места: то смотрел на дорогу, то стоял, закрыв глаза. Не спал ночь, боясь упасть. На третий день начало казаться, что по дороге приближается чёрная волна, а эхо доносит знакомый голос:

— Покажусь! — ударило о камень с такой силой, что чудом не расколело.

Утихло всё на время. После полудня увидел Серафим человека, идущего к монастырю. Тёмной накидкой походил тот на странника, и было подумал молодой послушник, что это он и есть, обрадовался. Когда же поравнялся путник с камнем, увидел Серафим, как ошибся.

— Бедный ты, горемычный, — чуть звучно прошелестел старик. — Долго ли стоишь здесь?

Смолчал Серафим, закрывший уста на время обета для всякого слова.

— Третий день, ага третий день. — Тёмный, запылённый капюшон затрясся, так сокрушался путник.

Тяжело он опустился на землю напротив камня, достал мешок, словно сами растеклись тугие узлы.

— Бедный послушник, — повторил незнакомец. — Сойди с камня, отведай со мной хлеба. Вижу, что ты голоден.

Не двинулся с места Серафим, только смотрел, выискивая в лице незнакомца, изрезанном морщинами, с добром или со злом тот пришёл. Серые пряди выглядывали из-под капюшона, руки тряслись — он казался безобиднее мухи.

— Сказали мне, — отложив мешок, проговорил путник, — что возле монастыря стоит камень, а на камне том, послушник молодой стоит, днём и ночью. Слышал я, что кто на камень вместо того монаха встанет, исцелён будет. Непустишь ли старика на своё место, отрок?

Странна была просьба старого человека. Смутился Серафим, но смолчал. Тяжко вздохнул незнакомец. Поднялся, но, не удержавшись на трясущихся ногах, опять пал на землю.

Дрогнул Серафим. Всем телом дрогнул, всей душой, но слово данное, перед господом было сильнее жалости, сильнее сострадания. Остался он стоять на камне.

Приподнялся путник, капюшон плаща откинулся назад, белые волосы рассыпались по плечам. Долго смотрел старик на Серафима и видел тот, как темнеет глаз незнакомца. Пустым и чёрным стал взгляд, как та волна на дороге, что так и не достигла ног послушника. Плюнул старик в сторону камня и, поднявшись, направился в обратный путь, прочь от монастыря.

Мыслями помолился Серафим за спасение и свою стойкость, потому как понял — злое принёс старик. Да, и был ли он человеком? Не успел он прочесть последнее слово и собраться с новыми силами, как послышался стук копыт.

Чёрный всадник поднял на дыбы горячего коня рядом с камнем. Звуки холодной стали словно проникли под кожу Серафима, вызвали дрожь и слабость.

— Рассказывали мне, — грозно закричал воин, — что стоит на камне молодой послушник. Он потерял всё из-за кочевников. Так почему же парень не сойдёт с камня и не возьмёт в руки оружие?! Почему не выйдет к дальним рубежам, чтобы защитить сородичей?! Или ты трус?!

Грозный голос смешался со ржанием коня, что поднял огромные копыта, занеся их над камнем. Трещал камень от тяжёлых слов, леденел инеем.

Молчал Серафим, только молился в сердце, ощущая стальной стержень, сила которого держала на ногах. Не посмел всадник коснуться камня, отступил, смягчил голос.

— Пойдём со мной, юноша. Все радости человеческой жизни ожидают тебя. Мир станет ярким, верные друзья будут рядом, словно вольный ветер пронесёшься ты по родному краю, встретишь рассвет в объятиях самых красивых женщин. Не дело такой молодости и силе сгинуть в монастырских стенах. Это удел дряхлых старцев. Тебя же ждут мирские дела.

Речь всадника была горяча как огонь в кузне, она рождала образы, которыми заставила грезить душу Серафима. Лихая радость и сладкая нега затмили разум. Блистающий воин стоял перед глазами, притягивая к себе. Только растеклось от стержня, где заключался дар послушника, смертельным холодом. Порыв ветра чуть не сбил с камня. Закрылся от соблазна Серафим, молча отказался от того, что предлагалось.

— Так пеняй на себя! — прокричал всадник, почуяв, что отринут. — Не видать тебе того, что ожидаешь! Во зло обратится слово твоё!

Резко развернул воин коня, поднял на дыбы и, разбрасывая землю из-под копыт, как вихрь скрылся в лесу. Глубоко вздохнул Серафим. Сколько ещё испытаний уготовано в последние часы исполнения обета?

Молился молодой монах. Закрыв глаза, погрузившись в полудрёму. И потекло время через сердце, то шелковистой нитью, то цепляя терновником. Нутром Серафим почуял странное — весь мир состоял из путей широких и узких, как лесная тропа. Осознал он, что

означает «неизбежность», которая случится, подчиняя себе, а когда и ветвится дорога человеческая, даёт выбор. Горящее слово, рождённое сердцем, могло изменить всё.

— Послушник, посмотри на меня. — Тихой поступью подкрался к Серафиму нежный голос, окутал мягко и призывно. — Проснись.

Серафим открыл глаза, взглянул на дорогу и подумал, что лучше бы ему ослепнуть, лучше бы не покидать кельи. Прекрасная девушка стояла перед камнем в наступившем вечернем мраке. Иссиня-чёрные волосы укрывали то, что не могла скрыть полупрозрачная шитая рубаха в узорах неподвластных человеческой руке. Ни разу не видал Серафим таких красавиц. Тёмные словно ночь, глаза девы прожигали тело, волновали естественном. Не размыкая алых губ, ласковым голосом она звала за собой.

Серафиму стало казаться, что сойди он теперь же с камня, как станет безмерно счастлив и познает разом небо и землю, рай и ад. Холодный пот и одновременно огненный жар сотрясали тело. Позабыл послушник обо всём. Сердце видело лишь деву, стоящую пред камнем. От неё шёл такой свет, что слезы сами лились по щекам. Содрогнулась душа, содрогнулась, но не пала. Он смог видеть, отерев влагу.

Тёмен был свет от прекрасной девы, а глаза пусты. Холод и смерть исходили от чарующей красавицы. Отказался он и от третьего соблазна. Прав оказался Илия — шла битва за душу Серафима. Один послушник против неведомых ему сил. Но он чувствовал, что странник, а может не только старый друг рядом.

Засмеялась дева, зло сверкнула очами, обдала ледяным ветром и сгнула, словно и не было её. Легко вздохнул Серафим, чуя конец испытаниям. Ночь сгустилась. И стал послушник дожидаться рассвета. Глаз не закрывал, и почудилось ему, что между ним и миром поднялась прозрачная стена. Серафим всё видел и слышал, но оставался недостижим для любого, кто захотел бы снова испытать его.

Тогда же рваным лоскутом раскрылось пространство на дороге, выпустив безликую фигуру. Ни страха, ни тревоги не вызвал гость у Серафима. Стена надёжно защищала послушника, не знавшего, чего ещё ожидать от судьбы.

Алексей оторвался от созерцания земли под ногами и посмотрел на Ярослава, идущего впереди. Одним взглядом охватил затылок с чуть вьющимися русыми волосами и прямую спину. Подумал:

«Да пожалуй военный. Вон и волосы коротко стрижены. Выправка и привычка раздавать приказы. Решительный и серьёзный. Противоположность беззаботному оболтусу Сашке».

Новый порыв ветра принёс с собой холодное и зябкое напоминание об осени. Поёжившись, Алексей втянул голову в плечи, зарылся подбородком в поднятый воротник куртки. Несколько дней прошло с момента приезда в городок, а погода резко повернула в сторону заморозков. Ледяной ветер отвлёк его от раздумий.

Он снова воткнулся взглядом в натянутую струной спину Ярослава. Будто почувствовав пристальное внимание, Яр обернулся, взмахнул рукой в свете покосившегося фонаря, указывая на редкую поросль кустарника.

— Туда.

Полумрак не помешал Алексею увидеть на руке Ярослава широкий чёрный браслет, ранее скрытый рукавом не по погоде лёгкой куртки. Именно эту штуку историк принял за часы, случайно подсмотрев за приятелями на улице.

Однако, примечательнее был перстень на пальце военного. И не подумал бы запоминать подобную мелочь, но совсем недавно видел у Казимира Смурова похожий. Если ещё и готическая Т на месте, то...

Что тогда будет, Алексей подумать не успел.

Яр нырнул в небольшой проём между кустами. Следом так же поступил Сашка и дёрнул за рукав задумавшегося историка. Мимо прогрохотал товарный поезд, звук приближения которого сопровождал их путь некоторое время. Они подобрались к железной дороге.

Втянув тонкими ноздрями воздух, Яр довольно долго смотрел вдоль дороги в сторону вокзала. Теперь далёкого и обозначенного лишь размытым отсветом огней. Рельсы загудели, и дрожь по нарастающей пошла по земле к ногам Яра. Чёрная громада с двумя жёлтыми пятнами двигалась к фигурам в темноте. Неторопливо вернувшись на обочину, Яр коротко скомандовал:

— Приготовьтесь.

Алексей недоверчиво посмотрел на приближающийся поезд, на спутников. Серьёзно? Они собирались цепляться за несущийся поезд? Тем временем товарные вагоны, грузно сбрасывая скорость, проехали немного вперёд и остановились.

— Давайте.

Яр пружинисто подскочил, ухватился за изогнутую железку на платформе для грузов, и уже сверху тянул руку, чтобы помочь Алексею.

— Быстрее, — пыхтел позади Сашка. — Стоянка всего минуту.

Вагоны скрипнули и, толчками набирая скорость, покатались в темноту. На платформе было прохладно. Спрятавшись от ветра за громоздкой, бесформенной горой, накрытой брезентом, путешественники молча смотрели друг на друга.

Яр оставался непроницаем и изредка выглядывал вперёд по ходу поезда, пытаясь различить во тьме нужную точку, цель их путешествия.

Таращась на летящий мимо лес, Алексей старался понять, что здесь делает. Ночью, на платформе товарняка, везущего его неизвестно куда, он испытывал смешанные чувства предвкушения, волнения и страха. Не единожды он задавал себя один и тот же вопрос: «Почему я согласился пойти с ними? Без объяснений и хотя бы иллюзии договорённости». Ответа не находилось. Вероятно, виной был радостный, бодрящий трепет от близкого приключения, дух авантюризма, немедленно захвативший Алексея в плен. В груди сильно и быстро билось сердце. Душа и тело жили этой минутой.

«А ты экстремал, Алёшка!», — с усмешкой подумал историк, открывая очередную грань собственной натуры.

Иные обстоятельства, вот и полезло на свет из скрытых закоулков души нечто непривычное и волнующее. Стоя на платформе, он уже сильно замёрз, когда вагоны начали притормаживать. Под тихий ход поезда печально стучали колёса.

— Сходим! — Яр опять был немногословен.

Они дождались, когда платформа поравнялась с покосившимся, разбитым перроном и друг за другом перепрыгнули с поезда на него.

— Почти на месте.

И в темноте было понятно, что Сашка улыбается. Алексей вдруг ясно осознал, что его втянули в нечто совершенно непонятное и опасное. И тут ему сделалось страшно по-настоящему, до холодеющих пальцев на ногах. От макушки до пяток пробило молнией, потекло по телу адреналином. Стало жарко.

Покосившаяся бетонная плита бурно поросла мшистой растительностью и кривыми кустами, проросшими через разломы. Природа победила, разрушая, кроша, разрывая на части то, что когда-то создал человек. Темнота казалась густой, точно чернила. Они соскочили на землю, так как ступени были разбиты, и опаснее спускаться по ним, чем прыгать с платформы в чёрную бездну под ногами.

Преодолев дрожь, вызванную резким осенним ветром и беспокойством, Алексей решил уточнить, куда они идут. Ответ не изменился.

— Троицкий монастырь, — Сашка вполне дружески коснулся плеча историка. — Тебя должно заинтересовать.

От Ярослава добиться информации было невозможно. Он промолчал, будто и не заметив разговора. И добродушие Сашки, и отстранённость Яра ничуть не успокоили Алексея. Но делать нечего, они упрямо продвигались дальше по лесу.

Наверное, ни за что на свете Алексей не решился бы совершить подобное путешествие в одиночестве — опустошаемый осенью лес внушал тревогу, чернота вокруг словно сопротивлялась и не пускала путешественников дальше.

Алексей ведь думал о Троицком монастыре, планировал разыскать развалины. И вот, оно само идёт в руки вместе с проводниками. Только так странно и неожиданно, что Алексей не чувствовал себя готовым принять подарок. Тем более, насильно. Его мнение никого как будто не интересовало.

Когда он начал терять терпение, темноту разбавил размытый свет впереди. Жёлтые блики напоминали об огне, разведённом в руинах. Яр остановился.

— Мы не одни.

— Проблема, — кивнул Сашка.

— Теперь совсем тихо. Не желательно, чтобы нас заметили.

Ступая осторожно, мягко, Яр двинулся к огню. Подражая ему, Сашка затопал следом,

и тут же был резко остановлен.

— Если слоники будут топтать, то останутся на месте.

Чётко обозначилась разница между двумя приятелями. Обученный, натренированный Ярослав и говорливый гражданский, плохо управляющий собственными движениями.

Про себя Алексей старался не думать, понимая, что ходить бесшумно по лесу вряд ли способен. Заранее испытывая досаду, историк сконцентрировался на тихих шагах.

Похоже, язвительность Яра подействовала на всех, сделав внимательнее. Если и хрустнула ветка раз-другой, подумаете. Мало ли какие звуки бывают в лесу. Маленький отряд, скрываясь, замирал на время. Ветер помог им, создавая шум и перестукиваясь в кронах.

Спрятавшись за густым переплетением кустарника, они стали наблюдать за тем, что происходило возле костра. На фоне пламени выделялась фигура в чёрном. Рядом сидели двое, переговаривались, грели у пламени руки. Первый недовольно бубнил что-то, слов было не разобрать.

— Витька Смуров, — шепнул Алексей военному.

— Кто? — сдавленно переспросил Ярослав, развернувшись в сторону историка.

— Местный, — лишь на мгновение Алексей задумался, насколько стоит раскрываться перед незнакомым человеком. — Неприятный тип...

Он сказал бы больше, но Ярослав внимательно смотрел в глаза, отчего сделалось неуютно. Сердце нехорошо взбрыкнуло от неприятного чувства пугающей неизвестности, прочитанной в этом излишне прямом взгляде. Казалось, что давит каменной глыбой. Болью кольнуло в висок.

Невольно Алексей сделал осторожный шаг назад, но скользнул подошвами по коряге. Руки сами собой взлетели вверх, хватая воздух и тонкие ветки кустарника. Теряя равновесие, он рухнул навзничь. Листья смягчили и приглушили падение.

Впервые Алексей увидел сложную мимику Яра, но подумал, что ничего хорошего это ему не сулит. Сашка сглотнул назревающий хохот и уткнулся носом в кулак.

— На арене цирка... — едва сдерживаясь, прошептал он. — Эх, Ярик. Меня бы попросил. Коновал.

Яр едва заметно улыбнулся уголками рта. Ничего не понимая, Алексей помотал головой, больше переживая о произведённом шуме. Ему помогли подняться, и компания пристроилась на прежнем месте.

Смуров стоял к ним лицом и махнул куда-то в сторону. Нехотя встали и остальные, походили вокруг костра, поднимая с земли лопаты.

— Клад ищут? — предположил Сашка.

И не ошибся. Люди отошли из круга света в затенённый угол, зажгли фонарь. Комья земли полетели в сторону, лопаты били о камни с противным скрежетом.

— Что знаешь о Смурове? — Яр задумчиво смотрел в сторону развалин.

— Сталкивался пару раз, — поколебавшись ответил Алексей. — Думаю, что дела его не совсем законны. Крутится вокруг городской библиотеки. Говорят, ищет фамильный клад Смуровых.

Он удивлённо замолчал, не понимая, с чего вдруг выложил перед чужаками информацию.

— А я говорил, — радостно встрял Сашка, но был остановлен одним поворотом головы Яра.

— Ищут, — с холодной язвительностью сказал Ярослав. — Это хорошо.

Алексей вместе с бывшим попутчиком одновременно уставились на военного.

— Не нашли, значит, — тянуть долго с ответом Яр не стал.

Сгорбленные фигуры в развалинах продолжали копошиться, отбрасывая землю. Вскоре разогнулись, застыв на месте. Один принялся тушить костёр. Несколько минут они собирались, а после углубились в лес.

Руины были погружены во тьму, словно в противовес тем минутам, когда яркое пламя костра освещало угол обрушенной стены. Наблюдатели подождали немного, поднялись и, следуя за Ярославом, цепочкой влезли на выступ, который когда-то был мощным основанием одного из монастырских зданий.

— Красивое место, — с печальной задумчивостью произнёс Яр, выхватывая светом фонаря куски сколотого камня, осыпавшиеся стены, где ещё были видны полустёртые следы росписи.

— Ага, видел снимки, — как всегда легковесно согласился Сашка.

— Снимки — это другое, — Ярослав успел заглянуть во все прорехи среди камней, во все разрушенные проёмы от окон и арок.

Алексей молча осматривался. Взгляд невольно остановился на неглубоком подкопе у стены. Похожие следы виднелись по всему периметру. Кладоискатели не пропустили ни пяди.

Трудно судить теперь о прошлой красоте монастыря. Темнота всё скрывала, а в осыпавшейся крошке и прахе не осталось ничего примечательного. Сами руины несли на себе отпечаток величественности и неясного покоя, балансирующего на грани со сном.

Историк поднял взгляд. Сквозь огромную расщелину на него смотрело звёздное небо. Изумлённо, боясь потерять это чудо, он впитывал бело-синий свет. Что-то сильное и незнакомое ширилось в сердце, пугающее неизвестностью и одновременно приятное. Словно неведомый голос шептал самые чистые и прекрасные слова.

— Не спи — замёрзнешь, — над самым ухом насмешливо прошептал Сашка.

Алексей недовольно вздрогнул. Чудо исчезло. Скрытый полутьмой, Яр нырнул за одну из внутренних стен, изломанной временем и людской волей.

Сопя, Сашка полез в пролом, что пришлось сделать и потрясённому Алексею. Растворившееся чудо созерцания продолжало биться в сердце. И всё-таки он чувствовал в этом странный, кажущийся нелепым, смысл, но очень важный в данную минуту. Уверенность, что очень значимо его присутствие — именно в этом месте, в это время — росла, достигая размеров безусловной веры.

— Почему мы здесь? — Алексей и не заметил, как вслух произнёс слова, вертевшиеся на языке.

— Философский вопрос, — жизнерадостность Сашки ничто не могло поколебать. — Потому что так нужно.

— Кому?

— Истории, — голос попугайчика отразился эхом от стен.

Луч фонаря Яра скользил по камням, где-то смешанным с кирпичной кладкой, более близкой к современности. Несколько минут они бродили в лабиринте бывших галерей и келий, давно лишившихся потолка. Под ногами гулко поскрипывало и хрустело крошевом.

Внезапно свет замер на одной из стен, что показалась наиболее сохранившейся вместе с частью верхнего свода. Боковые стены так же выглядели менее осыпавшимися. Сырость и нанесённая ветром пыль с песком плотно осели на поверхности, но облик небольшой комнаты легко было достроить в уме.

— Держи фонарь, — велел Яр приятелю, а сам принялся ощупью двигаться вдоль

стены.

«Странные, взяли меня наблюдать за поисками клада? Зачем им лишний свидетель? Или собираются повязать чужака общим преступлением», — подумалось Алексею.

Какое преступление могло состояться в монастырских развалинах, он так и не придумал. Разве только его самого пристукнут да прикопают у стеночки. У Ярослава был взгляд человека, который способен это исполнить. Сашка... Тот, скорее, нет.

Движения военного напомнили недавнее действие возле библиотеки, которое Алексей невзначай подсмотрел. Яр точно так же прошёлся ладонями обратно по низу стены, приостановился на мгновение и досадливо выдохнул распрямляясь.

— Напугали что-то.

— Точка та? — Казалось, Сашку совсем не волнует неудача, улыбка оставалась широкой и добродушной. — Или ты сбился, Ярик.

— Ерунду не говори.

Нет, Яр не разозлился, но напряжение зазвенело тонкой нитью, коснувшись и Алексея. Как это случается с противоположностями, рано или поздно начинает искрить.

— Расходимся и проверяем остальные части стен, — велел Ярослав после минутной паузы. — Ниша, маленькая, скрытое углубление, подвижный камень.

— Тут все камни подвижные, — фыркнул Сашка. — Некоторые даже падают.

Проигнорировав шутку, Яр вернулся к обследованию стены. Фонарь у них был один, поэтому Алексею пришлось больше полагаться на чуткость пальцев.

Работать он привык тщательно и добросовестно, не пропустил ни одной трещинки, ни одного стыка между камнями, местами прикрытыми остатками штукатурки. Насколько он успел понять, монастырь был разрушен в начале двадцатых годов. Произошло ли это само по себе из-за запустения или присутствовала рука человека, трудно сказать.

Занимаясь делом, Алексей снова посмотрел вверх, где в рваную прореху свода проглядывало небо. Звёзды удивительным образом оставались яркими. Редко когда увидишь подобное. Не просто так он здесь. Чувство значимости места и времени взволновало, пальцы ощутили излишне ровную линию, ломающуюся под прямым углом.

— Свет, — он обернулся к Ярославу, который немедленно метнулся к историку.

— Опять прав, — пробормотал он.

Из-под штукатурки проступал чёткий прямоугольник размером чуть больше ладони. Ножом Яр расчистил кладку вокруг, подцепил чугунную пластину. Она не удержалась на проржавевшей петле и отлетела на землю.

— Печь что ли была? — Сашка с любопытством заглядывал в узкий ход. — На поддувало похоже.

— Сам подумай. — Отдав фонарь историку, Яр решительно нырнул рукой вглубь. — Кто бы бумаги хранил в печи?

— Самое последнее дело, да.

Когда он высвободил руку, все уставились на вещицу в его ладони.

— Вот так клад! — Сашка был неудержим в веселье точно весенний ветерок.

— Пуговица?

Неужели именно это искали приятели?

Алексей в недоумении рассматривал находку. Стоило ночью лазить по развалинам ради такого. Да, не штамповка из пластика, явно старая работа, но всего лишь пуговица от мужской одежды. Пучок оборванных нитей истлел со временем. Кто-то засунул руку

В тайник и, зацепившись, потерял пуговицу.

— Опередили, — хмуро бросил Ярослав, пряча улику в карман. — И не те горюхобиты, которых мы только что видели.

— Аналитики проверяли вероятности? — Тут и Сашку оставило веселье.

Алексей постарался слиться с темнотой, чтобы не напоминать о себе. Раз уж разговорились странные знакомые, то хоть так узнает, чем они занимаются. Судя по нескольким репликам, оба были не вольные поисковики или частники, а люди вполне организованные. Вот только кем и с какой целью?

— Больше нет точек для успешного перехвата чужими, — Яр отряхнул пальцы от подсохшей грязи. — Тот, кто забрал свитки, действовал в рамках неизбежного. Точка нулевой...и всё. Мы здесь и сейчас при разбросе в несколько недель.

— Придётся постараться. — Сашка повёл плечами. — Мне не нравится ткань в старой части города.

— Возможная аномалия, — согласился Яр. — Немного напоминает один случай из школьной практики. — Он даже улыбнулся воспоминаниям. — Провалы в пространстве.

— Слышал. Помню. Всех спасателей и самого на уши поставили. Тут не пространство, Яр. Точнее, не только оно.

— Догадываюсь.

После неудачи они с Сашкой очень быстро поладили, все остроты и напряжение были позабыты. Алексей поразился, как мгновенно эти двое стали командой. Это чувствовалось. Сам историк перестал понимать и минимум смысла, состоявший из знакомых слов.

«Сакральный дар, а теперь и свитки. Все что-то разыскивают», — с некоторым раздражением подумал он.

— Предлагаю заняться второй частью, а по первой проверить библиотеку, — непривычно серьёзным тоном сказал бывший попутчик. — Небольшая вероятность, что свитки там, есть. Информация от Ильи была повреждена.

Ярослав потоптался на месте раздумывая. Алексей шумно втянул воздух, в висках заломило. Так случалось, когда он долгое время боролся со сложной задачей или искал неясные факты, ловя их в мутном потоке информации.

— Так. Всё. — Не повышая голос, он расправил плечи, выпрямился, готовый требовать и добывать ответы любой ценой. — С момента приезда в город меня водят за нос, подсовывая загадки, недоговаривают и запутывают. Уверен, что отгадок у вас предостаточно. Неспроста же потащили на ночную прогулку малознакомого человека. Выкладывайте!

Яр и Сашка молча переглянулись, точно спрашивая друг друга о чём-то. Оба одновременно кивнули.

— Нам бы место поприятнее, — добродушная улыбка вернулась к попутчику, сделала лицо мальчишески юным. — И поесть.

— Я не хотел бы пугать родственницу ночными визитами чужих людей, — Алексей оставался сдержан, не доверяя располагающему тону Сашки.

Теперь-то он вытрясет с них все сведения. Возможно, они хотят получить от него встречную услугу, иначе не взяли бы с собой. Вот тут он и поторгует за информацию.

— Публичное место не подходит, — Яр последний раз прошёлся светом по развалинам. — Не для лишних ушей разговор. Но прежде, библиотека. Будем придерживаться плана.

Переговариваясь, троица продвигалась к выходу из развалин. Казалось, что рассвет уже подступает, что вот-вот проклюнется первая предутренняя дымка в сумраке. Звуки зазвучали громче, откликаясь в глубине леса. Невольно все замолчали.

Так и вернулись к заброшенному полустанку, перешли на противоположную сторону, где приютился небольшой обломок станционных сооружений. Очередной товарный поезд не заставил себя долго ждать. Точно расшалившиеся мальчишки, они вскарабкались на открытую грузовую платформу. Город встретил их тишиной раннего утра и изморосью.

Существо было безлико. Вытянутое червём тело непостижимым образом, изогнувшись, расположилось на дороге. Замотанное в чёрное тряпье, оно казалось чернильной кляксой, оставленной нерадивым отроком. Серафим наблюдал, ожидая, что будет происходить дальше.

Медленно перетекая в свете луны в иную форму, необычный гость выдавил из себя подобие рук и ног. И вот, вроде бы обычный человек стоит перед камнем, но очень бледный и безволосый. Через прозрачную границу пробилась к Серафиму беспокойство и давящая боль в сердце. Стержень внутри заколебался. Чужое, противное человеческому духу пыталось к нему проникнуть.

Под молочной кожей, натянутой на месте лица, заходило ходуном, заволновалось, выпячивая бугры. Моргнул Серафим, а у существа появились человеческие черты. Грубые, точно топором высеченные, не мужские и не женские, но понятные для любого. Кривой рот раскрылся, показывая острые кинжальные зубы.

Глубоко вздохнул послушник, да так и замер, боясь пошевелиться. О прозрачной стене опасался и думать: нельзя сомневаться в её крепости, никак нельзя.

— Где ты? — ухмыльнулся гость, прищурил маленькие складочки глаз. — Вот он я, показался тебе. Теперь сам выходи.

Не ответил Серафим, сильнее сдержал дыхание.

— Я чую, чую твой дар, Степанушка, — скрипуче пропело существо. — Окреп он с годами, стал слаще и сочнее, — звонким стеклом посыпался знакомый смех. — Дай испробовать хотя бы малую толику.

Показалось, что чёрный длинный язык выпростался из щели рта и скользнул по тонким губам, оставив блестящую дорожку. От омерзения послушник задохнулся, сжал пальцы в кулак — до рассвета бы достоять, удержаться от беса. Не такими представлял себе юноша искусителей. Иначе изображали их храмовые служители.

А голос существа манил приятной лаской, уговаривал, сладко скользил по преграде, догадываясь, где спрятался послушник.

— Стойкий ты, Степан. Как ни убеждал я тебя, как ни хотелось сорвать плод пораньше...

— Так и не сорвёшь! — За спиной врага светло-синим бликом показался странник, будто соткался из голубых и белых искр, провёл быстрой рукой по стальным широким наручам на левой руке.

Существо зашипело, оборачиваясь, кружа на месте, выскивая удобную позицию для противостояния.

— Не тебя я звал, иномирец! Рано пришёл, не завершено испытание.

Отростки конечностей втянулись в раздувшееся бледное тело, где под тонкой оболочкой бились узлы и жилы. Гость пытался казаться крупнее и опаснее, нависая над странником. Тот же провёл ладонью перед собой приказывая:

— Отступи, — мягкие черты застыли, наполняясь грозой, стали резкими и властными.

И существо опало, отползло на шаг назад, вернув человеческий облик. Во все глаза Серафим глядел на фигуры возле камня. Лунный свет проложил границу между ними, освещая дорогу. Лики — совершенный одного и пугающе-безобразный другого — чёткими

линиями проявились в темноте.

— Как бы я хотел добраться до твоей сердцевины, княжич, — прошелестел бледный.

— Она тебе не по зубам, — иронично усмехнулся странник. — Возвращайся, откуда явился. Я не стану сообщать Конструкту, что ты нарушил договор, но помни, пожиратель Дзиф — я ничего не забываю.

— Где?! — Мерзкий гость весь затрясся от возмущения, заелозил по земле ногами-обрубками, кожа начала оплывать волнами. — Где я нарушил правила?!

— Соискатель прошёл испытание, — с силой ответил странник. — Его время и дар достаются этому миру.

— Или тебе, иномирец! — Резко дёрнувшись вперёд, существо попыталось ударить ненавистного врага в грудь.

Серафим, видя это, еле сдержал возглас. Огромных усилий ему стоило оставаться на камне. Так и хотелось сойти вниз, встать рядом с тем, кого он знал с детства, вместе бороться с бледным бесом.

— Я раздаю, а не забираю.

Странник смотрел прямо в текучее лицо существа, менявшееся каждое мгновение. Лысая голова беса раскачивалась перед глазами. Жадный рот испускал слюну. Человек не отвёл от мерзости бесстрастного взгляда.

— Иномирец — ты. Это мой мир, поэтому растворишься, пока я тебя сам не выкинул. Тебе не понравится.

Ничего не понимал Серафим. Слова, боровшихся за него, оседали в сознании, но оставались закрытым коробом.

Отплыв назад, существо растянуло кривую щель, ухмыльнулось.

— Ты силён, княжич времени, со всеми Конструктами и Советами в вечном договоре, но со смертью договориться не смог, — гадкий смешок полетел в странника. — Все знают, что забрали у тебя. Желанное тело обратилось в гниль. А душа...

— Думаешь задеть? — Лишь на миг дрогнули веки у спасителя. — Забыл своё место? Изыди! — И странник простым кивком подтвердил силу желания.

Повинуясь невидимому удару, существо сжалось. Искривилась длинная и белая туша в чёрных обмотках, втянулись черты и конечности в истончающееся тело. Он пытался сопротивляться, незримо цепляясь за твердь, пыжился бросить в лицо врага последние угрозы и обещания.

— Не навсегда. — Хрустальный выдох разбился о камень. — Дзиф упорен в желаниях. Моя добыча. Я отомщу. И твой свет можно исказить.

— Свет? — Только половина лица странника изобразила улыбку, вторая же часть, где виднелись шрамы, осталась неподвижной и мёртвой, испугав Серафима. — Ай-яй, Дзиф плохо знает, с кем имеет дело. Спроси у тех, кого я отдал, следуя правилам, кому смотрел в глаза, выжигая кривду, кто всегда оставался мелкой песчинкой на пути большого потока. Они так и не узнали, каким силам послужила их смерть.

— Наивный княжич. — Тело существа оплывало, кожа истончалась. — Для Дзифа не тайна твои страдания. Не притворяйся нейтралом. Ты чувствуешь, а значит, подыгрываешь одной из сторон. Для муравьёв, видящих только землю перед глазами, этого достаточно, чтобы верить в твою доброту. В этом слабость и наживка для человеков. Они прозвали тебя Даром. Они тянутся к тебе.

— Время не имеет окраски. Попробуй исказить Конструкт, пожиратель. — Странник

поднял руки с раскрытыми ладонями, усиливая намерение убрать врага с дороги, как будто отталкивал от себя бесформенное существо. — Придётся доложить о нарушении договора. Тебе больше не позволят участвовать в испытаниях.

Существо закричало точно придушенная ворона.

— Дзиф найдёт способ. Добрый плод употребим во зло. Наивный княжич сам поможет Дзифу.

Бес слабел. Голос растерял звонкость, дребезжал.

— Тогда и поговорим, — тот, кого гость назвал «княжичем», отвернулся, словно потеряв интерес к беседе.

Лунный свет, лежащий полосой на дороге, разорвало лоскутом, куда и затащило беса. Устало, без улыбки поглядел странник на Серафима.

— Как взойдёт солнце, можешь спуститься с камня. Ловец душ больше не придёт к тебе, но это не значит, что оставят в покое обычные опасности и беды. Живи, Серафим, и служи своему дару. Исполни главное.

Не посмел послушник сказать, что мучило разум.

«Какие тайны открылись малому грешнику? Отчего позволил Господь узнать такое? Или это всё происки врага человеков?»

— До всего есть охотники, Серафим. — Странник легко прочёл незаданный вопрос. — Одни живут рядом с нами. Иные приходят из дальних мест. Кто-то готов честно обменять свою силу на желаемое. Есть такие, кто забирают хитростью или насилием. У человека немало того, что может заинтересовать охотника, но как князь запрещает добычу зверя по своему разумению, так и... — Он на лету поймал готовое сорваться слово, подыскал другое. — Так и господь не позволяет охотнику бесчинствовать в ловле людских душ. Испытания ты прошёл, поэтому забудь об увиденном.

Странник поднял руку, и осыпалась искрами прозрачная стена перед камнем. Чуть заметно соединил пальцы в горсть и потерял Серафим нить разговора. Мгновенно стирались из памяти образы мерзкого гостя.

— Помни только, что ценный дар несёшь в себе. Храни его и отдавай миру в нужный час.

Голос странника послушник воспринял не слухом, а самим сердцем. Пуста была дорога, а над горизонтом золотилось оранжево-алым. Заря, румяно окрашивая небо, поднималась выше. И ложились лучи солнца косо на дорогу, золотили всё вокруг, густели светом.

Таким ярким я свежим показался Серафиму мир, что восхитилась душа. Он полной грудью вдыхал запахи утренней влаги с полей, травянистую терпкость и смоляной дух леса. Пряно пахло рождающееся солнце. Ликовало сердце, заполняясь покоем и уверенностью в служении. Ощутил он, как крепнет внутри сила и стальной стержень, что так давно вёл его в неведомое. Помнил послушник, что три дня осаждали его бесы. Не забыл он и странника. Остальное же полностью истаяло, будто снег по весне.

Игумен Илия медленно ступал по дороге. Увидев послушника, впервые улыбнулся в бороду. А Серафим неожиданно осознал, что не так уж и стар настоятель, как казалось.

— Спускайся, брат, — просил Илия. — Не быть нам сродичами по монашеству, но духом мы вместе стоим против всего, что уничтожает человека.

Рядом они прошли до монастыря, и, пока не вошли в обитель, Серафим решился спросить со всем почтением:

— Вы ведь ведаете, отец Илия, с кем приходилось мне говорить? Я называю его

странником...

— Молчи, Серафим, — тот остановился, ударил посохом оземь, брови сурово свёл. — Не с каждым можно говорить о нём.

— Я знаю, что с вами можно, — не унимался послушник, ощутивший свободу и правду рядом с монахом. — С детских лет я скрывал его в своём сердце...

— Скрывай до последнего часа. Не тебе дано слово о нём.

— Кто он?

— Только тот, кто служит, как любой из нас. Делает свою работу для...

— Господа?

Задумался Илия, прошёл немного ближе к монастырским воротам. Там обернулся к Серафиму.

— Для Господа... Пусть так. Готовься к служению, Серафим.

Молчаливая компания из трёх молодых мужчин плутала по кривым улочкам старого города. Иногда останавливаясь, Сашка закрывал глаза, расслабленно опускал руки. Его короткие, но, как оказалось, чувствительные пальцы медленно шевелились, точно перебирая струны гитары. Ярослав в такие моменты рассматривал браслет на руке, сосредоточено водил по нему пальцами и хмурил брови.

Алексей мысленно отгородился от непонятных ему действий, отложив вопросы. Он рассчитывал, что место для разговора будет найдено быстро. Там они не смогут отвертеться. Об опасности историк не думал. Если уж его не оставили гнить в развалинах Троицкого монастыря или в лесу, то в городе ничего не произойдёт. Правда, судьба Борисыча внушала опасения, но к смерти бывшего мента эти двое вряд ли имеют отношение.

Чем больше историк думал над отравлением, тем сильнее росла уверенность — и опер, и полковник Васильев прекрасно знали, что случилось в квартире. Смерть Борисыча пресекла ненужные разговоры с чужаком, а заодно стала поводом припугнуть гостя города. Уезжать Алексей не собирался. Не на того нарвались.

Сашка осмотрелся, после очередной остановки посреди улицы:

— Тут довольно сильно.

Они находились ровно напротив кафе-бара «Часики», где Алексей обедал с Ксаной. Приятные и не очень воспоминания на мгновенье заставили позабыть обо всём другом.

Следом пришла мысль о жителях города за соседним столиком. Он впервые увидел полковника, который с подозрением наблюдал за чужаками. И странные часы...

Всё разом вспыхнуло в сознании, наперебой напоминая о себе. Мысли об Оксане логически завершились образами представителя фирмы, стоящего посреди привокзального ресторана, и Сашки, который активно о чём-то с ним говорил.

«Так они, как и Ксана, работают на фирмача. Разыскивают икону. Или искусствоведу поручили заниматься Сакральным Даром, а бравым ребятам свитками?»

Открытие неприятно кольнуло Алексея. Он насторожился.

За большими и пыльными окнами кафе-бара царила темнота. Ярослав повозился с браслетом.

— Потoki нарушены. Немного напоминает песочницу, где только что копались с десятков детишек. — Он зафиксировал взглядом вывеску. — И название-то такое...хм...

«Ага, так я вам и сказал про часы». — Мысленно Алексей прикусил язык.

Подняв руку перед собой, Яр направил браслет на кафе-бар.

— Отправим аналитикам. Слишком скудные сведения о городке, а дело нехорошо пахнет.

С выводом военного Алексей не мог не согласиться. Он и сам думал так же. Несколько дней в городке показали непривлекательную сторону жизни тихого провинциального места, но библиотека всё равно оставалась жемчужиной в куче грязи.

Туда они и направились после кафе.

— Нескоро откроется. — И как Алексей сразу не сообразил, что двери в здание закрыты, рассвет чуть обрисовал серые контуры домов.

Город спал. Только странная тройца застыла возле библиотеки. На дверях висел приличных размеров замок, но Яр в первую очередь заинтересовал парадный вход.

Несколько минут он ходил по площадке возле загадочной двери, выполненной по заказу промышленника Смурова, крутил браслет на руке и так и этак. Алексей совершенно не разбирался в технике, поэтому так и не понял, что за штука пользуется постоянным вниманием Яра.

— Ярик, а текст прочитал? — тихо с мягкой улыбкой напомнил о себе Сашка.

Их игра в колкости продолжилась, стоило чётко определить дальнейшие шаги. Алексей, знавший о надписи на дверях, давно сделался молчаливым спутником. Он понемногу копил яд и недовольство, чтобы будущий разговор не прошёл впустую. Делиться информацией историк точно не собирался.

— Благодарю за беспокойство, — процедил Ярослав сквозь зубы. — Прочитал.

— Городу требуются перемены. — Сашка сунул руки в карманы и с лёгкостью пробежался по ступеням наверх, полюбоваться дверью.

— Команда зачистки ему требуется. — У Яра разом испортилось настроение.

Закончив с изучением входа, они направились в проулок, но с противоположной стороны от дома бабы Вари. Раньше Алексей не замечал, но в фундаменте здания были уложены крупные валуны, которых немало встречается в местных лесах. Пока спутники рассматривали верхушку библиотеки, он присел и положил ладонь на один из камней. Шершавый бок был холодным и немного влажным.

— Идём, — позвал Яр.

— Тихо. — Алексей прислушался, ему показалось, что из недр здания, из-за стены слышан неясный звук или вибрация.

Заинтересованный Ярослав с готовностью присел рядом, положив обе ладони на стену.

— Да. Внизу. За мной!

Бросив короткий взгляд на Сашку, он сорвался с места, обогнул библиотеку, вернувшись через мгновенье.

— Грузовое окно, — Яр позвал к себе взмахом руки.

Алексей на секунду помедлил. Всю ночь перстень на пальце военного не давал ему покоя. Вначале думал, показалось. Об этом он обязательно спросит. Почему-то историк был уверен, что на украшении существует латинская «Т», как у Казимира Смурова. Непонятная связка. Двое приезжих и бывший журналист. Они же и представитель неизвестной фирмы.

— Вниз, — резко повторил Ярослав.

Алексей будто очнулся. Рассеянно посмотрел на небольшой лаз, через который библиотека принимала в хранилище упаковки с книгами. Алексей невольно подумал о том, как же легко будет застрять в чёрном проёме. Он даже ярко увидел, как висит вниз головой в библиотечном полуподвале.

Не тратя времени на размышления, Яр ловко скользнул ногами вперёд в узкий лаз. Ещё пара секунд, и шорох одежды по стали прекратился.

— Ты жив? — шёпотом крикнул Сашка в темноту.

Глухим эхом в ответ неразборчиво пробурчал голос Яра.

— Полезай!

Алексея подтолкнули в плечо, впрочем, довольно дружески. Он скептически усмехнулся, но прополз в отверстие, держась руками за боковины. Скат резко уходил вниз, и сила притяжения не дала удержаться. Гулко оббиваясь об стены, историк свалился в полуподвал. Сверху ухнуло, задрожало и, гикнув, тяжело упало на пол.

— Хорошо, что слоны не летают.

Не глядя, съязвил Яр, с удовольствием отвечая на предыдущие подколки Сашки.

Он поднялся по деревянной лестнице и проскользнул в тёмное помещение библиотеки. Спотыкаясь, две фигуры бегом бросились следом. Подумав о сигнализации или, на худой конец, стороже, Алексей представил очередной визит в кабинет развесёлого участкового Генки. В этот раз местная милиция с удовольствием припишет нераскрытое дело гостю города.

Они благополучно вышли в холл, потонувший во мраке. Чуть слышно поскрипывало старое дерево лестницы, шорохи внушали опасения. Оглядевшись, они быстро продвинулись дальше. Казалось, что Ярослав неплохо ориентируется в здании. Он уверенно привёл их к двери, скрытой за выступом стены. Архитектура библиотеки продолжала поражать неожиданностями.

Из-за двери доносились глухие удары и звук работающей техники.

— Кто-то разбирает библиотеку по камешку? — Сашка осклабился и прильнул к двери.

Несколько минут они слушали тишину, прерываемую вибрацией и ударами. Потом, бывший попутчик развернулся лицом к приятелям.

— Один человек.

Алексея удивила подобная точность. За прошедшую ночь новым знакомым удалось не единожды поразить его. Первым внутрь зашёл Ярослав.

— Осторожно, лестница. Скользкий камень.

Библиотека преподнесла новые сюрпризы. Невозможно поверить, чтобы в современном здании встретился антураж средневекового замка. Алексей не знал, смотреть под ноги или туда, где активно велись работы. Он пытался быстрее увидеть полную картину происходящего.

Несколько раз он коснулся рукой стены с каменной кладкой. Ладонь соскользнула, проехав по влажной поверхности. Со спины напряжённо дышал Сашка. Вероятно, он так же опасался свалиться и переломать себе все рёбра.

Лестница завершилась квадратной площадкой, отгороженной от основного помещения, стеной с аркой. В неё-то они осторожно и заглянули. Удары о камень громыхали, нещадно били по перепонкам.

— Варварство, — Яр не сдержал эмоций, что так было на него не похоже.

Голос потонул в звуках работающего отбойного молотка. И как только маленький, щуплый Воробышев смог просто поднять инструмент! Алексей сразу же узнал заведующего библиотекой, о чём потрясённо и сообщил товарищам.

Небольшое помещение освещалось фонарём возле основного места работ. У аркообразной ниши, низ которой был почти потерян в груде отбитого каменного сора, возился маленький, словно мальчишка Воробышев. Самым тщательным образом он рассматривал стену, залезал руками в образовавшиеся трещины и проёмы.

«Ещё один кладоискатель», — с дрожью подумал Алексей.

Он не мог совладать с волной ужаса, внезапно накатившей на него. Было в открывшейся картине нечто неправильное, непозволительное, обозначенное Ярославом одним метким словом «варварство». На языке горели слова и похуже.

Историк не сразу осознал, что виной всему взгляд молодого мужчины на полустёртой фреске. Неканоническое, но явно очень старое изображение походило на классическую церковную роспись. Если бы не яркие детали.

Ни время, ни сырость не смогли уничтожить пронзительного взгляда, который делал

правильное, с мягкими чертами, лицо живым, дышащим, наполненным смыслом. Светлые глаза смотрели в самую душу осколками неба, смущая, но не позволяя отвернуться или прервать связь. Человек не обвинял, не спрашивал, ничего не требовал. Он безоговорочно принимал каждого, кто видел и искал ответы.

В груди Алексея тяжело заворчалось смутное, не оформившееся, что когда-то было живо, но давно покрылось толстым слоем перегоревшего пепла. Не помнил, потерял ниточку, что тянула в неведомое. О чём он мечтал? От каких желаний отказался ради сиюминутности? Десятки возможностей, если бы не остановился на полпути, не струсил, не решил, что слишком бездарен...

Всё разом обрушилось на Алексея, пронизывая каждую клеточку тела.

— Вот это взгляд, — потрясённый историк не заметил, как произнёс вслух то, о чём думал.

— По-моему, он должен это разрушить, раз уж кое-кто облажался, — прошептал Сашка, в его голосе неожиданно прозвучал металл. — Почему команда не законсервировала объект?

Не веря тому, что слышит, Алексей с недоумением смотрел на Яра, точно от него ожидал опровержения слов не менее диких, чем действия библиотекаря. Всё-таки Ярослав здесь командует.

— Наследили отменно. Весь город нужно полностью проверять, — ледяной тон не оставил сомнений, что с Сашкой он заодно.

У Алексея же физически заболело сердце, когда Воробышев принялся дробить фреску. Прежних разрушений ему показалось мало. Историк не понимал, какие обстоятельства могут требовать уничтожения исторической ценности. И без экспертизы, на основании собственных знаний он понял, что изображение не стилизованный новодел. Ошибки быть не могло. Невольно дёрнулся всем телом, когда отбойным молотком заведующий прошёлся по лику. Яр подставил руку удерживая. Сашка положил сзади ладонь на плечо, сжал, зашептал в ухо:

— Ш-щ, больно, знаю, но необходимо. Всё имеет смысл. Скоро объясним.

Над полом струилась взвесь из мелкой строительной пыли. Воробышев продолжал разрушительные поиски, и Алексей знал, что тот ищет. «Фирмач» был настойчив в желании заполучить «Сакральный дар».

— Уходим, — коротко приказал Яр, проведя ладонью по лицу, будто желал стереть не только налипшую грязь, но и память об увиденном. — Он сам довершит необходимое нам.

Чувство опустошённости не покинуло Алексея. Он думал, что стоит перестать смотреть, мысленно отстраниться от увиденного, и наступит безразличие, но сердце историка не желало забывать. Себе он казался предателем, который не вмешался, не помешал убивать нечто необыкновенное и живое.

Он не сразу сообразил, что Яр направился в сторону музея. Впрочем, покинуть библиотеку они всё равно не могли. Двери оставались заперты снаружи. У Воробышева наверняка был запасной выход.

Знал ли о нём Ярослав? Так или иначе, пришли они сюда по делу.

— Проверь сигналку и замок.

После событий в подземелье и Яр оставался хмурым. Собравшись, отложив в сторону все сантименты, приказы он отдавал коротко и чётко. Сашка ничуть не обижался на строгий тон. Как никогда прежде, Алексей ощутил невидимую иерархию между ними.

Приказ был исполнен. Несколько движений рукой возле замка и по контуру двери удивили историка. Как и на улицах городка, Сашка продолжал «чудить».

«Экстрасенс? Какая организация станет серьёзно использовать сомнительные методы?»

Алексей никогда не верил в тайные знания, магов, колдунов и прочих ведающих, которых немало сейчас развелось. Поэтому и теперь скептически наблюдал за манипуляциями попутчика.

— Нет сигналки. Что за город? Как здесь люди живут? — тот пожал плечами, даже руки развёл в стороны, показывая всю степень собственного изумления. — Замок К342.

Яр уже подносил к двери небольшой металлический цилиндр. У самого замка приборчик пискнул, внутри несколько раз щёлкнул механизм, будто проворачивался ключ, и дверь осталось только распахнуть.

В помещении музея всё было по-прежнему, как запомнил Алексей. Его спутники быстро и явно целенаправленно осмотрели экспозицию. Сашка с улыбкой обернулся.

— Тебе не любопытно?

— Я видел. Здесь есть фотография прапрадеда, доктора Лукашова.

— Доктор? — Военный обернулся. — Доктор Лукашов — твой предок? — Он смотрел с интересом.

— Это что-то значит? — вкрадчиво поинтересовался Алексей.

Про записи под стеклом он смолчал. Пока не услышит объяснений и слова не скажет. Яр осветил фонарём стену с портретами Смурова и Лукашова.

— Да, похож. — Яр бросил ответ поспешно, будто пресекая дальнейшие расспросы.

Алексей подошёл ближе.

— А ты знаешь, Яррик, что я вижу? — заулыбался Сашка.

Меланхолия его быстро улетучилась. Не мог он долго оставаться в печали. И не поддевать сурового Ярослава никак не получалось. В итоге все выводы историка о субординации между приятелями полетели к чёрту.

— Знать бы, что вижу я, — проворчал военный, водя лучом света по изображениям двух известных и уважаемых в городке людей. — Хватит уже шутки шутить. Видишь же, что дело серьёзнее, чем рассчитывали. Не просто найти и перепрятать в хранилище.

— Ладно-ладно, убедил. На фото промышленника Смурова погляди.

Слова Сашки заинтриговали и Алексея. Вытянув шею, они всмотрелись в изображение мужчины в дорогом сюртуке. Холёное лицо с фамильными чертами, как напоминание о зрителе музея Казимире, правая рука свободно лежит на подлокотнике кресла. Довольный жизнью состоятельный человек, но историк не заметил ничего необычного.

— Ну, — нетерпеливо Сашка переступал с ноги на ногу. — Смотри же!

Стремительным движением, Яр полез в недра куртки и извлёк пуговицу, найденную в тайнике на развалинах монастыря.

— Похожа, — редкая для Ярослава улыбка показалась в уголках рта.

И правда, на рукаве мужчины с фотографии в рядок сидели три пуговики, точно сёстры той, что держал в руках военный. Удивительным человеком оказался попутчик.

— Так давно? — Алексей пытался сопоставить даты. — Промышленник очистил тайник, когда Троицкий монастырь существовал в целостности и сохранности.

— Запросто, — махнув рукой, Сашка наклонился к стеклянной витрине внизу. — Такого солидного человека мог принимать сам настоятель, спокойно оставить его одного в кабинете или как там у них это называлось. Никто не заподозрит в воровстве ценной вещи.

— Последний настоятель не знал о тайнике, — пояснил Яр.

Они опять переглянулись, когда военный направил свет на раскрытые книги.

— Какая прелесть! — не без сарказма воскликнул бывший попутчик. — Тот, кто раскладывал экспонаты, точно знал, что делает. Это вызов.

Самым внимательным образом Ярослав изучил книги под стеклом, прочитал текст и задумался.

— Мы можем забрать... — предложил Сашка. — Не свитки, так это.

Не ответив, Ярослав углубился в работу с браслетом. Стоя довольно близко, Алексей рассмотрел непонятное устройство, состоящее из одной тёмной, гладкой вставки в кожаную оправу. Когда военный коснулся поля, на нём загорелось несколько зон. Небольшая вставка оказалась поделена на участки, заполненные символами. Яр долго выискивал что-то среди значков, нажимал некоторые из них.

— Нет. Нельзя пока забирать. Вспугнём. — Он опустил руку, и экранчик на кожаном браслете погас.

— Значит, свитки в городе, — Сашка кивнул на дневник доктора Лукашова под стеклом стенда.

Внезапно пол вздрогнул от тяжёлого глухого удара. Трое мужчин замерли. Яр резко погасил фонарик. В глубине комнаты, где громоздились шкафы с витиеватыми узорами на дверцах, урочно заурчало. Сашка медленно протянул руку, мягко провёл ладонью, словно гладил воздух, тяжело выдохнул.

— Разлом, Ярик. Почему я сразу не проверил...

— Шутил много, — огрызнувшись, военный включил фонарь.

Алексей заметил, каким напряжённым стало лицо Яра, губы сжались. Несколько шагов он прошёл так, как будто под ногами было минное поле. Луч света метался между шкафами, полом и аркой потолка. Шорохи и урчание затихали на короткое время, но слышались снова и снова. Тихо откликалось писком. Понять, откуда идёт звук, не выходило.

— Кот, — Алексей вспомнил о грузном питомце, который и в прошлый раз заставил его нервничать, скрываясь на шкафу. — У зрителя музея. Кот Хонсу на довольствии библиотеки.

— Это он кота так назвал? — изумился Сашка.

— Поглядел бы я на этого кота, — нехорошим, осипшим голосом отозвался Ярослав.

Круг света от фонаря Яра пробежал по паркету, выхватив пустоту между покосившимся буфетом и книжным шкафом. Оба были из тёмного дерева, местами рассохшегося и в пятнах.

— Фу! — невольно вырвалось у Сашки.

— Здесь разлом?

Ярослав, словно желая вызвать у спутников больше эмоций, приблизил фонарь к тельцу, распластанному на полу. Судя по всему, его открывшаяся картина ничуть не тронула.

Алексею приходилось видеть раздавленных животных, случалось встречать удушенных и потрёпанных котами птиц и мышей. Когда тебе десять лет, и ты мальчишка, которому интересно всё, а чувство опасности незнакомо, то сунешь нос куда угодно. Особенно вместе с друзьями и на спор. Его детство прошло в обычном городском дворе, где встречалось всякое, но такого он не ожидал.

Мелкую крыску не просто распотрошили или перегрызли на части, как это случается среди животных. Тушку пытались сожрать слоями, точно бисквитный торт, слизав вместо крема верхнюю часть спинки и головы. Лапки зверька продолжали дрожать и дёргаться, маленькая пасть раскрывалась несмотря на мизерные остатки мозга во вскрытом черепе.

— Если это сделал кот... — карие глаза попутчика округлились.

— Проверь, — приказал Яр, не желая слышать ничего кроме нужной информации.

Его товарищ нехотя присел над крысой, подержал ладонь над местом жестокой расправы.

— Слабая аномалия. Не чувствую разлома, но он был.

— Разлом убежал, — язвительно хмыкнув, Яр тщательно осветил все прилегающие углы и верх буфета.

Размытая тень перетекла по потолку в самый дальний угол. Алексей зажмурился на секунду и решил, что так причудливо отразились предметы, выхваченные белым лучом. Он ничего не сказал остальным. Не терпелось скорее покинуть библиотеку. С рассветом в здании появятся уборщицы. Не хотелось бы столкнуться с бабой Варей.

Покинув музей, они легко нашли другую запасную дверь. Ярослав всё-таки знал план библиотеки, в этом уже не было сомнений. Металлический цилиндр помог с замком, а Сашка, поработав с ним, сообщил код. Для Алексея оставалось загадкой, откуда он берёт эти цифры и что они означают.

— Где будем говорить?

Всей компанией они скрылись в проулке, ведущем к дверям квартиры родственницы. Ни на минуту Алексей не забывал об обещании. В голове давно царил хаос и любые логические построения рассыпались. После бессонной ночи требовалась хорошая чашка кофе и чёткие пояснения от новых знакомых.

— У тебя. — Не раздумывая, Яр направился в сторону зелёной двери.

Алексей открыл было рот, чтобы возразить, поражаясь прямоте военного, но дверь запахнулась и на пороге возникла Варвара. Приближалось её рабочее время.

— Ох, Алёшка! Не жалеешь ты старуху! — она радостно выговаривала историку за ночное отсутствие. — Живой.

Историк внезапно вспомнил о неприятном «подарке» для уборщицы на полу музея. Новые неприятности на голову бабы Вари.

— Доброе утро, — широко заулыбался Сашка. — Нам бы кофейку. Можно?

— Да, что ж, заходите, — легко согласилась старушка, попадая под его очарование.

Когда-то и администраторша Маринка сдалась без боя. Перескочив на другую мысль, Алексей изумился, как запросто бывший попугчик вертит окружающими, добиваясь нужного результата. Родственница уже ушла в сторону библиотеки, а Алексей продолжал смотреть ей вслед.

— У нас мало времени, — сдержанно напомнил Яр.

Они зашли в дом.

Настоятель сурово замолчал, пресекая прочие вопросы. Они вернулись к обыденности, на которую Серафим взирал с отстранённым изумлением. Лишь на монастырском дворе послушник ощутил усталость и голод. Илия дал позволение отдохнуть один день.

Затем Серафим простился с Троицким монастырём, отправился в нелёгкий путь. Стержень в нём обрёл постоянную силу. Весь мир будто бы проходил через него, оставляя частичку себя, как малые семена, прорастающие знанием. Чудилось, что многое стало доступно.

На первое время он взял с собой круг хлеба да одежду, что имел на себе. Шёл, куда вело сердце, а по сути, кружил неподалёку от монастыря. Несколько дней Серафим искал место, уготованное ему для служения. На каждый уголок, что казался избранным, не откликалось силой.

На третий день Серафим вышел к берёзовой роще, утреннее солнышко начинало пригревать листву, мерный стук дятла гулко разносился по лесу. Приглянулось монаху это место. Серафим присел на траву, размышлял, спрашивая себя о верном выборе. Глубоко он задумался, ничего не замечал. Кто-то легко коснулся плеча.

— Дядя, ты странник?

Мальчонка лет десяти, русоголовый и светлоокий, стоял перед ним, доверчиво смотрел в глаза.

— Я-то? — Неожиданно Серафим задумался. — Пожалуй, что и странник.

— А мы с батей тут дерево смотрим. Он плотник.

В словах ребёнка было столько детской безгрешной гордости за отца, что монах заулыбался. Почуяло сердце, что не просто так повстречал он плотника в диком лесу.

— Мне здесь скит строить, — словно сам себе сказал Серафим, оглядывая макушки деревьев.

Вышел к берёзам и бородатый плотник, отец мальчика, поклонился молодому послушнику, приняв за монаха.

— Здравствуй, божий человек.

— Добрый день тебе, плотник. Сын твой, чистая душа, поведал о деле, что привело сюда. У меня же тут служение. Не монах я, но по велению господина должен построить скит.

— Бог тебе в помощь. — Ещё ниже поклонился плотник. — Если позволишь, помогу тебе.

Улыбнулся Серафим, так как было сказано ему в сердце, что коль будет такова речь плотника, то это тот человек, который ему нужен.

На том они и решили. Назавтра должен был прийти плотник, что звался в поселении Кузьма, и начать работу вместе с Серафимом. Ибо это было и его служение тоже. А пока остался молодой послушник один в лесу, развёл небольшой костерок, чтобы согреться в ночной прохладе, когда придёт время.

Серафим помолился, не знал, что ждёт его, как сложится дело и какие силы придётся преодолеть, чтобы исполнить волю странника. Он знал только служение, но путями не ведал.

Серафим подумал о страннике. Тот, верно знал пути, но молчал о них. Прислушавшись к себе, послушник отыскал стальной стержень, переполненный силой. Всё хранила душа,

подсказывала, что скит будет построен. Что дальше, ведать было рано.

Серафим успокоился, доверился течению времени. До вечера выстроил себе убежище между деревьями, покрыл ветками, зная, что долго предстоит спать под открытым небом. И с помощниками долгой будет дорога в невидимую пока обитель.

Сидя под переплетением ветвей, глядя на огонь, Серафим ушёл в грёзы, задремал и увидел бывшую невесту Василинку. Без горечи в сердце простил сам и испросил прощения.

Ничуть он не сожалел, что оставил богатую лавку и дочь купца. Было то для него таким же искушением, как и морок возле камня. Не купился, не дал слабину, позабыв зов и огонь зарождающихся слов.

Он знал, никогда не поняла бы Василинка пути, накрепко привязала к земному, отчего внутренняя крепость Серафима разрушалась. Сам он рушился, становился не тем, каким сотворил его господь. Другим он был, другим. Иным было и его служение.

Серафим проснулся и вздохнул. На миг он представил, как сгорала в слезах от позора Василинка. Вечная невеста при сбежавшем женихе. Как старился горем и обидой купец.

Но даже ради их счастья не смог бы Серафим поступиться тем, для чего был рождён. Иначе гибель грозила бы чему-то большему, чем его душа. Работая в лавке, живя в доме купца, он понял, как затягивает, словно в болото, такое существование, как затмевается разум, теряется нечто важное, глубокое в жизни. И Серафим знал, что не может потерять это. Нельзя. Не должен.

Глаза странника неотрывно смотрели в душу. Серафим видел, как легко поддаться миру. Просто было остаться в доме купца, стать мужем Василинки и владельцем лавки. Но значило это потерять самого себя и предать день на краю леса, когда впервые странник говорил с ним. Жалко было ему невесту, только знал Серафим, жалость плохой советчик. Милосерднее, любя, отказаться, отпустить. Остаётся он, только хуже сделалось бы всем. Погубил бы он тоской по несбывшемуся и себя и Василинку.

До самого утра тревожно засыпал и просыпался молодой послушник. Подкрадывался страх неизведанного, но и, как никогда, Серафим ощущал силу стержня внутри себя, как никогда ожидал нового дня. Для этого можно было оставить всё, что уже было им оставлено. Его путь проходил через душу, оставляя радость и уверенность. Во всём Серафим положился на господя, веря, что тот не оставит его без помощи.

Поднявшись рано утром, радостно послушник оглядел золочёные низким утренним солнцем стволы берёз, поляну. Чутким ухом уловил возню и щебет птиц, где-то в кронах деревьев. Хорошее было место, хорошее.

— Добрый человек, мамка велела передать. — Звонкий мальчишеский голос распугал птиц в роще.

Обернулся он и увидел Дана, сына плотника, с полотняным узелком. Благословил Серафим еду, принесённую мальчиком, поблагодарил за заботу. У него оставался монастырский хлеб, но отказываться от дара, принесённого с открытым сердцем, не стал.

Чуть приглушил голод и решил приниматься за дело. С детским любопытством Дан наблюдал за послушником. Нечасто бывали в их поселении и в округе путники, а тем более божьи люди.

Обошёл Серафим место предполагаемого строительства, часто останавливался, думал. Что-то не понималось им, словно недоставало важного для воплощения замысла.

Вслушивался он в биение сердца, в тонкие потоки, идущие через душу, скреплённые стальным стержнем. Наматывалось веретено. И шептал голос странника о новой душе,

которая встретится на пути Серафима. Кто знает, когда и как это произойдёт? Чувствовал, что новый человек поможет ему до конца свершить путь.

Наконец, нечто остановило его, коснулось благодатью души. Так хорошо сделалось, так светло. Огляделся Серафим и заметил островок зелени с мелкими цветками, что в народе сравнивают с глазами любимой, яркие и нежно-синие. Словно сам странник в ожидании смотрел на Серафима.

— Верное место, — радуясь, прошептал послушник.

Он осмотрел крупные камни, которые окаймляли место по четырём сторонам, но решил, что сохранит цветы. Негоже было губить красоту. Шагами измерил примерное расположение скита, оставил вешки.

Шумно, гуртом показались в лесу плотник и с ним жители деревни. Лучшие мастера, что славили поселение, подчинившись зову сердца, вышли, чтобы помочь Серафиму выстроить скит в этом уединённом месте. Серафим изумился чуду и поблагодарил каждого.

— Есть ли у вас ещё мастера? — поглядев на деловито работающих людей, спросил послушник у плотника.

— Все пришли помочь божьему человеку. У нас боле нет, а в городище неподалёку имеются. Да, не захотели они идти. Отказал староста и мастеравые. Прости, послушник, но нехорошими словами они тебя называли. Не пожелали бродяге в служении подсобить.

— Их право, — спокойно ответил Серафим и принял за работу вместе со всеми.

Остаток лета и сухую, тёплую осень, они складывали камни в основании будущей постройки и сооружали стены. С наступлением ночи, когда последний мужчина из деревни покидал лес, молодой послушник продолжал работать.

— До зимы успеть, — говорил он людям. — Там служение будет.

Не только в холодах и непогоде была причина. Знал Серафим сердцем, что с наступлением снежных дней нужна станет обитель. Поэтому так торопился. Забывался сном на несколько часов, а с рассветом поднимался, чтобы исполнить обет, удивляя мастеров силами.

Крепость стали ощущал Серафим внутри. Огненное веретено не позволяло сдаться, вело по пути, словно через послушника текли невидимые потоки, норовя сорваться с кончиков пальцев. Мысли становились яснее, глаза или, вернее, душа видела зорче и глубже. Серафиму чудилось, захоти изменить мир, как подчинится реальность воле. С опасением думал о гордыне, боялся оступиться, взять больше дозволенного. Оттого стремился всю силу направить на работу.

— Не пожалеешь, — шептал он, глядя в ночное небо, устав от трудов. — Всё исполню.

Ближе к зиме новое испытание настигло Серафима. Стал он видеть пути людские, как потоки связывающие судьбы и жизни, как дороги и перепутья живущих. Узнавал он, к чему строит жизнь свою человек, скрывает ли дар или несёт его миру. Все бывшие слова странника проросли в сердце пониманием. Чувствовал молодой отшельник, когда уходил человек от верной дороги. Болью отзывался в нём кривой путь, а истинный поднимал над землёй. Переживал Серафим внутри себя, страдал за оступившихся, ликовал за идущих.

— Об этом ты мне говорил. — Испытывая муку, Серафим обычно молился возле холмика, где кустились яркие цветы, пусть и отцвели они к осени. — Ты же и сам таков, странник.

В иные дни он ни просвета, ни покоя не знал. Особенно тяжело было, если появлялись рядом люди из городища, где мастера отказались помогать в строительстве скита. Торговцы,

едущие с товаром короткой дорогой, с подозрением смотрели на бродягу в опрятной, но залатанной одежде, что собирал хворост в лесу. И городскому голове не нравилось, что поселился вблизи не то монах, не то отшельник, а не то и разбойник. Так сказал Серафиму плотник.

Неловко было Алексею хозяйничать в доме без бабы Вари. Он молча поставил эмалированный чайник в мелкий цветочек на плиту. На миг задумался, вспоминая, где видел баночку кофе. Открыл холодильник и со стыдом подумал, что так и не помог Варваре с продуктами. Безумный поток событий затянул точно в воронку. Гости молча сидели за столом.

Ярослав расстегнул браслет на руке. Непонятная для историка техника лежала перед военным. Он изредка нажимал на экран, хмурился, закусывал нижнюю губу, вчитываясь в мелкие значки. Попутчик стащил кусок сахара и медленно, с видимым наслаждением, гонял его во рту.

— М-м-м. — Он нарушил тишину. — Пошёл сахарок. Дрянь, конечно, но выбора нет.

— Сильно потратился? — Яр не отрывался от прибора, но вопрос задал с неожиданным сочувствием.

— Жить буду, — Сашка рассмеялся.

— Комплект не взял? — Ярослав всё-таки поднял взгляд на приятеля.

— Ненавижу химию, — тот скривился, не потеряв радостной улыбки.

Этого человека трудно было чем-то пронять, понял Алексей, расставляя кружки. Миска с новой партией пирожков нашлась возле плиты под полотенцем. Лицо Яра сделалось строже.

— Как звеньевой, порицаю. В следующий раз попробуй только не взять персональную аптечку. Рапорт напишу.

— Суровый ты, Ярик.

— На том и стоим.

Историк излишне громко хлопнул дверцей шкафчика. У Алексея было состояние человека, готового лезть на стену с безумным хохотом. Ему казалось, что он спит, и сон был абсурден и запутан. Эти двое, нахально вломившиеся на Варварину кухню, как будто издевались, продолжая непонятные разговоры.

— Я слушаю.

Сохраняя внешнее спокойствие, подавив возмущение, Алексей отхлебнул крепкого кофе. Язык обожгло кипятком. Кружка резко коснулась стола.

— С чего бы начать. — Сашка зарылся пальцами в шевелюру, потрепал себя за волосы. — Яр?

Военный сделал пару глотков кофе, покосился на пирожки, но есть не стал. Вспомнив о перстне, Алексей вцепился взглядом в руку Яра, который снова отвлёкся на браслет. Удивительным образом он сложил его, поставив под уклоном на столе. Так работать с экраном было удобнее.

Выпуклая готическая «Т» на перстне направила мысли историка в другое русло.

— Вы со Смуровым заодно? — Во рту сделалось кисло и мерзко.

Алексей, уставший от недомолвок, смотрел на гостей прямо. Чего бы ни стоило, но эту стену он проломить прямо сейчас. Наверняка Борисыч обозвал бы его дураком, неторопливо расправил усы и покачал головой, сетуя на рисковость. Плохо Алексей знал бывшего мента, но увидел образ ярко и детально. Он был примером того, что и молчание приводит к смерти. Услышал историк и голос бабы Вари.

«Какой же неосторожный ты, Алёшка!», — сокрушалась старушка.

Яр заинтересовано, изучающе молчал. Лишь по чуть приподнятым бровям стало заметно, как гость удивлён. Зато Сашка повёл себя ожидаемо.

— Смуров? Тот, что в земле копался?! — Он оживился, аж на табуретке подпрыгнул. — Или который на портрете в музее?

— Казимир Смуров-Залеский, — чётко произнёс Алексей. — Смотритель музея...

Тут же он сам себя поймал на логической ошибке. Зачем бы приятелям тайно проникать в библиотеку и разглядывать экспозицию, если они связаны с Казимиром? И эта странная фраза про портрет.

Проведя ладонью по лбу, Алексей сгорбился над чашкой кофе.

— Что-то я совсем запутался, ребята.

— Сейчас мы тебя распутаем, — радостно пообещал Сашка.

— Видел такое же кольцо у кого-то? — внезапно прервав молчание, Яр продемонстрировал тыльную сторону ладони.

Сомнений не было. У Казимира историк видел точно такое же кольцо. Что же, скрывать он не станет.

— У Смурова. В развалинах его племянник был, Витька. Смотритель музея, хозяин кота, о котором я говорил. Надеюсь, не Хонсу расправился с крысой.

— Смотритель Казимир с перстнем и котом по кличке Хонсу, — повторил Ярослав, словно для него это что-то значило.

— Отменное чувство юмора, — стащив второй кусок сахара, Сашка раскачивался на табуретке, рискуя полететь на пол.

Молниеносно разложив браслет, Яр закрепил прибор на руке, поднёс ближе к лицу.

— Запрос по делу номер тридцать четыре дробь пятьдесят восемь. Смуров, — произнёс чётко, без запинки, проверил символы на экране, после решил уточнить. — Допуск к системе. Смуров.

После беглого прочтения, Яр включил в запрос название городка. Алексей начал сомневаться, что сегодня добьётся ответов. Когда они входили в квартиру, историк был полностью уверен — новых знакомых он дожмёт и заставит раскрыться. Только и края тайнам не было. Одно напоздало на другое, да варварство Воробышева продолжало терзать сердце. Алексей чувствовал, как ворочается в груди невидимое, что пробудилось от взгляда человека на фреске.

Браслет издал чуть слышный писк, а Ярослав немедленно прижал пальцы к уху. Сосредоточенный и будто не очень довольный, полученными сведениями. Несколько раз кивнул:

— Слушаю! И как? Понял.

— Привет аналитикам, — неунывающий Сашка прекратил терзать табурет и выпрямился за столом примерным школьником.

В ответ Яр показал ему кулак, вслушиваясь в речь собеседника. Для Алексея подобные технические новшества оставались несколько фантастическими, поэтому на время он забыл обо всех вопросах, наблюдал за военным. Мобильными телефонами многие уже пользовались, но приятели оказались оснащены чем-то совершенно иным, ранее невиданным.

«Серьёзная контора. Контора... Спецслужбы? Отдел по розыску исторических ценностей? По борьбе с незаконным вывозом за границу? Или как он там называется...» —

у Алексея закончились версии.

Тем временем Яр завершил общение с невидимыми «аналитиками», медленно пригубил остывший кофе.

— Алексей, ты в инопланетян веришь? — спросил он отстранённо и бесстрастно, как будто интересовался насчёт погоды на завтра.

Опешив от неожиданного перехода на другую тему, Алексей замер. Волна злости поднялась к груди, пальцы сами собой сжались в кулак.

— Нет.

Историк ввернул столько сарказма в короткое слово, что Сашка фыркнул и помотал головой.

— Он думает, что мы издеваемся, Ярик. Сильное возмущение, гнев, растерянность, недоверие, — попутчик «читал» Алексея без особых проблем. — Давай от обратного? Пора заняться нашим делом, и слова найдутся.

Подумав, Яр кивнул и быстро согласился.

— Пусть так.

Поднявшись, он принялся убирать со стола лишние предметы. Ярослав продолжал говорить:

— Ты умный человек, Алексей, который, случайно или нет, оказался в паутине обстоятельств. Меньше всего я хотел посмеяться. Не имею такой привычки. Каждое слово, которое сейчас будет сказано, имеет смысл. — Военный легко двигался по чужой кухне. — Как историк, ты поймёшь. Мы отчасти коллеги. И как ты догадываешься, я и этот весёлый психолог — на работе. Дело наше необычное. Поверить будет трудно. У тебя есть нужная нам вещь, и ты сам необходим, — он замолчал, пробурчал чуть слышно. — Знать бы зачем!

Сделав круг по небольшой кухне, Яр приземлился обратно на табурет. Стол был полностью пуст. Браслет нашёл законное место на руке гостя.

— Где чемодан?

И как-то разом Алексей вспомнил обыски в квартире деда, доведшие того до болезни, вокзал с радостным попутчиком, как тот помог донести тяжёлый груз, участие Сашки в размещении историка на постой и разговоры с «фирмачом».

— Ясно, — Алексей неприязненно покосился на неслучайного попутчика. — Не Смуров, так фирма. Вы вместе с Оксаной работаете.

Дед, напуганный беспорядком в квартире, отправил неизвестную ценность родственнице. Что это было? Сакральный дар?

В старых дневниках доктора Лукашова писалось о предке Луке Богомазе. Икона принадлежала его авторству, если верить городским легендам. Семейная реликвия сохранилась до наших дней. Всё складывалось.

Мысль, что и Ксана замешана в этом, оказалась самой мерзкой. Конечно, он сразу всё знал, но не придавал особого значения или не желал думать. Теперь же, получалось, что его с самого начала сопровождали с посылкой для бабы Вари, опутывали враньём.

Оксана... Она не случайно вернулась из прошлого? Как узнать правду? Оставалось немало пробелов в логической цепочке, но в целом она выглядела правдоподобно. Непонятно, как туда вписывалось семейство Смуровых и смерть Борисыча. Да, и странная дверь в библиотеку с дневниковыми записями предка.

— В паутине обстоятельств, — Алексей усмехнулся. — Вы же эти обстоятельства и состряпали.

Яр странно сузил глаза, будто предположение историка разозлило и оскорбило его. Лицо затвердело, а голос зазвучал жёстко.

— У нас своё задание. Мы не враги. Переубедить тебя нет времени. Без необходимости и приказа я бы никогда не говорил с чужим о деле. Мы расскажем возможное. Нам ещё работать вместе.

— Не дави, — тихонько откликнулся Сашка. — Негромкие люди бывают удивительно упорны. Перед нами очень упорный человек.

Ярослав резко повернулся к нему, слова готовы были слететь с языка, но он сдержался.

— Ты же сам хотел узнать, что внутри, — мягкий голос Сашки, обволакивая, ласково коснулся сознания.

Алексей дёрнулся, вспомнив, как игриво попутчик склонялся к администраторше Маринке, как плавно тёк поток слов. Гипноз, не иначе! В груди вспыхнуло пожаром, а следом, словно треснуло, пошло кривыми молниями разломов.

— Я не разрешал применять это к себе. Вы сказали, что трудно принять правду. Что же! Готов выслушать. А чемодан... ключ утерян, портить вещь я не хочу.

— Не проблема, — Яр выложил на стол цилиндрик, который помог им вскрывать двери в библиотеке.

Очень быстро ценный груз был водружён посреди стола. Сашка прикрыл глаза и прошёлся пальцами по замкам.

— СИ-562.

Ярослав уже крутил свою универсальную отмычку в пальцах. Как понял историк, необычный механизм настраивался на тип замка, который определял «психолог», как обозвал приятеля военный.

И действительно, замок быстро сдался, щёлкнул, отстреливая железки запоров. От заветной цели отделяла только крышка чемодана. У Алексея невольно вспотели ладони. Он заметил, что и гости затаили дыхание. Яр медленно поднял потёртую крышку. Три пары глаз уставились на содержимое.

Серафим много работал. Дни, плохо отличимые один от другого, летели. Отшельник не искал радости. Он готовился к главному служению. Мастера из поселения постепенно уходили и не возвращались, считая дело оконченным или заботясь о своём достатке. У каждого были другие обязательства и семьи. Серафим благодарил их и без обид прощался.

Осенью возле скита появились вооружённые люди и средних лет, хорошо одетый мужчина. В аккуратной бороде серебрились тонкие волоски, взгляд был с прищуром.

Неприятно прошлось болью по сердцу Серафима. Что-то нехорошее принёс с собой гость, чья душа была закрыта и холодна. Присмотревшись, послушник разглядел, что немного ошибся. Внутри мужчины горел огонь, но злой и жадный. Он никого не мог согреть, лишь уничтожить. Все дары растерял важный гость.

Недобро смотрел мужчина, а дружина внимательно следила за Серафимом, положив ладони на оружие.

— Ты, что ли, отшельник? — пролаял гость.

— На всё воля господа, — спокойно ответил Серафим.

— Не поможет тебе Бог, коль разбойничье задумал. Я уж не спущу.

Огонь в мужчине вспыхнул, пытаясь зацепить юношу. Улыбнулся Серафим.

— Кто ты, добрый человек? Чем смиренный послушник обидел тебя?

Исказилось покрасневшее лицо гостя, воздух застрял в горле.

— Тот, кто следит за порядком и не допускает в городище бродяг. Почто мастеровой люд от дел отрываешь?!

— Добрые люди по собственной воле мне помогли. — Не знал Серафим, чего и ждать от неприятного гостя.

— Я не позволял им этого.

— Разве ты господь? — просто, но настойчиво переспросил юноша. — Неужели они твои рабы?

— Я городской голова. Я даю добро на любое дело в городище и на землях подле него. Кто дал тебе право хозяйничать в лесу?

— Господь, — мягко ответил Серафим, преодолевая боль от искривлённого пути гостя, текущего через сердце.

Чувствовал он, что не к добру появился голова, но и сам неумолимо движется к беде.

— Не обманешь меня святостью, бродяга, — у мужчины затряслась борода, брови сошлись в гневе над яростными глазами. — Помни, что слежу за тобой. Не позволю смущать людей, да обманывать. Одна жалоба, и в холодную у меня угодишь.

— Как господь решит, — безразлично пожал плечами послушник.

Немного побранился ещё гость, бросая угрозы, и ушёл. Остался Серафим один в своих раздумьях. Не очередное ли испытание уготовано?

Осмотрел он, что было построено. Приближалась зима, но и теперь он уверился в готовности к главному служению. На каменном основании стоял его дом, под ним значительную часть занимала внутренняя келья — молельня, освещаемая живым огнём. Стены её были белёными, но пустые ниши словно ожидали красочной росписи. Верх сложили из тёсаных брёвен.

— И это случится, — произнёс Серафим, ощущая душой светлый покой.

Удивительная история произошла с подземельем, когда только задумался Серафим о строении. Он выбрал положение дома, а при расчистке места под основу, нашлась древняя кладка и каменные ступени под землю, будто развалины старой крепости. Внизу нашлась молельня, где прежние фрески совсем стёрлись. Отшельник и не пытался догадаться откуда такое чудо. Стены они с помощниками обновили.

Спал он в маленькой комнатке с лежанкой. Скромная печь отделяла место отдыха от рабочей части дома. Во дворе добросердечные помощники поставили подсобную постройку и клеть для птицы. Понимал Серафим, что слишком хорошо место для смиренного послушника, слишком богато, но потоки, идущие через сердце, шептали о скорых постояльцах.

И правда, стали приходиться к нему сбившиеся с пути, кто отрекался от даров. Принимал Серафим путников, болел душой за потерявших себя. Они ему были как братья, ведь сам когда-то выбирал между даром и сытой жизнью.

Вскоре прошёл слух по округе и даже дальше, что есть спасительный скит, где живёт молодой отшельник. Многие искали встречи с Серафимом. Приходили гости, оставались на несколько дней или боле, помогали в труде, слушали слова хозяина. Помогал он им советом, если на то была воля бога, либо отсылал с миром, не в силах помочь, ибо только сам человек мог найти свой путь и ответить на главные вопросы.

Изредка помощи просили калечные да больные. Сочувственно смотрел на них Серафим, но на все просьбы отвечал:

— Я не исцеляю тело, только душу. Если болезненно тело из-за кривды души, то оставайтесь.

Не верили они ему, считали, что не желает отшельник помочь. Никто не признавал в себе изъявления духа, но требовали спасения. Уходили недовольные, затаив обиду. Немало таких осело в городище возле леса.

Однажды пришёл к Серафиму оборванный, обросший человек. Видно было, как долго находился он в дороге и как тяжела была его жизнь. Человек сел в стороне от всех, кто искал помощи в ските, и от немногих, кто оставался рядом с бывшим послушником, обустроивая малую общину. Он сидел и наблюдал. Заметил его Серафим, сердце подсказывало дрожью, что непростой это путник и больше остальных виновен он в грехе отступничества от даров.

Встретив взгляд молодого отшельника, засмеялся человек, громко и безумно.

— Что смотришь?! В силах ли ты помочь мне?!

— Всякому можно помочь, кто ещё помнит, что есть дороги и согласен идти сколь угодно долго, чтобы свершиться.

Сел Серафим рядом с бродягой.

— Твои слова ничего не значат для меня. Мне нельзя помочь. Я проклят.

— Умойся и поешь с дороги. А потом я буду говорить с тобой, — мягко ответил Серафим, ощущая в эту минуту страшную боль от соприкосновения с отступившим.

Когда всё было исполнено, то уединились они в келье Серафима.

— Какой же сильный огонь живёт в тебе!

Серафим смотрел на измождённое лицо путника и видел в нём нечто близкое, что было сродни ощущению братства. Они были одинаково отмечены лихорадочным даром воплощения в мире тайной силы.

Бродяга вскочил с лавки и прокричал.

— Что ты ведаешь про меня, отшельник?! Откуда знать тебе про мою боль?

Его трясло, дорожки слёз прочертили блестящий путь среди морщин.

— Ты проделал долгий путь ко мне. И ты знаешь зачем. Поэтому не трать время на жалость к себе, — суровым стал послушник.

Стальное веретено внутри подсказывало Серафиму слова. Прорычал бродяжка бранное слово, но проглотил тут же, закрыл лицо руками.

— Я проклят, проклят! Я потерял, что должен был беречь.

— Потерять то, о чём ты говоришь, легко. Понять, что потерял — начало пути к обретению.

— Откуда знать тебе?! Впрочем, если дорога привела в обитель, если он спустился ко мне, чтобы назвать твоё имя...

— Открой всё.

— Я никогда не был одержимым, — успокоившись, начал рассказ путник. — Хоть батюшка в городище, где я вырос, говорил, что во мне бес сидит. Но я знаю, что не бес вовсе. Слышишь?! Не бес!

Опять он задрожал и беспокойно посмотрел в глаза Серафиму.

— Я верю тебе. Знаю, — тот коснулся плеча гостя, сдержав стон от мучительной иглы, пронзившей тело.

Слишком крив был путь человека перед ним. Огромный дар потерян или запечатан в сердце.

— Мне было лет восемь, когда я его встретил. Возле городища протекала река. Быстрая, глубокая, с ледяной водой. Даже в летний день она была прохладной. Как вышло? Я стал тонуть. Никто не мог помочь. Ни души в округе. Друзья убежали, не видя беды. Я был унесён в сторону от поселения и ушёл под воду, когда почувствовал сильные руки, что вытянули меня на берег. Когда очнулся от ужаса, сковавшего тело, то увидел человека. Можешь ли ты представить себе небо в самый ясный день? Или цветы незабудок, но настолько чистого цвета, словно сами ангелы омыли их слезами. Таким был взгляд спасителя. Он смотрел внимательно. Он смотрел так, словно знал меня ещё до рождения.

Быстрее забилося сердце Серафима. О страннике говорил полубезумный нищий. Не думал никогда отшельник, что кто-то может знать эту тайну. А бродяга продолжил рассказ:

— Сказал он мне такие слова: «Не время тебе покидать этот мир, мальчик. Знаешь, что у тебя здесь?». Он так тихо и текуче говорил, как река бежала, и коснулся моей груди. Я ответил, что там моё сердце. «Там у тебя дар», — улыбнулся спаситель, и закружилась голова, — «Береги его. Чувствуешь тепло? Это твой дар. Не потеряй, но отдавай людям. Чем больше отдавать будешь, тем больше останется. Я ещё приду к тебе». Помню, как он растаял в свете солнца, рассыпался искрами и малыми звёздами.

Гость прерывисто вздохнул. Он сидел на скромной лежанке отшельника сгорбившись, точно на спину давил тяжкий груз.

— С тех пор началась для меня другая жизнь. Тепло внутри разгорелось до пламени, что не давало уснуть, пока не делился им с миром. В кузнице отца было много угля. Прямо на стенах изобразил я ангела, с которым говорил. Я не мог остановиться. Дня не мог прожить, чтобы не рассказать через свой дар о тепле и радости от встречи. Я любил весь мир, я хотел, чтобы мир понял эту любовь. Внутри меня была такая сила, что многие стали замечать.

Алексей жадно рыскал взглядом по содержимому чемодана.

— Книги? — разочарованно протянул Сашка.

Яр взял в руки потрёпанную книжицу в мягкой обложке.

— Не будем делать выводы раньше времени.

Аккуратно они переложили книги на стол. С оборванными краями, потёртые издания не имели ценности. Почти все были выпущены в шестидесятых, и тематика не отличалась разнообразием, касаясь коммунистической доктрины. Самые обычные книги. Никаких загадок.

Яр под присмотром историка добрался до дна. Серое полотняное сукно прямоугольного свёртка почти сливалось с внутренней обивкой чемодана, который тут же был поставлен под стол, а ценный груз теперь лежал перед мужчинами. Шумно вдохнув больше воздуха, они пару секунд смотрели на истинную причину долгой возни с посылкой. Успокоившись, Яр развернул кусок ткани.

Дед хорошо позаботился о том, что было для него ценным. Алексей сразу же понял, насколько древняя вещь лежит перед ними. Доска потемнела от времени по краям, но изображение сохранило свежесть. Две фигуры: мальчик и высокий, чрезмерно вытянутый ангел.

Алексей не был уверен, как следует обозначать образ мужчины, но мысленно назвал его именно так.

Взрослый протягивал ладони, словно вкладывая огненный шар в грудь ребёнка. Однажды, в библиотечном музее Алексей уже видел подобное. Оттиск в книге, что была своеобразным жизнеописанием предка, хранил тот же сюжет.

— Так вот ты какой, Сакральный дар, — губы невольно прошептали слова, рождённые душой, где, казалось, звенела тонкая и крепкая нить.

И Сашка, и Ярослав слышали, но промолчали, замороженно глядя на неканонический образ, выписанный беглыми набросками. Автор торопился, боялся, что позабудет, упустить самое важное. Детали оставались лишь общими штрихами вокруг фигур, что сразу приковывали внимание. Алексей ощутил волны тепла, идущие от сердца, разливающиеся по телу, словно наполняющие его силой и покоем одновременно. Только в груди пронзило иглой изнутри. Уже поколебленное фреской в подвале библиотеки, заворчалось опять. Больно до слёз.

И понятно отчего. Лик ангела, выписанный тщательно и с любовью, был тем же самым. Погибшее под рукой Воробышева совершенство оживало в иконе. Алексей полностью осознал, что никогда не забыть ему взгляда человека с древней росписи, так зацепил он нечто неведомое в сердце.

Чем больше смотрел историк на икону, тем ярче видел свет от пальцев, протянутых к мальчику, ладони удерживали огонь, который не обжигал. Вечное горение не опаляло, но одаривало и мучило. Алексей прочувствовал то, что никак не мог знать. Сакральный дар... Человек передавал его ребёнку, а в склонённом лице были надежда и сила. Малыш доверчиво смотрел на светлого странника.

Ветерок освежил пылающее лицо Алексея, пробежал по волосам. Пол под ногами пророс зеленью. Стены Варвариной кухни истаяли и открыли край леса, где застыли две

фигуры. Высокий мужчина рядом с мальчиком ожил, обретая краски и объём. Он выглядел обычным и реальным. Можно было разглядеть каждую складку на тёмной ткани накидки. И не домотканая это была работа, вполне современная.

В тягучей тишине Алексей услышал стук человеческого сердца. Только руки с тонкими пальцами продолжали излучать свет. В отблесках сверкнул перстень, но не белого металла, как у Смурова или Яра, а золотой. Сияющий шар исчезал в груди ребёнка, почти скрылся, когда лицо мужчины дрогнуло, оборачиваясь к переставшему дышать историку.

Ударило взглядом, полоснуло по груди, рассекая до самого нутра, где тут же вспыхнуло огнём. Боли не было, напротив, исчезла терзающая игла, перестал ворочаться беспокойный кокон, оставшийся после посещения подземелья. Незнакомец породил эту муку, и он же исцелил. Дыхание сделалось свободным.

Мальчик так и стоял, замерев перед странником, а тот продолжал смотреть на Алексея. Чуть заметная улыбка тронула губы, чётче обозначив шрамы.

«Помоги и будешь спасён», — услышал Алексей шёпот, принесённый с ветром.

От голоса словно вздыбились волосы на затылке, а сердце чуть не вылетело горлом. Показалось, что взгляд ожившего сделался немного виноватым. Он отвернулся, прекратив терзать Алексея, всё внимание обратил на мальчишку. Образ терял чёткость и яркость.

— Сакральный дар. — И голос Яра показался громовым эхом, разрушая картинку.

Трава увяла, перед глазами ширмой упала стена кухни, и Алексей окончательно очнулся. Контуры людей и предметов проступили не сразу. Ему пришлось с силой зажмуриться и сжать пальцами переносицу.

Почудилось? Может и так, но огонь в груди не угас, и слова не сделались призрачными, неважными. Он чётко осознал, что у него есть цель. Не случайно он оказался в городке.

— Помоги и будешь спасён, — повторил Алексей.

Саша отчего-то улыбнулся. Открыто, по-мальчишески, взгляд загорелся любопытством. Осторожными, бережными движениями Ярослав завернул доску в тряпицу.

— Видел его? — заговорщицки прошептал Сашка и подмигнул.

Алексей предпочёл молча опуститься на ближайший табурет.

— Так, — к Яру вернулись командный тон и деловая хватка, — сейчас переправим артефакт, и обещаю всё рассказать. Ты ведь не претендуешь оставить вещь у себя? — Он забавно наклонил голову набок, разглядывая ошалевшего историка.

— Икона принадлежит нашей семье. Дед... — тот слабо возразил, понимая, что раритет всё равно заберут, и даже был согласен с подобным исходом.

Многие охотились за ценностью. Воробышев разворотил подвал библиотеки ради неё. «Фирмач» безжалостно гонял Оксану по городку в поисках добычи. Витька Смуров... Кто знает, что он искал? Алексей не удивился бы, если его интересовала эта древняя работа.

— Не беспокойся, — Яр понимающе кивнул. — Эта очень редкая вещь, которую нельзя оставлять здесь. Она будет в безопасности. Скажи деду, что отдал икону человеку с таким кольцом, — он махнул рукой перед носом историка. — Дед поймёт.

— А Казимир? У него такое же, — почему-то Алексея кольнуло тревогой.

— Разберёмся. Я догадываюсь, откуда Смуров взял перстень. Расскажу после архивации.

Алексею оставалось только согласиться. С удивлением он обнаружил, что за истекшие полчаса стал проще относиться к происходящему. Вероятно, самое необычное с ним уже случилось, и всё остальное казалось сущими пустяками. Он просто перестал остро

чувствовать и реагировать на мелкие загадки происходящего. Своеобразное оглушение пошло на пользу, потому что незамедлительно Ярослав поразил его новым фокусом.

Военный полез в борсетку, прикреплённую к поясу, и извлёк гладкую серебристую пластину величиной с ладонь. Сашка приподнял икону, скрытую тканью. На её место Яр положил пластину и поводил пальцами по браслету. Наблюдая, Алексей заметил, как по блестящей поверхности волной прошились голубые искры, оседая по границе контура. Тогда и Сашка включился в работу. Он аккуратно пристроил замотанную доску на прямоугольник металла.

Ничего подобного Алексей не видел прежде, если не считать недавней галлюцинации. Хотя ему очень не хотелось применять такое определение к произошедшему. Ему нравилось верить, что в видении была толика правды, а ровное тепло и ощущение силы в груди, доказывали это.

Тем временем трансформация происходила на глазах у трёх наблюдателей. Пластина под свёртком сама по себе расширилась, достигла краёв доски и образовала стенки со всех четырёх сторон. Серебристая на вид упругая масса росла сама, постепенно накрывая артефакт сверху, точно задвигала крышку. Образовалась целостная капсула. Браслет Яра пискнул.

— Пора, — он приложил палец к экрану.

Ничего не произошло, или Алексею показалось, что на столе продолжает лежать стальная коробка, в которой теперь хранилась семейная реликвия. Он моргнул. Всего пять сотых секунды. Стол был пуст. Пластину Ярослав убрал.

— Может, снова кофейку? — Сашка потёр ладони, словно замёрз.

Смирившись с пустотой в мыслях, Алексей поставил чайник. Они как будто повторили недавний ритуал и только-только пришли в квартиру бабы Вари, но Алексей чувствовал себя другим человеком. С этим необходимо разобраться, осмыслить, а вначале принять всё, что сейчас скажут эти странные люди.

— Надеюсь, я до пенсии успею узнать правду, — всё же язвительно пробурчал историк.

Стол быстро оброс чашками, миской с пирожками и сахарницей, куда Саша нахально запустил пальцы. За что получил осуждающий взгляд командира.

— Хватит суррогатом травиться, психолух, — настроения Яра заметно улучшилось, и он решил, что вполне можно подразнить товарища.

— Один кусочек, — жалобно протянул тот, отправляя добычу в рот. — Клянусь брать аптечку с собой.

— Купите Варваре сахара, — строго вмешался Алексей. — И... и кофе!

О недавних событиях напоминал чемодан под столом. Историк побросал в него книги, разложенные тут же на полу, и унёс в коридор. Опустошение сменилось беспокойством за деда. Как он ему скажет, что нет больше иконы? Почему слова о человеке с кольцом должны успокоить старика?

Втроём они минуту сидели молча и пили кофе.

— Вы решаете, с чего начать? — не выдержал Алексей. — Или очень любите чужой кофе?

Он не злился, как это было до удивительной находки в чемодане, который историк самолично привёз в городок. Алексей желал ускорить события.

Яр потёр переносицу и отставил чашку.

— Ты прав, — он кашлянул, будто ему стало неловко.

— Почему вы искали Сакральный дар? — Хозяин артефакта решил помочь с формулировкой ответов. — Икону ищут все кому не лень.

— Например?

— Витька Смуров, думаю. Замзав этот, Воробышев.

— Дрянной человек, — встрял Сашка.

— Не из лучших, — охотно согласился историк. — И...ищет искусствовед по поручению фирмы, какой не знаю.

— Про фирму знаем, — Ярослав, нащупав нужную нить разговора, заметно расслабился. — Один бизнесмен узнал о Сакральном Даре. Возможно, видел отпечаток или что-то подобное. У иконы особое свойство, невозможно побороть желание обладать ею, смотреть на лики, если ты... — военный подбирал слова. — В религии это называется грехом.

— Греховен? — Алексей понял.

— Вроде того. Фирма активно разыскивала раритет. Хозяин ничего не жалел.

— Я с ними контактировал, — с видимой гордостью заявил улыбчивый любитель сахара. — Чтобы контролировать поиски. Была вероятность, что они получают артефакт. Если что, я бы, цап! И забрал. Ты его видел в ресторане.

Алексей удивился.

— С Оксаной? Так это сам владелец фирмы? Они приходили в библиотеку к заведующему.

— Тот щуплый человечек, зачем ищет Сакральный Дар? — Яр уцепился за информацию.

— «Фирмачу» обещал, — Алексей был краток. — Думаю, хочет продать ценности.

— Судя по нему, не первый раз, — весомо сделал вывод Сашка. — Я его насквозь вижу, гнилушку.

С этим согласились все. Историк ухватило одного разговора с заведующим, чтобы понять — Воробышев жаден и себе на уме. «Гнилушка», как верно заметил бывший попутчик.

— Хорошо, — Алексей спокойно отпил немного кофе. — Пошли дальше...

Рассказчик умолк. Серафим подал ему воды, чтобы утолить жажду. Чем больше говорил бродяга, тем спокойнее становился. С благодарностью он посмотрел на отшельника.

— Отцу не нравилось, что я малюю на стенах, земле, досках. Но ещё больше его пугало, что люди замирают при взгляде на дело моих рук. Одни начинают улыбаться, хотя были хмуры, а другие плакать, хотя веселились. Были и такие, кто тут же каялся в тайных грехах. И за это невзлюбили мальчишку, способного вывернуть человеческую душу, очистив от кривды.

— Я понимаю тебя, — согласился Серафим, вспомнив, как сам попал в монастырский подвал за непотребную икону.

— Отец отвёл меня к священнику. Я доверял батюшке. Ведь он так был близок к богу. Должен быть близок. Меня называли одержимым. Почти все в городище отвернулись от семьи, с опаской ходили в кузню. Доски с рисунками сожгли. Каждого, кто заговаривал со мной или смотрел на мазню, считали знающим с дьяволом. Отец не мог долго этого выносить. Да и доход потерял. Кормить семью стало нечем. Кто-то шепнул ему, что надо прогнать бесноватого сына из городища, и тогда всё будет по-прежнему. Так я остался один, но продолжал любить этот мир. Мне было дано так много света. Он горел внутри, согревая в странствиях.

Снова гость замолчал, утомлённый болезненной памятью и долгим разговором. Слушал Серафим историю гостя, всей душой сочувствуя ему.

— Я знаю этот свет, — тихо проговорил отшельник. — Он умеет согревать, но и причиняет страдания, если отступишь.

— И я отступил, — горько ответил нищий. — Мир испытывал меня. Как я скитался, как был одинок, я умолчу. Неважно это. Совсем неважно. У меня было то, что ценнее. У меня был свет и дар. В эти годы я ощущал, что ангел рядом со мной и ведёт по пути. Иногда странник мог появиться прямо из ниоткуда. Он помогал мне. После долгих мытарств я осел в далёком городище. Один человек взял меня к себе в дом. Как был я счастлив тогда. Мой хозяин оказался человеком добрым и знающим, обучил меня читать и, самое приятное, ему нравились мои рисунки. Часами он мог сидеть рядом, когда я работал с доской и углём. Потом принёс краски, и всё время я уделял лишь огню, что горел во мне. Плоды лихорадочного труда наполняли дом этого человека. Очень часто слышал я восторженные слова от него. Очень часто говорил он, что никому не доступно понять сотворённую красоту, и нет мне равных на земле среди мастеров. Так стал он мне другом, сочувствуя прошлым горестям, поддерживая в настоящем.

Вроде бы о приятном говорил пришлый человек, но голос дрожал от горечи.

— Я работал. Доски и холсты с рисунками заполнили дом хозяина. Мало мне было тех стен. Ничьи глаза не видели силы моей любви к миру, ничьи сердца не загорались в ответ. И вспомнил я слова незнакомца: «Чем больше отдашь миру, тем больше дара останется у тебя». Почувствовал, огонь и жажда, что утолялись только в работе, стали утихать. Пора было идти к людям. Я решительно попросил хозяина, чтобы пришли люди в дом и увидели сотворённое. Но он отговаривал.

«Никто и никогда не поймёт тебя, как я», — говорил этот человек. — «Никому не нужна твоя любовь к миру, лишь мне. Зачем кому-то видеть, какой ты, зная, что скрыто

за красками и линиями? Мир гнал тебя, мир делал тебе больно и втоптывал в грязь. Я поднял, укрыл. Остайся и навсегда будешь счастлив. Никто не посмеет обидеть тебя боле. От всех защита тебе в моём доме».

— Я согласился. Но не прошло и недели, как скука овладела сердцем, свет огня стал как тонкая свечка на час. Стал искать я других развлечений, других радостей. Просто говорил целыми днями с хозяином, либо смотрел в окно, читал книги, не запоминая ни сути, ни смысла. Кажется, я упоминал, что человек этот был очень знающим, учёным, а родство с князьями сделало его богатым. В барском доме я ни в чём не знал недостатка, но пустыми стали дни.

Он опустил голову, сожалея о прошлом. Серафим положил руку на плечо гостя, призывая продолжать.

— Беспокойство овладело душой. Принялся я бродить по дому среди своих работ, не узнавая их, не ведая себя в них. Я стал замечать, как запирает хозяин двери и окна, чтобы не ушёл, навсегда остался в доме. Часто он спрашивал меня, почему невесел, почему не работаю? Я просил отпустить, молил даровать свободу, но каждый раз хозяину удавалось уговорить меня остаться. Но однажды, настал чёрный день. Душно, страшно стало. Кто-то забрал мир и любовь из сердца. И я осознал, что не понимал меня хозяин, не видел он моего истинного пути. Для мира была любовь, для людей дар. С ужасом я огляделся, со страхом искал внутри себя дар и не находил. Так я потерял всё. И уже ничто не могло удержать меня в доме. Не знаю, что случилось с хозяином, да и всё равно теперь. С силой оттолкнул я его и вырвался на свободу. Стал опять скитаться по миру, только не находил более света, что жил когда-то во мне. Не говорил со мной тёплый голос, ведь предал я то, ради чего был рождён. Лишь недавно вновь увидел спасителя. Он назвал твоё имя.

Весь разговор Серафим слушал внимательно, лишь изредка откликаясь словом. Печалью наполнилось сердце, вспомнил, как сам чуть не потерял всё, но сумел вырваться из обыденности и уйти дальше, туда, где ждали. Таким, как этот безумец было нужно слово отшельника, а скит мог стать приютом. Понял Серафим, что в этом часть его служения.

— Ты сам себя проклял. Сам себя и спасёшь. Найдёшь, что потерял. Всё, что надо уже в тебе есть. Не останавливайся. Мир понимает, что ты хочешь сказать. Всегда есть ожидающие именно тебя. Тот, кто помогал, всегда рядом. Я чувствую его взгляд, я знаю, что он ведёт и меня. Верь и иди.

Посмотрел мужчина в глаза Серафима и увидел своё прощение. Он освободился, осознав путь, успокоился. Немного потеплело в груди.

— Оставайся, — предложил молодой послушник. — Найди себе место в общине, вспомни о даре. Есть внизу место для молитвы, да стены там пусты.

— Отшельник ты, а чужих привечаешь к себе, — удивился гость.

— Отшельник я до первого страждущего. Таким, как мы легче вместе.

Человек остался. Постепенно появлялись в уединённом месте новые пристройки, разрастался двор. Первый выпавший снег покрыл крыши. Для каждого нашёлся угол и лежанка, а дел всегда было много.

Ищущие слова Серафима продолжали приходиться. Немного реже с наступлением холодов, но самые упорные. Тот беседовал, давал совет, оставлял жить или отпускал с миром. Немало историй пришлось услышать послушнику. Вся горечь чужая прошла через его сердце.

Изредка видел он в лесу дружину городского головы. Проезжали мимо, бряцая оружием,

смотрели искоса, предупреждая, недовольно сводили брови, наблюдая за появлением новой общины. Обо всём они докладывали хозяину, а Серафим помнил о тёмном огне, горящем у того в душе. Не принёс бы беды он им.

Пришлый бродяга Андрий, что нашёл свой путь, остался рядом. Нашлось для него дело. По-своему воплощал он дар для мира. Очень скоро все стены молельни были украшены росписью. С белёных стен подземного храма смотрел на людей оживший лик странника. Под его взглядом не утихал огонь дара.

Глядя на знакомый образ, выписанный мастерски и с душой, подумалось Серафиму, что следует расширить подземные кельи. Как бы ни пришлось им скрываться от напастей. Если увидит чужой фрески, не поймёт, пойдут кривотолки о ските.

От найденных чудом подземных сводов, укреплённый ход шёл дальше. До времени Серафим не трогал его. Теперь подошли сроки. Начали собирать запасы еды для долгого хранения.

— Чего ты опасаться? — спрашивал Андрий, не понимая действий отшельника.

— Людской злобы и глупости, — отвечал Серафим и с большим рвением продолжал подготовку к неведомой беде.

Чувствовал Серафим скорое исполнение главного служения. Он много писал, оставляя слова в свитках. Не спал ночами, сжигаемый горячим словом. Полностью описал он всё, что привело его в скит, записал речи странника. Немало было и странного, что оставалось недоступно для понимания.

«...и вот достигло сердце моё утешения в обители. Долго шёл путь мой сюда, долго билось сердце о мир, разрываясь и плача, но теперь нашёл я, что искал и сопровождающий говорит голосом сердца. В словах его горит пламя неугасимое, перо торопится, не поспевая за голосом...»

Слова соскакивали с кончиков пальцев Серафима.

'Гори слово, гори ясно,

Коло-около поверни.

Моя воля, утро прясно,

Сердцу дорого, береги.

Что ушло вперёд, завяжи узлом.

Поверни назад словом огненным,

Отдаю-дарю, обернусь кругом,

Злом несломленный.

Плету ниточки, узелки туги,

Пути тонкие, неизбывные.

Пусть идут они от моей руки,

Возвращаются сердцу милые...!'

Зрело в Серафиме горячее слово, набиралось сил. Пришла зима с малым снегом. Лес почернел стволами деревьев и проталинами земли. Каждый день, уводимый сердцем, отшельник выходил под серое небо. Смотрел на тропки, ведущие к скиту. Точно ждал кого-то.

Вот как появится в его обители некто особенный, так и придёт время для служения. Не мог и догадаться он, кем будет новый гость. Разные люди нашли пристанище подле Серафима. Каждый нёс дар миру. И жили они, как братья рядом, поддерживая друг друга, крепили духом. Исцелённые уходили, чтобы помогать в иных землях. И всё не доставало

Серафиму чего-то, чтобы полностью свершился путь. Он понимал и наставлял братьев, спасал погибающих, а сам оставался лишь половинкой от целого. Так и жизнь его сейчас была только половиной от главной цели.

Так проходила зима. Дороги и тропы занесло снегом, отрезав общину от остального мира. Перестали приходить паломники, но и соглядатаи от городского головы исчезли на время. Спокойно прошло холодное время. Подумалось даже Серафиму, что напрасно он озаботился припасами для хранения в подzemелье, где стены упорно расписывал мастер Андрий при свете живого огня.

Но весна внесла сумятицу в размеренный уклад жизни скита. Солнце уже начало пригревать, снег таял, растворяясь в ручьях. Новые надежды дали ростки в сердце Серафима.

Алексей самостоятельно подвёл итог.

— Все ищут Сакральный Дар, а вы должны его... архивировать. Спрятать? Я верен, понял?

— Икона — ценность, которую лучше не показывать, — Яр скромно цедил слова, будто боялся зайти дальше положенного минимума информации.

— Она на всех... так действует?

— Плюс-минус. Зависит от человека. Каждый испытывает индивидуальный набор состояний, — излишне академичный ответ военного прозвучал забавно.

Алексей улыбнулся. Вся злость на странных знакомых улетучилась после переживания «индивидуального набора состояний».

— Как оно работает? Кто изображён на ней...или в ней, — он помотал головой, не зная, как сформулировать вопрос. — Программа?

Историк весьма отдалённо имел представления о технологиях, но успел поразиться возможностями браслета на руке Ярослава. Почему бы и артефакту не быть подобной вещицей. Откуда и почему? Алексей каждый раз мысленно спотыкался об эту границу. Его словно припечатывало к прозрачной стене, за которой всё видно, но понять или прикоснуться нереально.

— Много вопросов, — рассмеялся Сашка, как будто рассеянно слушавший беседу, а сам ловил каждую фразу.

— Устроит ответ, что магия? — Вопрос и у Яра вызвал улыбку. — Артефакт с особой силой. Можно верить или не верить, но оно работает. Тот, кого ты видел и отправил нас за иконой.

— Допустим. — Сложив руки на груди, Алексей упрямо сжал губы, многое не сходясь, если следовать такой логике, да, и не каждый день тебе говорят о магии. — Только как изображение вашего...начальника оказалось на древней работе?

— Понимаю, — совсем не растерявшись, Ярослав провёл ладонью по коротким русым волосам, давая понять, что сомнения собеседника обоснованы. — Дело в том, что мы, как бы, из будущего.

— Ага, и так просто говорите об этом, — усмехнулся историк. — Нисколько не таились, показывая разные технические фокусы.

— У нас есть специальная штучка, — жизнерадостно улыбаясь, Сашка облокотился о стол. — Раз, и ты всё забудешь.

— И часто вы такие «штучки» применяете к живым людям? — У Алексея неприятно похолодела спина.

Совсем не хотелось историку однажды проснуться и полностью забыть целый кусок жизни. Он ярко представил чёрную дыру на месте воспоминаний и снова содрогнулся.

— Случается, — хором ответили неожиданные компаньоны.

Ярослав внимательно оглядел историка, придавая вес словам:

— Пойми, икона имеет не только историческую ценность. Нельзя, чтобы кто-то заинтересовался, начал выяснять, задавая те же вопросы. Кто изображён? Кто автор? Где и когда выполнена работа?

— Разве не мой предок написал её? Лука Богомаз.

— Нет, — коротко ответил Яр. — Другой человек. Один из твоих предков был иконописцем. Он обладал талантом. Занимался росписью в монастыре. Так случилось, что ему предоставили шанс спасти Сакральный Дар или уничтожить. Эта вещь была нужна для определённых событий, но не теперь. Любой историк уцепится за артефакт. Вот ты... Заинтересовался?

— Конечно! Трудно пропустить то, что все ищут. Подумать только, она столько времени была у меня в руках. — Осознание, что он упустил, внезапно полностью захватило Алексея. — Зачем же вы допустили, чтобы икона появилась?

— Нужен был выброс энергии во внешних образах. Человек, создавший икону, обладал большой силой в изменении мира. Всё созданное им важно, поддерживало текущую ветку времени. Интерес к его творениям принесёт вред. Сам видел, икона неканоническая, — Ярослав говорил размеренно, чтобы историк успел проникнуться каждым словом. — Изображены реальные люди. Зачем исследователям сложности и сомнения? Таких вещей немало осталось, но мы их забираем на архивацию, когда возможно.

— Так! — Кофе перестал помогать, и Алексей энергично растёр лицо ладонями. — Я верно понял, что ваш начальник, командир или как там его?! Что он был в прошлом, а «местный» его запечатлел на доске? И фреска оттуда же! Это, если вы мне не дурите голову!

— Всё верно, — кивнул Ярослав. — Нет смысла обманывать. Дальше нам придётся действовать вместе.

Сашка беспокойно крутился на табурете, сдерживая свою кипучую натуру, чтобы не вмешиваться в разговор.

— Тогда поторопитесь с историей. Варвара вот-вот вернётся.

Незамедлительно Ярослав бросил взгляд поверх занавески, стараясь разглядеть подходы к дому. Улица, извернувшись со стороны библиотеки, оставалась пуста.

Алексей боролся с самим собой. Не будь иконы, которую он видел, никогда бы не поверил в басни про будущее. Но один факт тянул за собой последующие. Видение, технические чудеса, другие более мелкие детали, как будто подтверждали громкое заявление Ярослава. Некоторые догадки зародились в уставшей голове историка.

— На развалины посмотреть взяли, потому что это что-то означало? У вас там известно, что я... — тяжело же давались Алексею слова после бессонной ночи. — Должен посмотреть Троицкий монастырь.

— Приказали взять. Аналитики в центре исследований прошлого рекомендовали. Начальство разрешило.

— Ваше начальство хотело, чтобы я вам помог. — Алексей чувствовал, что начинает засыпать, как это случается под утро с теми, кто всю ночь работал. — Помогите и будущий спасён.

— В его стиле, — не выдержав, Сашка вставил и своё мнение.

— Так просто, — Алексей пожал плечами. — Позволить раскрыться чужому? От этого будущее не изменится?

Ярослав поскрёб пробившуюся светлую щетину.

— Понимаешь, время — сложное сплетение множества потоков. Они ветвятся, расходясь и соединяясь в определённых точках. Не везде вмешательство настолько критично. В этом городке происходят неправильные события. В музее мы уловили разлом. Возле кафе-бара аналогично. Кто-то беззастенчиво гоняет одни и тот же поток туда-сюда,

забирая из него энергию. Я был в новой части города, мы прошлись здесь. Старый город разрушается.

— От времени. Это закономерно.

— Необычно истлевают. Сашка чувствует. Он натренирован на такие шуки. Техника показывает аномалию. Есть некто, кто ворует время у города и, возможно, у жителей.

— Такое возможно? — Историк сохранял спокойствие, но факты укладывались в голове тяжело, с натугой.

— Жизнь невероятно разнообразна. Наш мир не единственный. Исследователи знают о существах, питающихся не только плотью, но и душами, энергией или временем человека. В старые времена их называли бесами. У начальства договор со всеми. Безнаказанно невозможно охотиться на нашей территории.

— Нарушитель?

— Возможно. За соблюдением соглашений следят во всех мирах и измерениях. Специальный Совет Конструкторов... Короче, долго рассказывать, — Яр махнул рукой.

Как обычно, Яр походил на человека, который с трудом подбирает слова, чтобы сказать всё необходимое, но при этом не сказать лишнего.

— И почему раньше, то есть сейчас про это ничего не говорят? Скорее, считают безумием, — Алексею показалось, что у него поднимается температура.

— Всему своё время. В древности не обсуждали атомные реакторы, так и тут.

Слушая военного, Алексей пытался осознать, но лишь ощущал, что прикоснулся к чему-то запредельному, тайному и оттого весьма привлекательному. Мысль о внезапной сопричастности приятно волновала. А ещё мягко и радостно горел в груди огонёк, вспыхнувший от встречи с живой энергией Сакрального Дара. Может быть, благодаря огоньку он и справляется с обрушившейся информацией. Что ж, сам хотел узнать правду.

Несколько минут все молчали. Необыкновенные знакомые позволили Алексею освоиться с новой реальностью. Наконец, Ярослав выпрямился на табурете, взглянул на экран браслета, ловко застегнул верхнюю пуговицу рубахи, показывая, что пора двигаться дальше. Зашевелился удивительно молчаливый Сашка.

— Несколько часов отдыха, — строгость и холодность вернулись к Яру.

— А потом? — На поверхность историк вытолкнул лишь один вопрос из сотни, вертевшихся на языке.

— Свитки, которые мы не нашли в монастыре. Судя по пуговице, их доставал предок Смуровых. В музее ничего похожего я не увидел.

— Фонды библиотеки, — подсказал Алексей.

— Или любое другое место. Бабушкин сундук, — предположил весёлый психолог из будущего.

— Попробуем выудить. — Уверенность Ярослава как-то разом передалась всем присутствующим.

— Свитки на архивацию? — вспомнил Алексей и другое. — В дневнике доктора Лукашова была фраза, что свитки уже у врага или нечто похожее. Они такие же, как Сакральный Дар?

— Ой, ещё история на пару часов, — насупился Сашка и зевнул.

— Артефакт, — Ярослав уже стоял у дверей. — Давай через часа три в «Часиках». Тьфу, ужасно звучит! Осмотримся заодно.

Алексей согласился. Когда приятели ушли, он бегом осмотрел стол и кухню на предмет

неподходящих для глаза старушки улик и завалился спать. Вырубился историк мигом, будто его выключили.

Вдыхая прохладный весенний воздух, Серафим никак не предполагая, что произойдёт, как изменится жизнь общины, да и его собственная. Ближе к полудню тишину леса вокруг раскололи вопли и улюлюканье. Испуганные весенние птицы, шарахаясь среди веток, стремительно разлетелись.

Маленькое, похожее на тоненького отрока, существо проворно удирало от погони. Мужики и бабы (все незнакомые, не из поселения) неуклюже гнали жертву через лес. Тяжёлые тулупы путали ноги.

Существо, одетое легко, кое-как, выбежало прямо на Серафима, споткнулось, полетев под ноги.

— Держи её скитник, держи ведьму! — многоголосно закричала люди.

Тяжело дыша, разгорячённые погоней, они опасливо сгрудились неподалёку. Отчего-то люди боялись подойти ближе, заробели.

Серафим подумал, что незваные гости из городища, а там каких только сплетен не ходило о ските и молодом отшельнике. Голова не жалел яда, говоря о бродяге, самовольно захватившем клочок земли.

Он помог подняться, поставил на землю. Интересно было взглянуть на ведьму. В детстве Стёпка слышал истории, где с уважением поминали ведающих женщин. В его родном городище никогда не осуждали таких, не гнали прочь, а старуху-знахарку всегда привечали в домах. Необычно было для взрослого Серафима, что кто-то пытается причинить зло знающей.

Одежонка на ней была ветхая, но аккуратно штопанная, платок на голове. Лет ей было на вид столько, что невозможно сказать девочка это или девушка на выданье. Перепачканное личико казалось совсем девчоночьим, если бы не глаза — огромные, полные жизни и взрослого понимания. Серые, внимательные глаза, заставившие ярко вспыхнуть веретено силы в груди Серафима. Особенная гостья пожаловала в скит.

— Не бойся, тебя никто не обидит, — тихо молвил Серафим.

— Я не боюсь, — так же тихо ответила девушка. — Я знаю, что меня уберегут от зла.

Почувствовал Серафим в ней сильный дух. Он не позволял сойти с пути, а нити верного выбора оставляли благодное тепло, проходя через сердце отшельника. Ещё больше заинтересовался он гостьей. Одному ему понятные знаки, говорили, что странница такая же, как он.

— И уберегу тебя я.

— Знаю. Мне сказали, — она спокойно обернулась на преследователей и встала рядом с Серафимом.

— Что она вам сделала, если словно дикие звери гоните девицу, охотясь на живого человека? — громко вопрошал Серафим жителей городища.

Вперёд выступил один бородатый и кряжистый мужик.

— Отдай нам ведьму. С бесами она знает. По их наущению непотребное делает. Горожан в смущение вводит. Голова велел в острог её посадить, пока не откажется от дьявольских затей и не признает господа.

— И вы, люди, вспомните о боге, — оглядев толпу, ответил Серафим. — Всякая жизнь на радость миру. Не потревожит вас, не смутит дева боле. Здесь останется.

Недовольно люди шептались между собой. Тот, что впереди стоял, плотнее тулуп запахнул от весеннего ветра, бороду взъерошенную пригладил.

— Берегись её, скитник. Ты о господе толкуешь, а сам грех в обитель забираешь. И о себе подумай. По милости Головы нашего живёшь на земле.

— Одному Богу решать, где жить свободному человеку. Идите с миром. Оставьте мне разобраться с ведьмой.

Возмущённые голоса сделались громче. Мужик зло сплюнул.

— Дело твоё, но принесёт ведьма беду. Бесов призовёт, да лихих людей, что против бога идут. Жалеть будешь.

— Не тревожься обо мне, добрый человек, — улыбнулся Серафим. — Меня господь бережёт. А бесов мне не впервой изгонять.

С неохотой городской люд побрёл обратно через лес, так и не получив желаемого. Отшельник молчал, глядя им вслед.

— Мне уходить? — спросила, стараясь не смотреть Серафиму в лицо, гостья.

— Коль хочешь остаться, то гнать не буду. — Он чуть коснулся ладонью худого плечика, удивляясь чистой силе в девушке. — Найдём и тебе место, чтобы никто не мешал. Дело всегда найдётся.

С того дня часто видел Серафим, как маленькая фигурка девушки появлялась и исчезала во дворе. Улыбался он неведомо чему, наблюдая за тем, как спорилась работа. Вместе со всеми гостья хлопотала по хозяйству. В каждом уголке скита замечал он присутствие женской руки. Ночами долго горела лучина в келье, а утром в печи прогорали щепочки, кусочки дерева и коры, принесённые незнакомкой.

Серафим так и не ведал её имени. Разговаривали они мало. Приятно было знать, что где-то рядом родная душа, но новые и непривычные чувства смущали послушника. Поэтому избегал он долгих бесед, хоть и желал узнать больше. И строго следил Серафим, чтобы никто из общины не обидел девушку вольно или неволью.

Спустя месяц или чуть более богомаз Андрий повёл Серафима к источнику в роще. Отсюда носили воду в скит. Здесь он указал на нечто необычное. На высоком шесте крутились деревянные лопасти, обтянутые тонкой берестой. Ветер задувал в крылья, подгонял в вечном движении. Деревянный же черпак забирал воду, сливал в жёлоб. Прошли они по течению воды и оказались в собственном дворе, где наполнялась бочка.

— Чудеса, — задумался Серафим, осмотрев механизм. — Как мудро сделано. Вода сама в дом приходит. А коль бочка полная станет?

— Она на источник идёт и мельничку запирает, — отчего-то шептал Андрий и оглядывался.

— Она?

— Ведьма, — глаза богомаза округлились. — Правы были городские.

— Дева эта, такая же ведьма, как ты или я, — сурово поглядел на него Серафим.

— А как же?! — не унимался Андрий. — Не может божий человек придумать столь хитрую штуковину. Ещё и баба. Точно бесы помогали.

— Одумайся, ты ли это говоришь?! — изумился Серафим. — Не тебя ли обвиняли в знакомстве с сатаной? Не становись подобным слепым душой людям. Кто дар имеет и следует по пути, никогда не осудит. А только всегда поймёт собрата. Тебя странник по-своему одарил, а девушку иначе.

— Неженское это дело, — проворчал Андрий. — С деревом ремесленничать.

Серафим только головой покачал и ответил, как разумел:

— Нет мужских или женских дел. Есть дела, которые человек способен выполнять, либо неспособен. Дар не имеет рода или возраста. Он либо есть, либо его нет. И коли есть дар, то он найдёт как проявиться. У нашей гостьи свой путь. Как у тебя и меня. Не обижай её подозрениями. Она не заслужила. Господь дал ей знания, в которых нам ничего не понять. Так примем же их воплощение смиренно.

Застыдился богомаз, аж лицо покраснело.

— Ты мудр, Серафим, — поклонился он. — И, как всегда, прав. Мне совестно, что я плохо подумал об Аксинье.

— Аксинья? — удивился послушник, впервые узнав имя девушки.

— Её имя. Ты не знал?

— Я не спрашивал, — тихо улыбнулся Серафим.

Тем же вечером, встретив Аксинью во дворе, он поблагодарил её за придумку. Девушка в ответ кивнула и впервые чуть улыбнулась, на зарумянившихся щеках показались ямочки. Не просто было Серафиму перестать смотреть на сестру по дару, чьи глаза сияли живой силой. Он и сам будто становился сильнее рядом с Аксиньей. В мыслях приближал время главного служения.

Готов ли? Сомнения завладели сердцем.

— Недолго ждать осталось, — дева коснулась пальцами руки Серафима. — Свитки, написанные береги. Нужны будут в свой час.

Долго Серафим не отводил взгляда от тонких пальцев, израненных ножом и грубым деревом. Не жалела себя в деле Аксинья. Всё понимала. По краю тумана памяти прошле Василюшка. Чужая совсем, обиженная на жениха, который странные дела затеял. Кому в голову придёт рваться в дорогу перед свадьбой и сытой жизнью до старости? Другой была Аксинья. Такая бы отпустила, а то и не убоилась вместе в неизведанное отправиться. Спокойно и светло сделалось Серафиму.

Несколько дней прошло, и однажды ночью отшельник увидел зарево над рощей. Разбудил Андрия, да остальных братьев общины. Побежали на место пожарища. Очень скоро увидели, как догорали ветряк и часть жёлоба. Огонь дымно пожирал дерево, тихо потрескивал. Затушили, залили из источника.

— Зачем мне нет покоя?

Аксинья стояла позади, не двигалась, руки безвольно повисли, словно переломанные. Пальцы подрагивали от сдерживаемого рыдания. Серафим с горечью в сердце обнял деву за плечи, ощущая и хрупкость её тела, и силу стального стержня, который помогал удерживать прямой путь дара.

— Зачем он заставляет делать то, что не нужно миру, — она говорила тихо, как сама себе рассказывала нечто тайное. — Но только так я могу обрести покой. Недолгий, тревожный, но покой. Так я могу дышать свободно. Пока новая жажда не завладеет сердцем. И сызнава не сомкнуть глаз, огонь в груди, если не подчинюсь зову. Я безумна или действительно одержима...

— Не просто так даётся дар.

Серафим коснулся русых волос, рассыпавшихся по плечам, мягких, струящихся будто шёлк. Она не успела привычно прикрыть их косынкой. И увидел, как сияет красотой и свежестью девичий лик. Желалось навсегда укрыть Аксинью в своих руках, защитить от непонимающего и жестокого мира. Серафим знал, что никогда не даст в обиду девушку,

так внезапно ворвавшуюся в жизнь скита.

— Я безумна этим даром. Он не говорил, что будет так больно.

— Он? — Серафим мог и не переспрашивать.

— Ты знаешь его. Я вижу. Тебе так же дана мучительная жажда открыть миру, что хранишь. С того самого момента, как странник нашёл нас и посмотрел в душу. Так мы становимся отмеченными им, как и он сам отмечен.

— И чего он хочет от нас? — интересно стало послушнику, что Акси́нья думает о служении.

— Странник хочет, чтобы мы делали свою работу, как исполняет её он. Дар одного человека, отданный миру, может намного больше, чем тысяча слов о жизни вечной. Только мало кто понимает.

— Например, те, кто гнал тебя по лесу...

— Они не злые, — Акси́нья уже начала улыбаться. — Просто их мир похож на лукошко с ягодами, если оно наполнено — они не увидят и самого ценного у себя под ногами. А когда замечают, то страх потери охватывает души. Потому что приходится выбирать — либо высыпать собранное ранее, либо пройти мимо чуда. Только невдомёк им — мир намного шире: он вмещает, что ни пожелаешь. Можно отказаться от всего, а завтра получить втрое больше.

Серафим смотрел, как утихает пламя, а дым смешивается с утренним туманом. Ему приходилось уже отказываться от самого дорогого, приходилось отдавать всё, оставляя за собой пепелище. Ныне он знал, что обрёл много больше. Акси́нья была права.

— Ты сможешь сызнова построить? — спросил он.

— Смогу. Даже если снова и снова спалят.

Подскочив на диване, Алексей полминуты озирался по сторонам. Показалось, что по квартире кто-то бродит. Это и не удивительно — Варвара должна была давно вернуться домой. Больше никому.

— Баба Варя! — он выглянул в коридорчик. — Вы?!

— Кому ж ещё быть? — Старушка возилась на кухне. — Не хотела тебе мешать. Всю ночь где-то пропадал. Думала, не увижу, — она вздохнула. — Не слушаешь опытного человека.

— Ничего же не случилось, — вспомнив о встрече в кафе-баре, Алексей заторопился.

— Случится, поздно будет. Поешь?

— Не успеваю, — он наскоро умылся, проверил, на месте ли любимый блокнот и натягивал куртку. — Мы с друзьями уже угостились рано утром. Обещаю восполнить запасы кофе и прочих продуктов.

— Всё бежишь куда-то, — Варвара прекратила попытки вразумить родственника. — А времечко-то оно не воротится.

— А вдруг?! — широко улыбаясь, историк выскочил на улицу.

Алексей разом окунулся в осеннюю прохладу. Ветер трепал желтеющую листву, которая выглядела излишне яркой среди тусклой серости распадающегося городка. Неужели правы Яр и Сашка? Кто-то ворует время через невидимые разломы, высасывает силы из старых районов, забирая чужое.

Стоило задуматься о такой возможности, как Алексей чувствовал замешательство. Так до конца и не поверил. Может розыгрыш, глупый обман?

Он мысленно прикинул, кто из знакомых способен на такую глобальную мистификацию, но так никого и не заподозрил. Затраченные усилия не стоили сомнительного результата. Оба представителя организации из будущего вели себя слишком естественно, чтобы быть статистами в чужой игре. Видение рядом с Сакральным Даром объяснить оказалось и вовсе невозможно.

Поверить невозможно. Невозможно не поверить... Маленькое солнце, появившееся в груди после видения при созерцании Сакрального Дара, не позволяло полностью отрицать возможность чуда. Сознание его словно раздвоилось и спорило само с собой. С усилием он отложил внутренний спор на более подходящее время.

Торопливо добираясь до «Часиков», Алексей подумал, что исследование его летит к бесам. Возможно, к тем самым, о которых упоминал Ярослав. Существа из другого мира были затронуты в разговоре вскользь, но историк запомнил. Удивительно, но необычная история настолько захватила его, что воспоминания о научной работе не вызвали ни сожаления, ни недовольства собой. Случись это раньше, Алексей бы весь извёлся, что впустую потратил время и не продвигается в работе.

Многое изменилось. Теперь ему было жаль, что тема Сакрального Дара, мифического Серафима и тайной истории городка запретна. Алексей точно знал — компаньоны из будущего не позволят копать в городских легендах. Если тот тип из видения и правда их начальник, то пойти против он не сможет. Ясно, что у того всё под контролем. Забыть взгляд человека с фрески никак не получалось. Незнакомец будто знал об Алексее всё, каждую незаметную, скрытую от самого историка мысль, каждое движение души.

«У меня фиг проскочишь», — историк ухмыльнулся, вспомнив старый анекдот про бывалого водителя.

Эта уверенность, неизвестно откуда взявшаяся, плотно засела в сознании. Никакого упрямства не хватит, чтобы переломить правила. Играть с подобными силами Алексей не стал бы, но узнать немного больше не отказался бы, а может и поучаствовать в чём-то интересном.

Подходя к кафе-бару, вспомнил он и про Оксану. Так и не решив, знала она о фамильной реликвии или нет, Алексей думал о новой встрече. Наверное, лучше поговорить откровенно. Не сможет она солгать.

Какая-то часть Алексея шептала, что Ксана изменилась. Она больше не та импульсивная и беззаботная студентка, которую он знал в прошлом. За несколько встреч в городке он сумел убедиться, как ловко она научилась сдерживаться и уходить от ответов. Только и с тягой к бывшей девушке бороться было непросто. Рядом с Оксаной его словно окутывало томительным, но приятным чувством, похожим на ожидание близости.

Кафе-бар встретил Алексея неприветливым полумраком и всё теми же пыльными окнами. Пасмурный день давал мало света, а искусственное освещение внутри давило не меньше серого неба. В воздухе ощущался затхлый запах старого и сырого дерева. Обстановка, в прошлый раз показавшаяся историку вычурно-винтажной, царапнула тоской и уходящим временем.

Бармен, неопределённого возраста человек в замызганном фартуке, бросил неприязненный взгляд на чужака, но быстро отвёл глаза, принявшись протирать стаканы. Его старомодные усы и весь облик напоминали о начале века, когда, вероятно, это место именовалось трактиром. Может быть, сюда приходили промышленник Смуров и доктор Лукашов. Сейчас же было рано для вечерних компаний, но несколько столиков занимали местные. Сашка махнул рукой, обозначив себя.

Ярослав сидел спиной к зале. И не случайно. Подойдя, Алексей сразу заметил, что браслет на руке военного работает и направлен в сторону старинных часов. Столик они выбрали ближайший к застывшей древности. Поймав себя на мысли, что привыкает к постоянной смене событий и новым знакомым, историк занял свободный стул. На столе стояла «минералка».

— Пышки не берите, — посоветовал Алексей. — Они их до революции делали.

Сосредоточенный Яр резко поднял взгляд, сузил глаза, проникая в суть фразы.

— Правда, что ли?

Сашка оживился, мечтательно закатил глаза, широко улыбаясь.

— Эх, едал я как-то пышки в Петербурге...

Сообразив, Алексей негромко засмеялся.

— Забыл, что для вас это совсем не метафора.

— Ясно. — И Яр будто тут же забыл о присутствующих, вернувшись к показаниям на экранчике браслета.

Пока военный был занят, Алексей принёс кофе. После сна голова никак не желала работать в полную силу, а мысли то и дело уводило в сторону. Он не видел Оксану несколько дней. Кто знает, где она пытается отыскать Сакральный Дар для своего «фирмача». Историка неприятно передёрнуло, закипело в груди, стоило представить, что бывшая девушка не просто наёмный искусствовед для бизнесмена.

— Часы, — завершив исследования, Ярослав схватился за бутылку «минералки». — Как

ты и говорил, — он кивнул Сашке.

В ожидании Алексея они занимались изучением местности, как тот догадался. Каждый своим способом. Выводы обоих совпали.

— Они били, — примирившись с фактами, историк решил ничего не скрывать от путешественников во времени. — Местные удивились. Я как раз... — и тут сознание его озарило догадкой.

Яр и Сашка вопросительно уставились на компаньона, ожидая продолжения.

— Что ты сделал?

— Чуть не сказал о чемодане чужому человеку, — пробормотал Алексей. — Нет, не чужому, конечно, но не следовало... Искусствовед бизнесмена. Она... — он ощутил, как кровь приливает к лицу. — Она моя бывшая.

Сашка покрутил головой и чуть ли не присвистнул.

— Знает о наследстве?

— Не уверен. Я сам не знал. Дед никогда не рассказывал.

Переговаривались они тихо, избегая привлекать к себе внимание посетителей и бармена. Алексей иногда бросал, якобы случайные, взгляды вокруг. С его позиции было наиболее удобно следить за обстановкой. Все занимались содержимым собственных тарелок или разговорами. Бармен закончил со стаканами и рылся на полках с бутылками. Тихая музыка заполняла пространство.

— Я бы взглянул на внутренности часов, — сохраняя бесстрастное выражение лица, прошептал Яр.

— Опять не спать, — обиженно засопел Сашка. — Досуха меня выжмешь. Как я работать буду?

— Аптечка, — напомнил Яр с лёгкой ехидцей. — Зато запомнишь.

Он разыскал глазами табличку с временем работы заведения.

— Вы собираетесь... — Алексей всё понял. — Опять.

Очередное незаконное проникновение добавится к списку преступлений. Вот будет рад участковый Генка Резкий. А полковник ещё больше.

— Недавно убили одного горожанина, — Алексей решил выложить всё. — Думаю, он многое знал. О Смуровых точно. Видели бы вы, с каким лицом он общался с Витькой и Казимиром. Бывший мент. Меня допрашивали, потому что за пару часов до смерти мы пили чай. Он будто бы хотел что-то рассказать, но потом просто выгнал. Они тут все заодно.

— Это не тот, что сидел в гостинице? — непривычно серьёзное лицо Сашки немного пугало. — Смерть за ним долго ходила. И смотреть глубоко не пришлось.

— Варвара сказала, что и прадеда моего убили в городе. Не туда нос сунул. А нельзя узнать, что произошло? — Алексей с любопытством поглядел на военного. — У вас наверняка есть способы.

— Есть, — тот подался вперёд, чтобы говорить совсем тихо. — Понимаю, звучит странно, но... Сын доктора Лукашова работал с нами.

Яр выдержал паузу, позволяя историку освоить полученные сведения. Должно быть, ошавевшее лицо сделалось у Алексея.

— Не со мной и этим... «психолухом».

Сашка только фыркнул.

— С исследователями из будущего? — Алексей сам сформулировал ответ.

— Это называется «работать на Институт», — подсказал Сашка.

Поведя плечами, Ярослав нахмурился.

— Не главное. Важно, что помогал и знал. У него было такое же кольцо. Теперь оно у Смурова. Ты сам говорил.

— У Казимира.

Найдя после сна хрупкое равновесие, Алексей снова ощутил уходящую из-под ног землю. Не успел вместить в сознание предыдущие факты, как досыпали доверху.

— Выходит кто-то из них, — он пытался вспомнить точные слова Варвары. — Была ссора между семьями.

— Смуровы не имеют отношения к Институту, — подтвердил Яр. — Я проверил, когда узнал про кольцо. Одна из попыток архивировать свитки приходится на то время. После гибели сына доктора Лукашова случилась неразбериха с данными. Должны были прислать кого-то для расследования, как положено по уставу, но аналитики не дописали базу или потеряли сведения при пересменке. У них там филиал ада обычно. Момент упустили. Новая возможность появилась сейчас.

Алексей обдумал ситуацию. Они продолжили шептаться.

— Бумаги забрал промышленник, — из опасений он не стал произносить слов «свитки» и «тайник». — Доктор Лукашов и его сын, то есть мой прадед, узнали и пытались вернуть ценность, продолжая хранить второй артефакт. Дело было долгое. Доктор успел умереть, а затем убрали и сына. Его жена с детьми уехали в большой город. Тот, кто убрал прадеда с дороги, забрал кольцо. Оно ценное?

— Обычное серебро, — пальцы Яра коснулись перстня. — Имеет значение только для знающих. Оповестительный знак и пропуск в Институте.

— А у тебя не видел, — Алексей повернулся к Сашке.

Молча, тот вытащил из-за ворота цепочку, на которой было закреплено кольцо.

— Мешает работать. Потоки блокирует, — он забавно пошевелил неуклюжими и короткими пальцами, казавшиеся не такими уж чувствительными.

Размышляя о прадеде, Алексей отметил определённую иронию в происходящем. Опять один из Лукашовых сунул любопытный нос не туда, куда следовало, связался со странной организацией из будущего и встал поперёк замыслов Смурова.

Семья промышленника замешана в смерти прадеда. Не на пустом месте Варвара старательно избегает этой темы, не хочет ссориться с ними. Знает ли Казимир, откуда появился перстень? Почему-то Алексей был уверен, что смотритель музея скрывает больше, чем готов показать окружающим. Тот же Борисыч недолюбливал бывшего журналиста, общался сквозь зубы.

Как же непросто разобраться в хитросплетениях отношений и истории маленького городка, куда вмешался жадный до ценностей бизнесмен и команда из таинственного Института. Алексею было всё ещё сложно осознать факты.

С этого дня каждый из общины открыто и спокойно занялся своим делом. Акси́нья вела маленькое хозяйство, наполняла скит странными изобретениями и задумками. Братья по дару охотно помогали.

Андрей расписывал подземные своды, подолгу пропадая в молельне и тайном ходе, открытом Серафимом. Исследуя хорошо укреплённый путь, они вышли к подвалам Троицкого монастыря. Для особых случаев построен и не случайно найден, догадался Серафим.

Он чувствовал, что вскоре пригодится им тайное убежище. Стальное веретено в груди становилось горячее, зов громче, с пальцев срывались слова, наполненные силой. Казалось, что одним таким словом послушник может изменить ход самого времени. В глазах Акси́ньи видел он себя и служение. Только острой иглой засела тревога — уходить надо бы из скита, но и время не пришло.

Неделя прошла, как жители городища сожгли ветряк над источником. Весеннее солнце растопило весь снег. Зазеленела молодая трава. В один из дней, громко топая, торопливо прибежал сын плотника Дан. Запыхался, лицо ветками расцарапал, но сразу же бросился к Серафиму.

— Дядь, беда. Отец велел предупредить. Он в городище был и... — мальчонка задохнулся, дух еле перевёл.

— Отдышись, — Серафим подал ему воды. — Вот так. Теперь сказ веди.

Дан отёр лицо рукавом, губы дрожали.

— Беда. Голова дружину собирает и остальных, кто хотел бы за ведьмой идти. И о тебе, братьях, дурное говорили. Вскоре в общину придут с воинами. Люди злы на тебя. Тятя слышал, как калечные ругали перед головой, что прогоняешь больных, кто за помощью господа пришёл, а одержимых бесами в ските привечаешь.

— Благодарность моя тебе, Дан. И отцу передай благословение, — посерьёзnel Серафим. — Беги домой, да не оборачивайся.

Когда пропал мальчишка среди деревьев, послушник собрал всех и рассказал об опасности. Многие из братьев знали о людской неблагодарности и злобе. Все они испытали на себе неверие мира, пережили горькие времена. Поэтому все как один взяли самое ценное, что у них было, и спустились в подземелье. Серафим собрал свитки с собой, но спускаться в подземелье не собирался. Иное задумал, что показалось правильнее.

— И припасы твоигодились, — сказал Андрей. — А я, дурак, не верил. Выстоим ли? Не отыщут ли? Сам-то куда?

— Господь убережёт, — только и ответил отшельник, не отводя взгляда от Акси́ньи.

Девушка спокойно раскладывала тёплые покрывала, чтобы переждать опасность, как будто совсем не страшилась неизвестности, свыклась с какой-то тайной мыслью о неизбежном.

— Коль найдут они вход, то бегите к Троицкому монастырю подземельем. Поняла, Акси́нюшка? — Серафим строго посмотрел на неё.

— Придёт срок, узнаем, что делать, — она деловито оглядывала молельню, всё ли, что задумала, сделано. — Себя береги, Серафим и свитки. Время скоро. А ты иди, иди. Так надо. Мы справимся, — в серых глазах притаилась грусть и решимость.

— Знаю, сестра Аксинья. Чует сердце. В поселение пойду, — прощаясь, объяснил он. — Там народ честный, помогут. Брат Кирьян болен. Далеко не уйдём. Попрошу подводу дать или выкуплю. Жаль покидать обитель, да вижу, что беда из городища часто приходит будет. А сейчас, бог даст, избежим. Обустроимся на новом месте.

Спуск вниз он скрыл самотканой подстилкой, лежанку выдвинул, чтобы не нашли городские. Спрятал как смог. Быстро удалялся от скита, помня прощальный взгляд Аксиньи: живой, светлый и решительный. Зацепилась за душу дева, не вырвешь. Пока Серафим шёл, издали услышал отряд из городища, скрылся от них, наблюдая со стороны, слушая разговоры.

— Мужиков в острог или убить, а с ведьмой что?

Спрашивал некто у городского головы, который впереди шёл.

— С ведьмой я сам говорить стану. Будет знать, как брыкаться, да честным мужам отказывать, — зло пролаял тот.

— Ты ж жениться на ней хотел? А, голова? — весело поддел его главный над дружиною, так же шествующий впереди. — Готов был сироту без приданного в дом взять. Обхитрила она тебя, сбежала к скитнику.

— Помолчал бы ты лучше, — недобро ответил мужчина. — Не случилось, чтобы я девку гулящую с честной девушкой спутал. Теперь-то уж точно получу своё. Натешусь вдоволь, да выкину собачонку за ворота.

Смеялась дружина, а сердце Серафима сжалось от боли. Может, напрасно оставил он братьев и Аксинью одних. Сам бы вышел встречать злодеев, отворотил со двора общины, приняв на себя людской гнев. Раздумывая, пошёл послушник дальше, ноги за коряги спотыкались, ветви одежду цепляли. Душа назад рвалась. Красное взор застилало.

Закрыл Серафим руками лицо, зарычал зверем и бегом бросился обратно к скиту. Огнём горел стальной стержень в груди, а спрятанные за отворотом свитки пекли кожу, взывая к силе. Одной мыслью жил он сейчас.

— Аксиньюшка, — шептали губы. — Зачем оставил тебя на поруганье?

Издали заметил, как дымно небо, окрашенное пламенем, услышал женский крик, точно звал он его раненой птицей. Открыто Серафим вошёл во двор. Городские вытащили Аксинью, удерживая перед своим головой, воин пику прямо в грудь наставил.

Простоволосая, с разорванным воротом рубахи она стояла и не отводила взгляда от злодея. Маленькая, хрупкая, но высоко голову держала. За спиной полыхала верхняя келья. Кто-то из братьев лежал поперёк входа, ещё один в грязи под ногами дружины.

Очень хотели найти желаемое, не остановил пустой скит. Перерыли сверху донизу, в каждый угол заглянули, а может, кто из отправленных назад калечных поведал об устройстве скита. Почему же не ушли в монастырь жители общины?

— Отпусти деву, голова! — Серафим положил ладонь на грудь, сердце готово было выскочить наружу, а свитки прожигали тело.

И в ту же минуту Аксинья повернулась к послушнику, поглядела, разбитые губы изогнулись в улыбке, задвигались, точно шепча: «Пришло время, пришло». Прикрыв глаза, она ринулась вперёд. Невероятно легко прошла пика через деву, так же легко выдернул удивлённый воин оружие обратно.

— Дура девка, — выдохнула дружина едиными лёгкими.

Со стоном осела Аксинья на землю, взгляд затуманился, растекалось бурое пятно по льну рубахи. Сила её выплеснулась, потекла к Серафиму, стоявшему, будто самого пронзили сталью, нещадно рассекли. Обе ладони прижал к спрятанным на груди свиткам,

вскрикнул, не удержав боли, казалось, что-то лопнуло внутри, раскалывая тело. Незримый огонь и ярость пробивались сквозь пальцы. Исправить, повернуть вспять неизбежное. Ничто больше не желалось послушнику. Только бы живы остались братья, сияли светом глаза Аксиньи.

— Тащите скитника! — приказал голова. — Спалим его вместе с остальными одержимыми. Камня на камне не оставим от бесовского места. Сотрём проклятые лики.

Злое горело в нём так же, как пылал Серафим. Сошёлся огонь в невидимой битве. Бросились воины к отшельнику, но остановились, замерли, задрожав, закрывая лица.

Ярким светом вспыхнуло в груди Серафима. Видимым на мгновенье сделалось огненное веретено, накручивая ниточки и толстые нити путей-судеб. В горсть он сжал оживающие на свитках слова, чтобы смешались они с силой Аксиньи и его собственной. Тело Серафима выгнуло от боли и нечеловеческого усилия.

— Нет! — Раскрылся рот, выпуская крик, вяжущий своей мощью узлы из невидимых нитей времени.

Ветер пронёсся по двору общины. В лихорадке, не осознавая себя, молодой послушник видел, как неестественно отступают воины, поднимается Аксинья, чьё посеревшее лицо снова обрело румянец, и машет зло руками, трясёт бородой городской голова.

Порывом ветра ударило по людским фигурам, вытряхнуло пыль из одежды. Назад, дальше... Там, где все живы и нет злобы человеческой. Пусть не существует их боле. Пусть гонит их огненный ветер времени, как и они гнали братьев и сестру Аксинью. Уничтожить и создать заново — всё подвластно дару, что вливал мощь в закорючки слов. Свитки обретали силу.

Перевернулся мертвец на спину, один из братьев по дару, убитый ранее, а деву поволокли в келью. Медленно уползал второй брат в чёрный проём деревянного сруба. Дым поредел, открывая чистое небо.

Закружило Серафима, путая в нитях чужих путей и даров. Ноги подогнулись. Пустота на месте прогоревшего стального веретена ужаснула до воя. Распалось углями и было унесено ветром, что осталось. Падая в темноту, он успел ухватить взглядом искривлённые лица городских и дружины. Они будто бы темнели и разлагались, а после рассыпались на фоне слишком ярких красок обители я синего неба.

Тихо сделалось. Серафим решил, что оглох. Руку свело судорогой. Он продолжал сжимать в пальцах свитки, без огня опалившие грудь. Так и лежал, не видя двора и не слыша ни звука. Собственное сердце не билось. Время застыло. Нити и потоки провисли, как верёвка под тяжестью мокрого белья.

— Я умер? — прошептал, но голоса не услышал. — Как спокойно...

Пустота на месте стального стержня заполнялась тишиной и светлым покоем. Не горело больше, не жгло горьким зовом.

— Окончено служение, Серафим, — разлилась синь небесная перед внутренним взором, появилось лицо странника из темноты, глубоко пролегли старые шрамы, будто старше стал вечный помощник. — Но немало иных дел осталось.

— Разве исполнил я главное? — с сомнением послушник внимал словам. — Что я сделал? Погибли мои братья, несущие дары. И Аксинью погубил...

— Не думай о потерях. Единожды возможно исправить. Повернуть вспять реку времени. Спасти тех, кто должен жить. Забрать время у врага и стереть лишние нити. Здесь и сейчас, Серафим, — мягко говорил странник, смотрел светло, но устало. — Вставай и осмотришь.

Люди ждут тебя. Весна в мире...

Проникать в кафе-бар ранним утром решили через день. Несмотря на торопливость Ярослава, его компаньон настоял на отдыхе. Жизнерадостный Сашка и правда выглядел уставшим. Алексей не понимал, в чём заключаются способности бывшего попутчика, но тот утверждал, что в случае опасности не сможет выложиться полностью, если они не переждут немного. На том и сошлись. Ярослав согласился отложить операцию. К тому же он ждал новых сведений от аналитического отдела Института.

Слушая пояснения, Алексей постоянно ловил себя на сомнениях в реальности происходящего. Разве могло быть правдой, что он разговаривает с людьми из будущего? Правда, существуют артефакты вроде Сакрального Дара или свитков, которых он не видел? А разломы, ворующие время у городка? Или, как сказал Ярослав: «Гоняющие потоки, забирая и передавая кому-то невидимые силы жизни».

Алексей прилаживал факты к собственному миропониманию, ломая стройную и устойчивую конструкцию, которая была привычна. Вероятно, ему придётся разрушить старое до основания, чтобы вместить туда фантастические детали изменившейся реальности.

Закупив обещанных Варваре продуктов, он вернулся в квартиру родственницы. Вместе они неторопливо разложили провиант, и Алексей осторожно сообщил, что вскрыл посылку деда. Он почувствовал, как запылали уши, когда показывал содержимое чемодана, умолчав об иконе. Так было нужно. Ярослав ничего не говорил историку, не просил лгать старушке, но все обстоятельства и логика событий вели к этому.

— Чудит Мишка, — пожалала плечами баба Варя, перебирая старые книги. — Ладно, спрошу потом, когда созвонимся.

Холодок пробежал по спине Алексея. Как же он мог забыть?!

Он сам должен позвонить деду и рассказать, что с фамильной ценностью ничего не случилось, икона доставлена на место и заархивирована. Яр обещал, что дед поймёт слова о кольце. Было не слишком поздно, чтобы поговорить прямо теперь.

— Воздухом подышу, — убирая чемодан обратно под вешалку, сообщил он родственнице.

Варвара обещала подумать, куда запихнуть старьё, а пока решили оставить всё как есть.

— А поесть?! Опять убегаешь.

— Вернусь и с удовольствием, — Алексей улыбнулся беспокойству старушки.

Быстрым шагом он прошёл вдоль дома, свернул в чужой двор, где отыскал скамью, засыпанную желтеющей листвой. Осень казалась внезапной стихией, налетевшей на городок. Вокруг ни души, и Алексей расположился на скамейке.

Когда-то деду Михаилу преподнесли семейный подарок — мобильный телефон. Кто-нибудь из близких постоянно оплачивал связь. Здоровье деда беспокоило всех, потому не пожалели денег на дорогую современную игрушку.

Алексей несколько минут подбирал слова, чтобы успокоить, не навредить. Потом вспомнил, что он не в большом городе. В провинции со связью всегда были перебои. Он даже не знал, если тут местная сеть, понадеялся на близость города-миллионника.

Возле скамьи сеть не ловила. Некоторое время пришлось бродить по двору в поисках связи. В итоге историк забрался на детскую горку.

— Дед, это я, — он старался говорить негромко, но радостно, в трубке потрескивало. — Доехал, несколько дней как. Привет тебе от бабы Вари.

Как и ожидалось, первый вопрос был о чемодане. Алексей был готов.

— Довёз. Хорошо, не волнуйся, — собравшись с духом, он выдохнул. — Послушай, дед. Сядь. Нет, не страшно... Сядь, говорю. Ты когда-нибудь видел перстень с готической «Т»?

Молчание деда было недолгим, но тревожным, а Алексей словно угадывал развитие разговора. Конечно же, старик помнил необычное кольцо, которое носил отец. После смерти старшего Лукашова оно пропало. Тогда решили, что убийца купился на серебро.

Неустойчивая связь не позволила говорить долго, но Алексей успел сказать главное — икону забрали надёжные люди, чтобы спрятать. Дед же вспомнил, как отец, показывая украшение, говорил, что можно доверять человеку с подобным знаком. О подробностях расскажут друг другу позднее. У Алексея отлегло от сердца. Задание деда он выполнил, и тот вполне доволен результатом. Артефакт далеко и посторонним не достанется.

Дождь застал историка на подходах к дому. Небо помрачнело, набухло серостью. Тёплая, пахнувшая свежей едой, кухня Варвары показалась Алексею самым лучшим местом, чтобы переждать непогоду. Впрочем, он больше никуда и не собирался. До похода в «Часики» оставалось больше суток. Можно спокойно полистать блокнот с записями, всё обдумать и выспаться, наконец.

Он успел всё, даже удивиться, как неожиданно жизнь сделалась размеренной и спокойной. Целые сутки никто не искал с ним встреч, не звал в неизведанное, не приходилось бежать, цепляя на себя лавину информации и событий. Слишком хорошо, но и непривычно скучно.

Под шум дождя Алексей заснул быстро, не услышав под утро, как баба Варя собралась на работу, шелестя прозрачной плёнкой, заменившей ей плащ. Посторонний звук ворвался в размеренные потоки воды внезапно, заставив подскочить на диване. Наскоро натянув брюки, не застёгиваясь, Алексей прошлёпал босыми ногами к двери, в которую отрывисто и тревожно стучали. Мрак за окном и не думал сменяться предутренней серостью.

— Кто?! — Он вначале прислушался, но, когда звуки повторились, хрипло вытолкнул из горла короткий вопрос.

Со сна реальность немного плыла, плохо отпечатываясь в сознании.

— Я! Ксана! Алёша, я промокла, — женский голос за дверью дрожал.

Алексей немедля открыл, впуская в коридорчик осеннюю сырость и, тенью метнувшуюся, бывшую возлюбленную. Вода стекала по тёмным волосам Оксаны, капала с одежды на пол.

— Снимай быстрее. — Он начал помогать стягивать тонкий плащик, деловой пиджак, под которым даже блузка прилипла к телу, показывая притягательные формы.

Историка обдало горячей волной. Ничуть не смутившись, Ксана уже расстёгивала кофточку.

— Такой ливень, — выдохнула она низко, тягуче, и взгляд у неё был такой же, обволакивающий.

Она плавно прошлась глазами по полураздетому, всклокоченному со сна мужчине.

— Сюда.

Алексей машинально открыл дверь в ванную, не в силах отвести взгляда от стройной фигурки подруги. Когда зашумела вода, он словно вынырнул с глубины, хватая ртом воздух. Такой желанный натиск Оксаны походил на грозную бурю. Молния попала точно

в историка, мигом всколыхнув память. Из прошлого услужливо выскочило самое сладкое и приятное, что у них было. Совсем смутно пронеслась мысль, что же привело Ксану в такой час в чужой дом.

Сообразив, он метнулся к сумке, вытащил чистую рубашку и просунул в узкую щёлочку двери. Тонкая рука перехватила ткань.

— Спасибо, дорогой.

Вода затихла.

— Горячего выпьешь? — Алексей было обернулся к кухне, но жаркая ладонь коснулась плеча.

— Есть что-нибудь получше? — Правильный рисунок губ Оксаны многозначительно изогнулся, тонкие пальцы прошли по коже, провоцируя напряжение мускулов.

Он замер, охватив взглядом женский образ перед собой. Рубашка не прикрывала маленьких аккуратных коленок, в распахнутом вороте виднелась ямка на шее и трогательные косточки ключиц, совсем девичьих, если бы не внушительные округлости ниже. Несомненно, за последние годы Оксана расцвела, наполнилась женской силой, подобной омуту, куда захотелось нырнуть разом, раствориться хотя бы на время.

Алексей подался к зовущему его телу, не думая о том, что будет после. Здесь и сейчас она была нужна ему. Он желал этого с первой секунды, как увидел Ксану в ресторане вокзала. Так сладко было получить желаемое, прижать, полностью присвоить себе. Она изгибалась ласковой кошкой в его руках, послушно и умело; звала за собой голосом древнейшего из инстинктов, — полностью раскованная и свободная. Алексей не помнил, была ли она такой раньше, но ему нравилось, как жадно Ксана утоляла их общую жажду.

Жалобно поскрипывал диван. Одежда на полу сиротливо жалась к ножке стула. Это был настоящий взрыв сразу всех чувств, уносящий и незначительную мысль мощным потоком, сминая логику.

Оглушённый Алексей не обращал внимания на то, как тихонечко ноет в груди, обретенное после видения, веретено силы. Он всё яростнее удерживал, подминал под себя легко поддающуюся Ксану, вдыхал острый осенний аромат влажных волос и свежесть кожи. Она же открыто и просто позволяла брать себя.

Пройдя пик, они немедленно распались на две части, бывшие когда-то целым. Обнажённая спина Оксаны белым пятном мелькнула в полутьме. Она ушла в ванную, а Алексей, всё ещё без единой мысли, восстанавливал дыхание, удовлетворённо переживая опустошение. Историк не заметил, как навалился быстрый и неглубокий сон.

Неизвестно, сколько прошло времени. Вынырнув из полудрёмы, он понял — руки больше не сжимают в объятиях гибкое тело, что уже казалось привычным. За окном чуть посветлело и дождь прекратился. Свет из коридора косо ложился на пол в проёме двери. Там двигалась тень. Протерев глаза, Алексей рассмотрел Оксану, торопливо копающуюся в раскрытом чемодане деда. Она была полностью одета. Тонкий плащик оставался влажным и немного помялся.

Протрезвел от сладкого хмеля он сразу. Точно ужалило острой иглой под рёбра. Обжог изнутри огонь, бывший когда-то просто тёплым солнцем. Незнакомая прежде сталь собрала разрозненные осколки души. Укусив себя за нижнюю губу, Алексей окончательно вернул реальность. Следом родилась злость. На себя.

«Наивный идиот! Как же легко тебя оказалось провести», — он мысленно добавил и другие, более крепкие выражения.

Понимал, не ожидал от когда-то близкого человека подлости, поэтому ругать себя было не за что, но злился. Что он знает о жизни Оксаны после расставания? Где она была и с кем? Из рассказа Ярослава: бизнесмен-коллекционер не может остановиться, желая заполучить артефакт. Они знали о Сакральном Даре и деде. Обыски на его квартире произошли дважды. Значит, и Оксану подложили...

Во рту сделалось мерзко.

Дверь была едва приоткрыта, а подруга увлечена содержимым чемодана. Она и не увидела, как осторожно Алексей поднялся, натянул брюки, сделал несколько шагов по комнате и скользнул в коридор, перекрывая доступ к выходу.

Алексей встал перед дверью суровым стражем и сложил руки на груди. Злость перекипела в нём, слившись с огненным веретеном силы, словно сделав его крепче и устойчивее.

— Не трать время, Оксана. Там нет того, что тебе нужно. — Он услышал, насколько собственный голос звучит холодно, отстранённо и пугающе вкрадчиво.

Он никогда не замечал за собой способности играть интонацией, предпочитая говорить откровенно, что думает. Особо воздействовать на людей Алексей так же не умел, но в этот момент льдом охватило позвоночник от внезапного открытия в себе чужеродной бездны. Оксана отшатнулась к стене. Взгляд её заметался, как будто искал защиту или опору.

— Я... — Она явно не знала, что ответить, мучительно подбирала оправдание. — Чемодан задела. Он раскрылся.

— Больше не лги. Пожалуйста, — вязко и тихо произнёс историк, наслаждаясь ровным горением веретена в груди и новыми ощущениями силы.

Опять, как и с интонацией, произошла метаморфоза, губы сами собой растянулись в саркастичную усмешку. Соприкосновение с Сакральным Даром будто разрубило узлы, с давних времён сковывающие нечто непознанное в душе. Неожиданно, Алексей вспомнил образы из детства, когда всего один раз ударил старшеклассника, требовавшего у него, первоклашки, деньги. Ударил слабо, как смог, но ледяное пламя стального стержня внутри вылилось через взгляд. И парень, на две головы выше ростом, отступил, споткнулся и, падая, рассадил затылок. Крови было много. Маленький Алёшка испугался, а чувство вины надолго засело в детском сознании.

Затем разговоры с директором, вызов родителей в школу, долгие беседы с отцом. Вымогатель не признался, что начал первым, а Алексей не захотел объяснять и доказывать свою правоту. Много лет потом ему внушали, как он должен себя вести: не решать конфликты кулаками, не смотреть на людей с давящей силой. Оказывается, родители не первый раз замечали в мальчике этот странный взгляд, который беспокоил и их. Всколыхнулась давняя обида, но Алексей быстро расправился с ненужными чувствами. Взгляд человека с фрески, видение рядом с иконой вернули ему самого себя.

Он холодно отметил, как подружка вжалась в стену, съёживаясь, опускающая плечи. Лицо побледнело.

— Алёша, это же я! Не смотри на меня... так. Ты на себя не похож!

Нет, он не был чудовищем, каким на миг показался и Оксане, и самому себе. Немедленно рассеялась тень предположения, что события, вихрем пронёсшиеся в городке, пробудили дремавшие изъяны психики. Но у него была цель, предуготованная роль в потоке. Тонкие нити мастерски сплели таким образом, чтобы Алексей оказался «здесь и сейчас». Поучаствовал в спасении умирающего места, а может быть и в прочих других случаях,

которые только ещё зреют во времени. Этим же «даром» владел доктор Лукашов, далее его сын, на котором линия оборвалась после убийства и кражи кольца. И историк точно знал, кто управляет всей системой, а значит, вложил нужную функцию в нестабильное человеческое тело. Несколько раз ему пришлось посмотреть в глаза стихии, всегда находящейся над схваткой.

Почувствовать себя лишь фигурой на многомерной шахматной доске было неприятно, но понимание значимости событий перевесило. В конце концов и Ярослав, и Сашка, и тысячи таких же незримых воинов были рассеяны по течению времени. Поверил, раз и навсегда. Алексей Лукашов ничем, не отличается от них. Осознание походило на момент единения с бесконечностью звёздного неба, когда он смотрел сквозь разломы купола Троицкого монастыря.

Секунды мысли, и он спокойно, немного оценивающе смерил потускневшую Оксану взглядом.

— Рассказывай.

Алексей словно сделал незримый широкий жест, предоставляя подруге свободу. Запретной оставалась только дверь из квартиры. Ксана могла выбрать любое место, чтобы устроиться, пожалеть трясущиеся коленки, облегчить себе участь, но осталась стоять у дверного косяка. Чемодан валялся в ногах. Старые книги в беспорядке грудились внутри. Иронично покосившись на когда-то ценный груз, историк повторил:

— Говори. Скоро вернётся Варвара. Шанса будет упущен.

Выпрямившись, Оксана сжала челюсти, смотрела с опаской.

— Где он? — Она заставила себя произносить слова.

Алексею же, напротив, было невероятно легко.

— Сакральный дар?

Он повёл плечами, чувствуя, как кожа покрывается колкими мурашками. Под утро сделалось прохладнее. Одним решительным движением, он взял подругу за руку и завёл в комнату, заставил сесть на диван, где недавно они предавались страсти. Об этом вспомнилось вскользь, как о незначительной мелочи.

Она не сопротивлялась. Была так же послушна, как и в его объятиях, распластанная на проклятом диване. Только вздрогнула, опустила взгляд, когда увидела на лице историка чуть заметную усмешку. Всё поняла, потеряв остатки напористости и сил.

«Притормози, — сам себе велел Алексей. — Ты же не прожжённый циник».

Он плохо представлял, как управляться со стальным стержнем, появившимся внутри. Его личность как будто пыталась выстроить новые структуры вокруг чужеродного, но необходимого центра, горевшего тёплым солнцем. Совсем как тот маленький шарик света в руках незнакомца на иконе. Человек стоял перед доверчивым мальчиком, передавая ему настоящую ценность, которую невозможно было увидеть простым взглядом. Имплантация или, скорее, реанимация давно мёртвого прошла успешно, но с непривычки Алексея начинало заносить. Пришлось глубоко вздохнуть, сделав вид, что занят поисками рубашки.

— Мне показалось, что прошлое вернулось, — он аккуратно и неторопливо застёгивал пуговицы.

Оксана вскинулась, зацепилась взглядом, точно надеясь на что-то.

— Но нет... Здесь и теперь всё закончилось.

— Навсегда? — Почудилось, что она жалела об ушедшем, но он не стал заострять на этом внимание, внутренне оперявшись на успокоительное безразличие.

Она не тот человек, с кем бы стоило тратить время. Удивление продолжало иногда подниматься в нём, словно он смотрел со стороны на чужого и незнакомого парня. Однако, это оставался он сам.

— Да. Давай к делу. — Ногой Алексей пододвинул стул, чтобы сесть ближе к бывшей подруге, но не рядом. — Сразу предупреждаю, что я всё знаю. Твой бизнесмен напрасно гонял искусствоведов и терзал Воробышева. Иконы больше нет.

Покрасневшие глаза Оксаны в ужасе округлились.

— Совсем нет? Ты...ты её уничтожил?

— Верить, что я мог так поступить? — Алексей даже рассмеялся. — Видела только копии или оттиски? Как узнала про чемодан?

— Догадались. Деда твоего испугнули ребята работодателя. А тут ты с грузом. Не сразу дошло, все ноги стёрла, бегая по городку. Воробышев этот мерзкий... Сакральный Дар очень ценная и редкая вещь, — в тоне Оксаны появился вызов. — Достаточно и копии, чтобы понять.

— Уникальная. Если видела копию, считай, ничего не видела. И принадлежит икона моей семье. Напоминаю, если ты забыла. Но раритет всего лишь вещь. Каково это — лечь под мужика ради крашеной доски? — Его снова эмоционально качнуло в грубость.

— Где икона? — Она упрямо поджала губы, отодвинулась на самый краешек дивана, смиряясь с унижением.

— В Государственном фонде, — подходящее слово нашлось быстро. — В первый день приезда наши. Пришлось мотаться туда-сюда, но оно того стоило.

Фыркнув, Оксана выпрямила спину, слабая и неуверенная улыбка озарила осунувшееся лицо.

— В твоём духе! Альтруист хренов. Будет проще. — Она поднялась, поправила растрепавшиеся волосы и направилась к выходу.

— Зачем тебе это?

Алексей проводил бывшую подругу взглядом, с некоторым злорадным наслаждением думая, что из хранилища в будущем со всеми деньгами ни один «фирмач» не вытащит артефакт.

— Дело, ничего больше, — Оксана будто переняла у него холодность, вернула приветливую маску.

— Ясно. Раньше ты не была меркантильной.

— Дурой была. — Она резко обернулась уже у двери. — Потом насмотрелась, как люди живут. Я тоже хочу. Просто жить. А домик в Швейцарии на дороге не валяется. За него можно и под мужика. Тем более, не посторонний ты мне, Алёшенька, — Оксана лукаво улыбнулась, соблазнительно изогнулась, напоминая о ночи. — Прошлое было сладким и сейчас не хуже. Я поверила, что соскучился. Цены бы тебе не было, Лёшик, если б икону отдал, да сам ум для дела использовал.

Провожать её Алексей не стал.

— Хорошей погоды... в Швейцарии, — бросил в спину, точно пощёчину.

Оксана вздрогнула и хлопнула дверью. Долго размышлять историк не собирался, а занялся наведением порядка в квартире. Не годится, если Варвара придёт с работы и обнаружит следы пребывания посторонней женщины. Некрасиво выйдет.

Потом он несколько часов бродил по городу. Почти не встречая прохожих, не всматриваясь в серые стены и разбитые дороги, старательно выскребал из памяти

ненужное. Осенний ветер выдул из сердца остатки щемящей тоски. Так что вернулся Алексей спокойным и полным решимости. Возможные опасности и неожиданности при незаконном проникновении в кафе-бар показались приятным бонусом к скуке, наполнявший городок. Всё тянуло куда-то, словно слышался зов, но дряхлеющие стены и мостовая не отпускали.

Вечером они сыграли с Варварой в карты и разошлись довольные друг другом. Алексей не забыл предупредить, что уйдёт рано. С Яром и Сашкой было обговорено место встречи. Родственница вздохнула, по руке погладила.

— Так и не уехал. Как бы не было беды.

— Это безопасно, — Алексей старался говорить уверенно, чтобы не беспокоить старушку. — За город едем.

На самом деле сердце нет да билось быстрее, когда историк думал о вылазке. Они заняли позицию в проулке за углом дома, откуда отлично просматривался вход в «Часики». Промозглая сырость раннего утра заставляла иногда всех вздрагивать, поводить плечами. Сашка тихо матерился, поминая возможную простуду недобрым словом, но выглядел посвежевшим.

Алексей прислонился к стене дома, размышляя о слишком быстрых событиях, ворвавшихся в его жизнь. Что он делает на улице в такой час, было решительно непонятно. Почему поверил странной истории?

— Разлом на месте, — сообщил Сашка, проверив кафе-бар одному ему известным способом. — Потягивает тихонько потоки. Скоро от города одна пустышка останется.

— А что, начальник ваш, не может сам тут все разломы закрыть, злодеев наказать, город спасти? — Отлепившись от стены, Алексей наблюдал, как в кафе-баре гасят свет за пыльными витринами. — Мне он показался способным и не на такое, если верить этому вашему видению.

Ярослав с интересом обернулся к историку. Несколько минут назад он сосредоточенно изучал ответы из аналитического отдела и разбирал сообщения, водя пальцем по экрану браслета. Военный никак не прокомментировал полученные данные, но Алексею показалось, что стал более охотно отвечать на вопросы и не лавировал между темами, как сапёр.

— Он такой же человек, как и мы. Или почти такой же. То, что у него договор с Конструктами над мирами, не делает его всемогущим.

— Ох уж эти Конструкты, — проворчал Алексей.

Разница в базовых знаниях сказывалась на каждом шагу. Естественное для Яра и Сашки, для историка звучало, как тарабарщина. Ярослав это понял.

— Краткий курс, — он ухмыльнулся, оценил обстановку возле «Часиков» — следовало подождать несколько минут после закрытия, и пояснил. — Институт занимается вопросами времени и слоями реальности. Измерения, слышал?

Пришлось согласно кивнуть, не признаваться же, что всегда был далёк от околонучной фантастики.

— Есть зоны ответственности. Главный над зоной — Конструкт, входит в Совет Конструктов. Над ними единый Конструкт. Начальство Института отвечает за нашу реальность на всех временных отрезках. Иногда приходится контролировать ход истории. Немало желающих вмешаться, подправить не в пользу человечества. Детали опущу, долго и не нужно. Исходя из твоего вопроса — есть события, где эффективнее действует конкретный человек, есть события, где никто не эффективен. Мы называем это точкой нулевой локации. Событие неизбежно и его невозможно исправить.

— В нашем случае?

— Использование команды наиболее подходит к случаю, — Яр быстро проверил браслет, прошёлся ладонью по поясу и карманам. — Всё. Идём.

Оглядываясь, они ненадолго задержались у двери. Сашка ловко разобрался с замком и сигнализацией. Отмычка Ярослава следом пошла в ход. Переступая порог кафе-бара, Алексей поймал себя на чувстве радостного возбуждения. Как будто снова стал маленьким мальчиком, которого ожидают новогодние подарки и чудеса, а он по детской наивности в них верит. В груди тихонько вибрировало, откликаясь на эмоции, стальной стержень помогал оставаться осторожным и замечать мелочи. Например, полотенце, комком брошенное на стойке, влажные следы свежей уборки на полу, тиканье часов...

— М-м, — Сашка приостановился, покосился в сторону Алексея, прищурился хитрым глазом. — Ярик, дорогой, у нашего друга подарочек заработал.

— Прекрасно, — тот совершенно не разделил восторга компаньона, настолько был поглощён разглядыванием напольных часов. — Люблю, когда всё правильно.

— Не бойсь, у меня такой же, — подмигнул Сашка. — Начальник всегда знает, кого выбрать для дела.

Алексей уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но другая, более поразительная мысль перебила остальные.

— Часы идут, — он изумлённо кивнул в сторону резного деревянного корпуса.

Стрелки и правда двигались, но в неполюженном для них направлении.

— Отступаем, — молниеносно Ярослав раскинул руки в стороны, направляя товарищей себе за спину и оттесняя к стойке.

За ней они и укрылись. Несколько нажатий на браслет и Яр замедлил движения расслабляясь.

— Щит на месте.

— Хитроумно, — хмыкнул Сашка. — Классический механизм, как способ работы с потоками.

— Часы стояли, — напомнил Алексей. — Кто-то включает этот...механизм.

— По необходимости, — согласился Яр. — Хотелось бы заглянуть внутрь, но пока система работает, нам лучше избегать контакта, если возможно.

Сашка немного постоял с закрытыми глазами и неожиданно выдал версию:

— Механизм запустили. Времечко утекает. Заинтересованное лицо может сейчас появиться.

Ярослав нагнулся, проверяя место под стойкой.

— Должны поместиться. Темнота поможет скрыться.

С улицы действительно не проникало ни отблеска от единственного фонаря возле «Часиков». Раннее осеннее утро оставалось мрачным. В тишине поскрипывали половицы, а следом Алексей услышал, как тонкие коготки царапают по дереву.

Незамедлительно Сашка напрягся и резко повернул голову к входной двери.

— Есть!

В едином порыве все трое присели за стойку бара, выглядывая поверх отполированной сотней локтей столешницы. Нетерпеливое царапанье усилилось. Они увидели, как внизу двери приподнялась заслонка — маленькая дверца, какие делают для домашних животных.

И как Алексей раньше её не заметил? Кому может прийти в голову делать подобные ходы в баре, куда не всегда с собаками-то пускают?

В щель просунулась крупная кошачья голова. Глаза Хонсу, а это был именно питомец Казимира, казалось, горели желтоватым светом. Замерев, кот некоторое время шурился, осматривая обстановку. Постепенно он проник в кафе-бар целиком, с трудом протиснув немалое тело через квадратную дыру. Недовольно фыркнул, вставая всеми лапами на пол.

Почувствовав, как Яр и Сашка затаили дыхание, историк и сам застыл, вцепившись пальцами в край стойки. Кот неторопливо обогнул ближайший столик и двинулся в сторону напольных часов. Глаза Алексея расширились. С каждым шагом мягких лап Хонсу будто бы увеличивался в размерах, облезая, теряя клочки шерсти и привычный облик. Отряхнувшись в последнем движении, он меньше всего стал походить на представителя кошачьих.

— Охотник, — выдохнул Сашка, выплеснув слово одними губами.

Только и этого, короткого потока воздуха оказалось достаточно, чтобы существо обернулось, настороженно втянуло вертикальными прорезями запахи. От его вида тошнило. «Охотник» растекался по плоскости, словно с трудом удерживая форму. Белое кольшущееся тело тонуло в чёрных нелепых обмотках, имитирующих одежду. Поначалу оказалось невозможным рассмотреть его лицо, пока на гладкой поверхности не проступили щели глаз и кривого рта, вместо носа ходуном ходили два клапана. Такого Алексей не видел никогда и надеялся, что больше и не увидит. Какие уж тут сомнения в истории Ярослава, существовании Института и действительности артефактов!

Тело потекло к барной стойке. Рука Яра легла на браслет, готовясь к атаке. Бой часов привлёк внимание существа, позволив троем мужчинам выдохнуть. По спине историка текли холодные капли пота.

Взгляд Сашки вопрошал военного, какие предпринимать действия дальше. Бывший попутчик сделался каким-то нервным, покусывал нижнюю губу, поминутно сглатывал. Алексею это сильно не понравилось. Стальной стержень, прошитый в грудине, тревожно вибрировал, а во рту язык прилип к сухому нёбу. Похоже, что они с Сашкой испытывали похожие чувства.

Издав хлюпающий звук, существо выдавило из себя две конечности, напоминающие руки. Отростки проникли внутрь часов, где сразу же после боя стрелки прекратили ход. Три пары глаз следили за каждым движением монстра. Тот ловко извлёк назад свои белые омерзительные щупальца, удерживая свёрнутые и перевязанные бечёвкой бумаги. Тёплый, солнечный свет шёл от свитков. Существо затряслось, чёрный язык змеёй вывалился из щели рта, слюна потекла по подбородку.

Хрустальный, льдистый смех заполнил помещение кафе-бара. Не верилось, что чудовище могло издавать настолько чистые и даже приятные звуки.

— Подарочки, — радостно тянул слова белый червь, прижимаясь уродливой мордой к бумагам. — Я обещал, Конструкт, обещал... Дары глупого Серафима мои.

Алексей не представлял, с чем сравнить пульсирующее тело, оставляющее на полу влажные следы. Свет утекал. Свитки стремительно тускнели, пока существо насыщалось.

— Всегда получаю своё, — удовлетворённо, он вложил артефакт обратно в часы, постоял, покачиваясь рядом. — А теперь... — внезапно вытянувшись вверх, почти цепляя лампы на потолке, существо разом охватило взглядом тёмные углы и стойку бара. — Пора на охоту.

Одновременно со стремительным рывком охотника к стойке, Ярослав выскочил наверх, занял устойчивую позицию на столешнице, широко расставив ноги. Рука с браслетом

взлетела вверх. Он быстро провёл ею над головой, создавая полупрозрачную завесу из голубоватых искр.

— Одарённым не вылезать! — Яр жёстко рявкнул на Алексея, попытавшегося сменить неудобную позицию.

Сашка дёрнул снизу за край куртки. Его лицо приняло оттенок не менее белый, чем кожа твари, зависшей над командой.

— Сиди уж! По нашу душу охотник.

Мир постепенно открывался перед послушником: медленно и неохотно. Понимание возвращалось.

— Серафим, — ласковый девичий голосок прозвучал рядом, тёплые руки коснулись лица. — Совсем плох.

Его подняли, незрячего и шатающегося повели куда-то. Долго лежал Серафим. Подносили воду. Много людей собралось вокруг. Он чувствовал их всех: они пришли к нему с добром и заботой.

— Дяденька, ты живой? — голос Дана сорвался, — вот-вот мальчишка заплачет.

За рукав дёрнул несколько раз, пока не успокоился, увидев улыбку отшельника.

— Живой, — прохрипел Серафим.

Другой, низкий мужской тон повинился:

— Опоздали мы. Собрались с мастеровыми да горожанами выйти против головы и дружины. Устали терпеть его поборы и указания. И не все тебя бранным словом поминали. Обитель защитить хотели. Туда пошли, сюда... — мужчина задохнулся, замолчал, не понимая, как осмыслить. — А и нет никого. И в городище нет. Пропали, точно и не было.

— Искать станут, — Серафим догадался, что говорит с плотником, отцом Дана. — Не нужно было себя под беду подставлять.

— Не станут, — отозвался человек. — Никто о них не помнит. Вроде был голова, а вроде и нет, а дружина к князю ушла в большое войско. То все знают.

— По правде, — третий, молодой и высокий голос, добавил. — Мы и сами уж не помним, как его звали.

— Может Серафим? — робко предположили среди людей.

— Точно! Да! — загудело роем.

— Вспоминается мне, — солидно протянул неизвестный старик. — Вспоминается, что и правда, Серафимом звали нашего голову.

Лёгкая рука Аксины гладила по волосам, а больше Серафиму и не надо было ничего, но слова мастеровых взволновали. Он-то помнил правду.

— Ошибаетесь вы. Простой послушник я.

Он тяжело сел на лежанке, темнота перед глазами таяла, обращаясь в туман, из которого проявлялись образы. Простые, встревоженные лица людей излучали тепло и сочувствие.

— Как же ошибаемся?! — удивились наперебой. — Ты нас, добрый человек, не бросай. Нам без головы в городище никак нельзя. А тебе мы доверяем. Не обманешь, рассудишь, по совести.

Загалдел народ, напирать начал. Тут и Аксины поднялась, закрыла собой Серафима.

— Он подумает, позже решит. Отдохнуть ему нужно, — аккуратно, но напористо выпроводила гостей.

Свои скитники разошлись порядок наводить. Хоть повернулось вспять время, да всё равно где-то огнём прихватило сруб, где-то пристройки покорёжило, разметало скромный скарб.

— Рядышком сядь, — Серафим опирался о край лежанки руками, трудно ему пока было. Недолго они молчали. Аксины глаза опустила, в щербатый пол глядела.

— Зачем на пику кинулась? — строго спросил скитник.

— Надо было, — она ниже опустила голову, но немедленно выпрямилась, в глаза посмотрела. — Помочь тебе. Иначе не получилось бы.

— Он велел?

— Да. И сама знала. Всё вышло, как обещал.

— Дальше-то что? — растерялся разом Серафим. — Пустой я, Аксиньюшка.

Она потянулась, взяла его за руку, крепко сжала. Спокойнее стало. Не совсем пуст был послушник. Огня и стержня не ощущал в груди, но тёплое солнышко согревало душу. Особенно, если рядом Аксинья.

— Вернётся сила, — она уверенно говорила, словно точно знала, что, да как случится. — Много у нас дел.

— Странник так же сказал.

— Значит тому и быть. Помоги людям, Серафим.

— Смогу ли?

— Ты время против естественного круга повернул. С остальным справишься.

Она отвернулась. Высвободила ладонь, поднялась, собираясь уходить. Не отпустил Серафим, поймал, удержал, обхватив стан. Как сидел, заглянул в глаза.

— Со мной останешься? Не монах я, Аксинья. Не принимал пострига. В миру станем жить, как честные люди.

— Ведьму замуж берёшь, — не улыбнулась даже, но взгляд жизнью зажегся, светом, что так был мил Серафиму. — Не боишься? А люди, что скажут?

— Не пугливый я, — легко рассмеялся бывший послушник. — И умом своим привык жить. Люба ты мне, Аксиньюшка. Знаю, до края света со мной пройдёшь, не упрекнёшь, не предашь. И я тебя не предаю. Вместе да с братьями поможем людям.

Несколько дней Серафим набирался сил, много говорил с местными жителями и с братьями по обители. Не все, несущие дар, сразу приняли решение вернуться к людям. Многие помнили о бедах и гонениях. Серафим не торопил их, предложил остаться на старом месте, но сам собирался в городище. Исполнено было его служение.

Постепенно возвращалась и прежняя сила. Как Аксинья обещала, так и случилось. Сталь окрепла, помогая принять новую долю. Не ждал, не звал он такого будущего, но горожане и мастеровые из поселения признали Серафима своим головой. А прежнего будто и не было. Удивлялся бывший послушник, как смог время изменить, вернуть дорогих сердцу людей, как стёрлись из памяти людской те, кто желал зла.

Посоветовавшись с Аксиньей, он осторожно свернул свитки, бичевой перевязал и отнёс в Троицкий монастырь. Строгий игумен Илия склонил голову перед Серафимом.

— Благодарю за работу. Господь даст, хорошее получится из новых ростков. Во всём можешь положиться на меня.

Свитки игумен спрятал в тайном месте, в монастыре, а молодой городской голова почувствовал себя свободнее, словно тяжкий груз с плеч упал. Вместе с юной женой они прошли по городищу и поселениям, оглядели всё, народ о бедах расспросили. Долго говорил Серафим с людьми, видя, как оживают их тусклые глаза, как светлеют лица. Всегда были рады здесь несущим дар.

Немалая казна осталась после сгинувшего прежнего хозяина, да и недовольных много. Трудились бывший скитник с женой и братьями из обители. Мастеровые и горожане от работы не бегали и уважали голову, который, казалось, очень давно заботится о жителях.

Опасался Серафим, что не признают его люди местного князя, но и они не вспомнили о прошлом, как будто так и надо.

Допоздна горели огни в доме Серафима и Аксины. Вдвоём они вышли на резное крыльцо, посмотреть на засыпающий городок. Тёплый свет вокруг стального стержня ярко горел в душах.

— Прав был странник, — вздохнул Серафим полной грудью, приобнял любимую жену. — Много у нас ещё дел.

— Мы справимся, — прильнула щекой к его плечу Аксиныя, но неожиданно руками всплеснула. — Придумала!

— Чего ещё?! — рассмеялся Серафим затеям милой, привык уже к неугомонной натуре.

— Чтобы главные ворота сами запирались, — она в дом побежала, за чистые листы схватилась. — А ещё для мужиков из дружины люльку на башню быстро подниматься. Там такая ручка будет...

Аксиныя без конца говорила, объясняя, загораясь от новых идей, рисовала на свитках, а Серафим улыбался, всем сердцем радуясь, как же правильно у них всё сложилось, сплелось нитями-путями. Даст Господь, и дальше так будет. А коль придётся, то вновь отправятся в дорогу туда, где нужен свет дара, отданного им странником.

Алексей, Сашка и Яр не видели, что происходит. Звонкие, вибрирующие удары подсказывали, что существо пытается пробить защиту. Браслет на руке Яра пищал, а сам военный тараторил:

— Срочно! Дело тридцать четыре дробь пятьдесят восемь. Особый отдел. Охотник класса «А». У меня двое одарённых! Заряд тридцать процентов!

Удары прекратились. Голос, наполненный сладкой патокой, потёк с той стороны барьера.

— М-м, всё такое вкусное, — пропела тварь. — Изголодался я в городишке. Старый дар чахнет и истончается. Столько веков прошло. И кто же у нас тут?

Сашка закрыл глаза, скрестил руки, обхватив себя за плечи, весь сложился плотнее. Точно во сне Алексей наблюдал за ним, чувствуя, как проникает голос до самой сердцевины стержня, не позволяя поступить так же.

— Ох, не вижу. Спрятался, да? Хорошая игра. А второй... Алёшенька, — странная модуляция голоса сделала его бесполом, но более ласковым. — Иди ко мне, иди. Они обманут тебя. Используют и выкинут, как старый башмак. Они всегда так поступают.

Нехорошо сделалось, мерзостно до тошноты. В груди вспыхивало огнём. С усилием Алексей поднял руку, схватился за край барной стойки.

— Куда!?! — На миг Сашка вскинул голову, бросая отчаянный взгляд на историка.

— Вот он, вот! — завопила тварь. — Второй подарочек.

Время тянулось медленно и лениво. Так казалось Алексею. И снова Сашка сложился, закрываясь от зоркого охотника. Яр беспокойно обернулся, стараясь не упустить из виду и врага. Голубоватое прозрачное поле между ними мерцало и искрилось, осыпаясь на глазах.

— Что б тебя! — рыкнул Ярослав и достал из рукава кинжал, отливающий серебром.

В узких щелях фальшивых глаз червя отразилась ирония, рваная рана рта раскрылась в хохоте, показывая острые зубы — множество кинжалов, подобных оружию военного.

— Смешной человечек.

— Поглядим, кто из нас смешной.

Ярослав закрыл собой товарищей, переступал с ноги на ногу, стараясь уловить рисунок своеобразного танца, попасть в ритм движений твари. А та жадно заглядывала ему за спину, не спуская глаз с Алексея. Яр постоянно перекрывал ему обзор.

Борясь с тошнотой и головокружением, историк налёг на стойку, задышал глубоко. Огненное веретено в груди постепенно обретало устойчивость, но зов, зацепивший за душу, не отпускал.

— Вижу тебя, Алёшенька. — Слюна текла по подбородку червя. — Пойдём со мной. Пойдём с Дзифом.

Потянуло прямо через стойку. Алексей будто и не понимал, как обойти препятствие, тыкался слепым кутёнком. Только огонь в груди и удерживал от полного подчинения.

— Нет, — он выдавил из себя короткое слово, язык еле ворочался, но историк нашёл силы сопротивляться.

Зыбкое лицо существа оставалось текучим и изменчивым, складываясь в гримасы мало похожие на человеческие черты. Вот и теперь оно скривилось в недовольстве или досаде. Ярослав взмахом руки с кинжалом отогнал тварь.

— Надоедливая пустышка, — плавая голосом по тонам, выплюнул бес, втянул лысую голову в узкое подобие плеч. — Проклятое серебро.

Пока он отвлекся на Яра, историка немного отпустило. Алексей не представлял, как им выбраться из осаждённого кафе-бара. Мерзостная тварь не выпустит. Между «пришельцем», как мысленно обозвал его Алексей, и жертвами стоит лишь один человек. Долго ли он сможет сдерживать атаки?

И тут, точно подтверждая все сомнения, бес пружинисто оттолкнулся от пола. Ярослав не успел парировать стремительный рывок и упал навзничь, приложившись затылком о тёмные доски. Ещё мгновение и тварь нависла над ним, раскрывая щель полную зубов.

Тело Алексея среагировало раньше разума. Одним движением он перемахнул стойку и втиснулся между лежащим Яром и потусторонним уродцем.

— Вот я! Вот! — надрывный крик вылетел из лёгких.

Широко распахнутая пасть захлопнулась, растягиваясь в невозможной для антропоморфного существа улыбке. Белёсое щупальце коснулось лба Алексея так быстро, так невесомо, что историк и не осознал, как погружается во тьму, где не прекращая терзать его били белые молнии, ныли виски. Тело резко сменило положение, теряя чувствительность.

Очнувшись, Алексей обхватил плечи руками. Влажный холод пробрался под куртку с рубашкой. В спину упиралось что-то твёрдое и ребристое. Пальцы нащупали острое крошево кирпича. Образ твари выплывал из памяти постепенно, рваными толчками, обретая краски и ужасающую реальность. Алексей чувствовал, как горит и ломит лоб. Кажется, белый червь, притворяющийся то котом, то человеком, хотел поживиться чем-то ценным.

Машинально приложив руку к груди, Алексей медленно вдохнул и выдохнул. Огненное веретено осталось на месте, удерживая вокруг себя силу. Не понимая, что означает вложенный в него дар, историк, однако, с облегчением расслабил плечи.

Память сама собой обратилась к иконе. На время, видение Сакрального Дара наполнило его, успокаивая, позволяя осмыслить происходящее. Он снова ощутил тёплый ветер и мягкость свежей травы, увидел мальчика, застывшего с широко распахнутыми глазами. Светлый шар медленно погружался в тело ребёнка. Спокойная сила завораживала и восторгала.

Алексей приподнялся и сел, привалившись к стене. Боль ушла, когда человек с иконы коснулся взглядом обнажённой души. Вспыхнул ярким солнцем свет, ослепил так, что заслезились глаза. Щурясь, историк закрылся ладонью. Тёмная фигура перед ним двоилась. В руке человек держал фонарь.

— Пошли, — голос прозвучал грубо.

Алексея заставили подняться, толкнули в черноту, где под ногами хрустело крошево, напомнившее о развалинах Троицкого монастыря.

«Неужели утащили так далеко?!» — кольнуло изнутри удивлением.

Немного качало, поэтому шёл он медленно, спотыкаясь, что не нравилось сопровождающим. Постепенно Алексей различил, что их не меньше трёх.

«Какой странный сон»...

В опустошении, скованный нереальностью событий, он никак не мог сосредоточиться, но оставался спокоен, будто видение Сакрального Дара послужило своеобразной анестезией, или просто наступил предел чувствительности к происходящему.

Луч фонаря выхватывал куски пространства. Это очень походило на стены монастыря,

виденные ранее, но всё же были и отличия. Алексей быстро сообразил, что они под землёй. Подвал или подземелье с сырыми стенами, кое-где белёными, но облупившимися. Он даже различил размытую и потёртую роспись.

«Библиотека!» — историк легко вспомнил Воробышева, ломающего стены в подвале общественного здания.

Подземные ходы под библиотекой оказались неправдоподобно обширными, но запущенными. Впереди на осыпающейся стене лежало оранжевое пятно мягкого отсвета. Слышались голоса. Одна из фигур обогнала остальных. Человек завернул под арку, где было не так темно. Алексей узнал недовольного опера, который допрашивал его на границе между старым и новым городом.

Отчего-то это открытие помогло Алексею окончательно прийти в себя. Не мистификация, не жуткое чудовище, а вполне реальные противники вселили уверенность. Он обязательно поборется за свободу и жизнь. Вот только, как они связаны с тварью, питающейся силой из свитков?

— Что вы задумали? Я буду жаловаться! — жалобный, немного писклявый голосок раздавался всё ближе и ближе.

После темноты Алексей на мгновение прикрыл глаза, часто заморгал, теряясь в круговерти факелов. Не сразу он смог рассмотреть, куда его привели. Место же выглядело впечатляюще. Историк подумал, что впору снимать фильм в подобных декорациях. Разрушения мало коснулись квадратной залы или за ней хорошо следили. Свет факелов смешивался с трепетными огоньками множества свечей. В центре, лазурью и золотом был выложен символ — готическая «Т». Как теперь знал Алексей, знак принадлежности к Институту из будущего. Заинтересовано, вытянув шею, историк оглядел рисунок и людей, стоящих вокруг.

Их было немного, и он узнал почти всех. Тот же оперативник Семёнов, полковник, вредная администраторша Маринка, бармен из «Часиков», двое мужчин, что обедали в кафе-баре вместе с полковником, несколько мужчин и женщин с размытой и обыденной внешностью — все постарались укрыться за тёмными плащами.

— Спектакль, — тихо фыркнул Алексей, настолько смешно и пафосно они смотрелись.

По спине прошлось холодом. Если они привели чужака в самое гнездо, значит живым ему не уйти.

— Отпустите! — снова заголосили чуть в стороне, куда и обернулся историк.

На каменном возвышении крутился связанный Воробышев. Всклопоченный, покрасневший от натуги, он больше походил на школьника, чем на серьёзного работника библиотеки.

— Молчи, варвар, — певучий и сладкий тон Казимира Смурова невозможно было спутать ни с кем другим.

Алексей во все глаза глядел на потомка промышленника, заварившего всю историю со свитками и сектой в городке. Огромный кот сидел за спиной зрителя музея в нише с фреской. Эта стена была превращена в место поклонения божеству. В мерцающем свете свежими красками проступал знакомый образ, но Алексей легко уловил отличия.

Черты оставались всё теми же, совершенными, но ни следа мягкости и принятия. Такой не отдаст дар, а скорее заберёт вместе с жизнью или душой. Грозный лик, где отражалась сила в каждой линии, тонкие щрамы искажали облик, соединяя две стороны мироустройства. Оказаться на пути подобной стихии было бы ошибкой. Свежесть

изображения давала понять, что его частенько обновляли. Кто бы ни рисовал человека, называемого Ярославом «начальником», он постарался извратить образ, сделать его пугающим, несущим угрозу.

Тем временем, Витька Смуров, одетый в такой же чёрный балахон, что и остальные, встал возле подвывающего Воробышева. Оперативник Семёнов обеими руками удержал заведующего за плечи.

Казимир радостно взмахнул рукой с перстнем.

— У нас сегодня особый гость, господа. Историк и наш земляк. Праправнук доктора Лукашова, которого мы так хорошо помним и не устаём благодарить за помощь жителям города. Как бы нам хотелось видеть его в рядах благословенных хранителей!

Присутствующие молчали. Присмотревшись, Алексей ожидал увидеть, что у всех расширены зрачки, а взгляд отрешённый и застывший. Он предполагал, что члены секты одурманены, но ошибся. Их глаза горели таким же радостным возбуждением. С жадным нетерпением они следили за Смуровым-младшим и извивающимся Воробышевым.

— Очень жаль! — воскликнул Казимир. — Жаль, что доктор Лукашов и его отпрыск не пошли за истинной. Вместе мы достигли бы намного большего. Увы, всё моё красноречие не убедило их.

Что-то кольнуло в сознании Алексея, но ошарашенный событиями, он не сразу до конца понимал поток слов. Казимир словно смешивал безумный коктейль из времён и фактов. Кот щурился, лениво осматривая присутствующих, и выглядел вполне обыденно. Историк подумал, что произошедшее в кафе-баре ему лишь привиделось. Очень хотелось высказать всё, что он думает по поводу городка, секты и самого Казимира, но Алексей благоразумно молчал, наблюдая за оживлённым Смуровым.

— Сегодня мы собрались, чтобы свершилось правосудие, — торжественно после паузы провозгласил смотритель музея.

Его слова немного подзадорили слушателей. Администраторша Маринка приосанилась, поправляя плащик. Полковник довольно хмыкнул. И остальные зашептались, понимающе кивая.

— Прежде чем получить новое благословение бога Хонсу, нам предстоит осудить преступника. И третьим пунктом — особое подношение для повелителя.

Счастливый и певучий голос Казимира раздражал. Алексей словно тонул в этой бесконечной патоке, а в груди, охваченная огнём сталь предупреждала об опасности.

Сообразят ли Сашка и Ярослав, где искать похищенного историка? Что с ними стало? Бармен из «Часиков» стоял среди сектантов, значит на работу придёт не скоро. Яр вызывал подкрепление — это Алексей помнил чётко.

— Этот человек, — протянув руку с перстнем, Казимир небрежно указал на Воробышева. — Этот ужасный варвар... — он намеренно повысил голос, говоря медленно и значительно. — Уничтожил лик нашего господина. Как мы должны поступить с преступником?

— Смерть! — выдохнули все разом, повторяя вердикт. — Смерть!

Воробышев нашёл в себе силы, чтобы попытаться выкрутиться из рук опера, но получил тычок кулаком в лицо. Голова его резко откинулась, ударяясь о камень. Заведующий библиотекой застонал, удивлённо заморгал, ощущая струйку крови, заливающую рот.

— Что вы творите... — От возмущения слова вылетели из Алексея сами собой.

Он не спрашивал, понимая, что сам находится рядом со смертью, как и несчастный,

тщедушный служащий. Историк никак не мог осознать, что в реальности могут происходить такие дикие вещи. Теперь невозможно было сказать, каким образом родился в городке культ человека с фресок, но факт оставался фактом. И нашлись те, кто готов был прикрываться его именем, чтобы управлять жителями, преследуя свои цели.

— Правосудие, мальчик! — Казимир гордо вскинул голову. — Правосудие и историю! Варвар приговорён. Исполняйте!

Кот, будто соглашаясь с приговором, издал рокошующий «мяв», но с места не двинулся. Зашевелился Витька Смуров, неторопливо прошёл в другой конец небольшой залы. В нише стояла шкатулка, откуда он достал кривой нож. Удерживая оружие на пальцах обеих рук, Смуров сделал круг, обойдя всех сектантов. Алексей заглянул в лицо племянника Казимира и понял, что тот ничуть не колеблется. С лёгкостью молодой мужчина взялся за алебастровую рукоять с чёрными египетскими символами. Воробышев сорвал голос и тихо скулил, следя воспалёнными глазами за исполнителем приговора.

Алексей не простил бы себе не попытаться вмешаться. Его, рванувшего к каменному возвышению, остановили несколько мужчин.

— Что вы хотите взамен?! — он решил потянуть время, пытаясь выторговать жизнь чужого ему человека.

— Не мешайте, юноша, — Казимир сурово свёл брови. — Ваше время придёт. И очень скоро.

— Убьёте его и меня — никогда не узнаете, где Сакральный Дар.

Витька остановился, занеся руку с серповидным оружием над Воробышевым, обернулся на дядюшку. В тишине мягко приземлился на толстые лапы кот, потёрся о ноги хозяина. Казимир поднял его, прижимаясь щекой к ухоженной густой шерсти.

— Плохая игра, — сладость Смурова растворилась в ярости. — Приговор вынесен и будет исполнен. Бог времени суров, но справедлив. Мы все свидетели, — он обвёл жестом прихожан необычного храма.

Горожане с восхищённым вниманием следили за Смуровым, а Алексей был для них незначительной, но досадной помехой. Несколько раз кот ткнулся носом в ухо хозяина. Ярость Казимира угасла, а губы растянулись в улыбке.

— Впрочем, если ты отдашь нам Сакральный Дар, то мы подумаем, как отблагодарить. Великому Хонсу по нраву добровольные подношения. Нам нужна эта вещь. Он желает получить её.

Казимир так многозначительно коснулся ладонью своего питомца, словно говорил о нём. Как будто именно кот посоветовал пойти на уступки в разговоре с историком.

— Какие гарантии? — упрямо стиснув челюсти, Алексей продумывал каждое слово.

Собеседник покачал головой, поморщился, когда со стороны тесной группки сектантов рефреном зазвучало:

— Смерть! Смерть!

— Люди ждут справедливости. Пойми, милый мой, не я решаю. Мы можем отпустить негодника заведующего, даже заткнуть ему рот, чтобы не выдал секретов, но его же прирежут в тёмном углу. Так какая разница, когда. Его смерть послужит уроком для остальных, а кровь станет даром божеству.

— Вы ненормальные, — Алексей вырвался из рук, всё ещё удерживающих его.

— Он даёт нам время жизни, так почему бы не отдать взамен такой мизер, как жизнь жалкого человечка. Твой прадед и его отец были такими же упёртыми глупцами, готовыми

разрушить всё ради одной никчёмной жизни, — голос Казимира звучал устало, будто он в сотый раз втолковывал истину.

Питомец завертелся в его руках, ударил лапой с выпущенными когтями по щеке, зашипел.

— Хозяин недоволен долгими разговорами, — служитель музея подал знак продолжать. — А где Сакральный Дар, ты нам всё равно скажешь.

Алексей не успел двинуться с места, отвернуться или произнести хотя бы слово. Часто моргая, он смотрел, как по серым камням течёт бурый ручеек. Всё это не могло быть правдой, но оставалось реальностью, от которой хотелось очнуться.

Воробышев хрипел недолго. Последняя судорога прошла по тщедушному телу. Грациозно прыгнув, кот ткнулся носом в окроплённые кровью камни, лизнул раз-другой. Люди молча ждали, пока тварь насытится. Существо перестало скрываться, сквозь шерсть проступила склизкая белая кожа.

— Раскройте его для меня, — хрустально пропело чудовище, обернувшись.

Алексея тряхнуло при виде текучего бледного лица, измазанного кровью. Черты двигались, пытаясь сложиться в нечто постоянное и очень знакомое. Щель рта искривлялась, складки, где прятались глаза распахивались шире. Линии застыли, так и не став совершенным ликом человека с фресок.

— Благословение, — пронёсся шёпот среди чёрных плащей. — Дай нам вечности.

— Жалкая пародия, — ухмыльнулся историк, преодолев тошнотворный ужас, узлом завязавший внутренности.

Кошмар из кафе-бара вернулся, а Алексей так рассчитывал, что белый червь лишь привиделся. Оперативник, вставший позади положил руку на плечо. Без тренировок Алексей давно позабыл приёмы из школьной юности, но перехватил ладонью пальцы Семёнова, мгновенно сжал до хруста и развернулся. Колено попало точно в цель.

— Гадёныш, — опер согнулся, падая на колени.

Насладиться маленькой победой Алексей не успел. Витька Смуров, бармен и другие скрутили так, что не шелохнёшься. Он ещё пытался сопротивляться, отдал чью-то ногу, ударил под рёбра, оттолкнул, но всё напрасно. Казимир аккуратно распахнул куртку историка и расстегнул рубашку, обнажая грудь, отошёл, вежливо приглашая хозяина к трапезе.

— Ваша жидкость не плоха на вкус, но дары и время намного слаще.

Существо перетекло ближе, не утруждая себя созданием лишних конечностей, ему хватало одного подобия руки, чтобы коснуться лица Алексея, пройти по шее и ткнуться точно в то место, где ярче всего горело огнём стальное веретено. Кожу будто пронзило множеством игл. Алексей втянул губами воздух, сдерживая стон. На мгновение в глазах потемнело.

— И где же у нас Сакральный Дар, — мерзкая тварь придвинулась ближе, поглаживая, незримо сдирая кожу с тела историка. — Скажи Дзифу правду.

Алексей ощутил, как иглы проникли глубже, терзают, медленно добираются до стального стержня. С сожалением Дзиф отпустил жертву, давая отдохнуть, но успел забрать самую капельку света, вложенного в Алексея при соприкосновении с иконой. Это оказалось невыносимо больно. Намного хуже простого физического страдания. В ушах шумело, и бесполовая модуляция голоса беса доносилась словно издалека.

— М-м... Сладко. Я обязательно поделюсь с вами, — тварь вытянулась, чтобы видеть

сверху сразу всех своих подданных. — А тебя я буду пить по капле, Алёшенька, — нежный голос звучал ручейком.

— Отравишься, — переведя дух, Алексей выпрямился, понимая, что если бы не руки помощников Дзифа, удерживающие его, то давно бы рухнул на каменную крошку.

— Вернёмся к процедуре, — радостным колокольчиком смеялся белёсый урод.

Он давно позабыл о сохранении нужного облика. Линии тела расплывались, становились просто бесформенной грудой, чуть прикрытой грязными обмотками. Отросток щупальца подобрался к заветному месту, царапая, разрывая без каких-либо следов и повреждений, но Алексей чувствовал, насколько сильно ранен. Неторопливо и болезненно Дзиф тянул нити дара. Несколько заходов, и останется пустая оболочка.

«Да, я же и раньше был такой. Пустой голем. Ничего нового», — с печальной иронией подумал историк.

Мысль придала решимости, но вместо напряжения всех мышц, чтобы сопротивляться, он расслабился. Дзиф не умел моргать, складки, имитирующие глаза широко раскрылись.

— Ты что-то задумал, человек, — нити света натянулись.

Алексей скрипнул зубами, размеренно считая:

«Один, два, три, четыре...»

Накатила сонная муть. Сквозь неё пробился требовательный вопрос:

— Где Сакральный Дар, глупый человечек? — Тон Дзифа был нетерпелив и захлёбывался от жажды и жадности.

— Ты перебрал, — прохрипел Алексей, чувствуя, как ледяной холод разрастается в груди.

Он помнил, что должен сделать нечто важное, решающее, но жрущий его паразит забирал свет вместе с силами. Боли уже не было. Историк повис на руках сектантов. Ему представлялось, что глаза их горят лихорадочным огнём от желания получить крупицу дара и жизни. Где же команда из Института? Неужели никак не найдут логово? Скоро станет совсем поздно. Никто не сможет помочь.

«Помоги и будешь спасён», — ярким лучом в памяти высветило образ леса на краю поля.

Как вживую увидел Алексей мальчика, стоящего перед человеком со шрамами на лице. Мальчик обратился в приятного молодого мужчину с русой бородкой. Всполох света в его груди коснулся и слабеющего историка.

Красочную картинку точно выдернули из-под фигурок, сменили иной, где дымом закрыло небо. Люди замерли перед горящим срубом. Воины с пиками удерживали хрупкую девушку в изорванной рубахе. Мёртвые тела лежали в грязи. Образ настойчиво заполнял сознание, позволяя на время перестать чувствовать манипуляции Дзифа.

— Нет! — крик отшельника потёк видимыми нитями через пространство.

Бурое пятно расплывалось на льне. Лицо девушки с острыми, правильными чертами побелело. Угасающее всколыхнулось в груди Алексея, горячо забило последними каплями света, вытягивая отобранное Дзифом. Три потока сливались в единую нить времени. Дева сплетала свои силы с сиянием русоволосого мужчины, а будущее укрепило узлы огнём, отданным Алексеем. Единая связка заполнила все точки по линии времени, вернувшись к историку.

Дзиф взвыл и задёргался, пожелав разорвать связь, но не смог отлепиться от стального веретена. Все его силы и время закручивало в обратном потоке, иссушая, выворачивая наизнанку. В широко распахнутых глазах Алексея отразился искривлённый облик твари. Казимир и остальные адепты секты закричали, заметались по зале. Если бы историк не был так сосредоточен на собственных ощущениях, на нитях и узлах времени, текущих через него, то увидел бы, как меняются полубезумные лица.

— Здесь! Он здесь! — гулко разнёсся знакомый голос, отражаясь от стен.

— Не подходи! — второй был жёстким и требовательным. — Он в связке.

Алексей до капли испил белого беса. Картинка, где рассыпались прахом воины, а дева поднялась, словно и не умирала, поблёлкла. Но и реальность он продолжал видеть фрагментами, осколками, которые никак не удавалось соединить между собой.

— Не честно, — последним хрустальным перезвоном прозвучал выдох Дзифа из пустоты.

Пошатываясь, историк всё-таки не устоял, упал на четвереньки, ссадив ладони. В груди жгло обугленной пустотой. Он задыхался.

— Найдите чистое место, — некто совсем незнакомый произносил слова мягко, певуче,

но одновременно подчиняя скрытой силой.

Под воздействием этого голоса Алексей поднялся, не понимая, где стоит и куда подевались люди, что недавно терзали слух криками. Потом его повели, заставили сесть. Он оперся о колени, опустил голову ниже. Так стало легче.

— Всё осмотреть. Лишнее убрать. Входы законсервировать, — донеслось в отдалении.

Защуршала каменная крошка под ногами идущего человека. Звуки приближались.

— Это твоё, Алексей.

Перед глазами возникла рука, держащая перстень, но первое, что заметил историк — такой же символ, только на золоте у самого незнакомца. Алексей потёр лицо, пытаясь сосредоточиться и осознать происходящее. Машинально забрал наследие предка, надел. Говорить не хотелось.

— Немного похоже на контузию, да? — Сбоку вынырнул улыбающийся Сашка. — Или как? Расскажешь?

— Не мучай его, — человек сел рядом.

Алексей не успел и дёрнуться, как ощутил сильные пальцы, обхватившие затылок и чужую ладонь, которая легла точно на точку, куда ранее метил бес. Пепел и обломки стержня вспыхнули огненным солнцем. Воздух прорвался в лёгкие.

— Где горожане? — он зацепился за первую же ясную мысль.

— Там, где им положено быть. — Сила от пальцев незнакомца пробивалась толчками. — Всё, остальное само восстановится.

Человек поднялся, обращаясь к Сашке.

— Проконтролируй несколько дней.

— С удовольствием, — никакие испытания, похоже, не могли изменить настроения бывшего попутчика.

Почувствовав силы, Алексей подскочил, чтобы наконец встретиться лицом к лицу с начальником этой всей странной компании. Он понял с кем имеет дело практически тут же, как подлатали. Остро полоснуло недовольством, что его словно вещь передают из рук в руки.

— Я прекрасно себя контролирую, — прозвучало несколько грубее, чем Алексей хотел.

Не так давно обрётённая суть возвращалась, а он так и не научился управляться с ней. Человек, которого он видел изображённым на иконе и фресках, улыбался: успокаивающе, понимающе, немного устало. Он показался старше.

— Спасибо за помощь. Хочешь знать?

Алексей кивнул. Конечно же, чёрт побери, он желал знать всё!

— За каждое знание приходится платить, — мягкость странника была обманчива.

Историк запахнул куртку плотнее, заметив, что на самом деле незнакомец улыбается лишь одной стороной лица. На затылке как будто продолжала лежать чужая рука. Алексей очень чётко ощутил прикосновение. Холодом потянуло по подземелью.

Ярослав, закончив дела в глубине залы, присоединился к Сашке, встал рядом, прислушиваясь к разговору.

— Вы использовали меня и требуете какой-то платы? — Вероятно, Алексей так же сильно устал, потому что не возмутился по-настоящему, только с сарказмом усмехнулся. — Поразительная доброта.

— Время не имеет окраски, — тот, кого Яр назвал Конструктом, изучающе смотрел на историка, точно пытаясь найти внутри и другие источники силы. — Человек считает

добром всё приятное ему, а злом — болезненное, идущее против его желаний. Время же существует по правилам. Дзиф эти правила нарушил. Результат ты видел. Почему же ты или я должны нарушать законы, придуманные не нами.

— Хорошо, какова плата?

— Выбор за тобой. Узнать и забыть с нашей помощью или узнать и продолжить дело прадеда, — тут он искренне рассмеялся, довольный растерянностью Алексея.

— Хм... — историк явно ожидал иного развития событий. — Нормальная цена. Чтс я должен делать во втором случае?

Он сам удивился, с какой лёгкостью соглашается на kota в мешке, но идея показалась слишком заманчивой.

— Все инструкции позже, — похоже, что именно на такое решение рассчитывал Конструкт. — Не каждый носитель дара может противостоять охотнику. Дзиф мечтал получить силу одного молодого послушника, жившего в давние времена. Ему не удалось это тогда, и он попытался снова завладеть двумя артефактами, в которых остался дар Серафима. Дзиф извратил природу свитков, приспособил как... Подобно аккумулятору для собственных нужд, забирая жизнь и силы из городка, перекачивая чужое время. Он подкармливал помощников из местных. Неприятный культ, — странник повёл плечами, вспомнив, что сам и есть верховное божество для представителей секты.

— Представляю... Когда тебе приносят кровавые жертвы. И куда они подевались? Смуровы, Маринка эта, полковник?

— Через тебя ушло то, что им давал Дзиф. Их существование давно закончилось. Они прах. Ты уже понял, что Казимир Смуров и промышленник Смуров одно лицо?

— Все они Казимиры. Кажется, так говорила моя родственница. Вот почему он упоминал доктора Лукашова и прадеда! — Алексей припомнил все странные фразы хозяина kota. — Фото в музее. Казимир действительно знал моих предков.

— И соперничал с ними в поисках свитков, собираясь добраться и до Сакрального Дара. Икону увезли, а Смуровы, заполучив свитки послушника Серафима, и некоторые из горожан окончательно попали под влияние Дзифа. Охотник хорошо пристроился на долгие и долгие годы, пользуясь чужими подарками и временем. Жажда дара Серафима и привела Дзифа к гибели. Через тебя вернулись силы свитков их создателю в прошлом в самый необходимый момент. Они же спасли в настоящем.

— Возможно, когда-нибудь я пойму, — историк оставался слегка оглушённым, а разум впитывал сведения медленно и с неохотой.

Вроде бы он только что согласился, шагнул в неизвестное, не понимая во что ввязывается. Или это случилось в первый же день в городке, когда чужак сошёл с поезда, оббивая ноги о чемодан деда. Ладно, разберётся позже.

Они проговорили ещё с полчаса, прежде чем Конструкт попрощался с командой, пообещав переслать инструкции. Другие люди из Института заканчивали работу по консервации подземелья. Ни одного тёмного угла или хода не оставили без внимания. Перекрыли завалами подходы к залам. Фрески архивировали знакомым способом напрямую со стен.

Яр вывел команду на поверхность.

— Всё-таки монастырь, — Алексей поёжился, наблюдая, как клубится среди развалин предрассветный туман.

— Система ходов между монастырём и городком, — Ярослав сунул руки в карманы

и привалился к почти целой стене. — Здание библиотеки стоит ровно над одним из выходов. Там раньше скит был. Много построек.

— А подземная часть откуда? — Алексей оживился, прежний интерес перевесил усталость.

— Институт строил. База была в древности. Жили наблюдатели. Эвакуировать пришлось. История, понимаешь, вещь не простая.

— И время тоже, — охотно согласился Алексей.

На сердце сделалось отчего-то спокойно и легко.

— Я вам продуктов привёз.

Алексей влетел в квартирку Варвары вместе с морозным духом. В руках он держал сразу несколько огромных пакетов.

— У меня в холодильнике уже и места нет! — взвилась старушка.

Избавившись от груза, родственник почесал в затылке.

— Подруг пригласите, праздник устройте. — Выход нашёлся сам собой. — Деда скоро привезу. Вдвоём быстро уничтожьте припасы.

Метнувшись к дверям, Алексей стремился быстрее выскочить наружу.

— Поешь хоть! — баба Варя сухой рукой вцепилась в Алексея. — Опять бежишь. Голову-то побереги! По осени вон какие ужасы творились.

— Какие-такие ужасы? — широко улыбаясь, родственник притворно удивился.

— Людей много пропало. Так себе люди, поганые, но живые же. И не прикидывайся. Не обманешь меня. Знаешь что-то, но молчишь, — она рукой махнула. — Правильно делаешь. Молчи лучше.

— Да ладно! В музей я спешу, в музей. Встреча у меня.

Он торопливо шагнул в белизну зимы. Свежий снежок плотно укрыл дорожки, шапки деревьев и крыши домов. Городок стоял посвежевший и юный. Дворник старательно елозил лопатой по площади перед библиотекой. Поприветствовав его, Алексей окунулся в тёплый дух холла, порылся в карманах, отыскал ключ.

Он любил приятную тишину городского музея, любил возиться с экспозицией, раскладывая вещи. В самом начале Алексей вычистил тёмные углы, найдя немало загадочных раритетов, собранных Казимиром для Дзифа. Интересным оказался и фонд библиотеки, доставшийся от доктора Лукашова. Всё это помогало в написании научного труда, ради которого он и приехал в городок. Только теперь Алексей сам стал частью его истории.

Неподалёку от дома Варвары была свободная уютная квартирка, где и поселился историк. Ярослав и Сашка пробыли в городе ещё неделю после событий осенью и получили новое задание. Алексею предстояло оплатить тайные знания.

Получив инструкции, он не сильно горевал о прошлом месте жительства и работе. Вышло всё как-то само собой. Он понимал, что люди из Института каким-то образом помогли сложиться обстоятельствам и событиям, но от него здесь не потребовалось и мизера. Более того, обязанности наблюдателя от Института хорошо оплачивались, а дело было интересным самому историку.

— Поглядим, куда тебя пристроить, — пробормотал Алексей, разворачивая припрятанный ранее свёрток.

Солнечное веретено в груди отозвалось теплом, когда пальцы коснулись расшитого пояса. Немало дара было вложено в работу. Молодой смотритель музея почти увидел мастерицу, склонившую голову над своим произведением. Особой силы был пояс.

Алексей улыбнулся, вспомнив, как топали они с Яром и Сашкой по первому снегу, как разыскивали покинутую деревню, чтобы раздобыть новый экспонат для коллекции.

— Дракон ты, Алёшка! Как есть дракон! — посмеялся над собой. — И богатства при тебе.

Рядом кто-то сдержанно кашлянул.

— Простите, вы смотритель музея?

Девушка в простеньких джинсах и свитере с высоким толстым воротом старалась смотреть прямо на Алексея, но взгляд её так и норовил охватить предметы из экспозиции. Она улыбнулась и поправила прядку русых волос, заплетённых в короткую косу.

— Аксинья. Вам должны были передать инструкцию.

— Редкое имя, — немного оторопев, Алексей забыл поздороваться.

Юная гостья пожалала плечиками.

— Когда я родилась, были в моде старорусские имена.

— Вам очень идёт это имя, — Алексей протянул руку для знакомства. — Алексей.

Смотритель, — его взгляд упал на перстень на пальчике девушки. — Наблюдатель, шестой уровень доступа.

— Ой, — радостно воскликнув, она не сразу отпустила руку нового знакомого. — И у меня шестой. Это хорошо. Не люблю постоянно думать, что можно говорить, а что нет.

— Значит вас прислали, чтобы помочь с архивами в фонде? — Алексей вспомнил, что писали в последней инструкции.

— И в работе с коллекцией. Часто приходится уходить «в поиск» с командой?

Она не выдержала и с нескрываемым интересом начала рассматривать старые фотографии, книги, вещи.

— Снега много. В начале зимы несколько раз выезжали.

— О, какой интересный артефакт! Расскажите? — глаза Аксиньи загорелись при виде расшитого пояса. — Я стажировку прохожу. Не очень опытная пока, но вижу, что эту вещь рано архивировать.

— Обязательно всё расскажу и покажу!

Он с готовностью повёл помощницу по небольшому музею. Аксинья слушала, задавала вопросы. Руки Алексея нет-нет, да осторожно ложились на плечи девушки, когда он хотел обратить её внимание на очередной интересный артефакт. С осени они добыли несколько таких, а весной собирались продолжить поиск.

— А тут фотография и записи моего предка. Доктор Лукашов и его сын так же работали на Институт...

Больше книг на сайте - Knigoed.net